

ISSN 0868-5169

Р
2(126)' 2025
РЕГИОН

ЭКОНОМИКА И СОЦИОЛОГИЯ

Журнал основан в 1963 г. Издавался под названием «Известия СО АН СССР, серия общественных наук», в 1993 г. зарегистрирован как самостоятельное научное издание – «Регион: экономика и социология».

Выходит четыре раза в год.

Издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики и организации промышленного производства (ИЭОПП) Сибирского отделения Российской академии наук

Учредители: Сибирское отделение РАН, ИЭОПП СО РАН, Исполнительный комитет Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение»

Редакционная коллегия:

Е.А. Коломак (главный редактор), В.Е. Селиверстов (заместитель главного редактора), Л.В. Мельникова (заместитель главного редактора), С.Р. Халимова (заместитель главного редактора, выпускающий редактор), Е.С. Копылова (ответственный секретарь), Т.Ю. Богомолова, Н.Д. Вавилина, Т.С. Вертинская (Республика Беларусь), Б.С. Жихаревич, А.Г. Исаев, Н.А. Кравченко, Ю.Г. Лаврикова, В.Н. Лексин, Л.Э. Лимонов, Н.Н. Михеева, А.С. Новоселов, А.Н. Пилясов, Е.В. Рудой, Б.Г. Санеев, О.П. Фадеева, А.А. Шабунова

Редакционный совет:

В.А. Крюков (председатель редакционного совета), Ежи Баньски (Польша), Джон Батчлер (Великобритания), Даваасурэн Авирмэд (Монголия), Дорж Тувдийн (Монголия), Дун Сочэн (Китай), О.Б. Глезер, Ж.А. Кулекеев (Казахстан), В.В. Кулешов, Ли Юнцюань (Китай), Назим Музаффарли (Иманов) (Азербайджан), Илона Пальне-Ковач (Венгрия), Б.Н. Порфирьев, Сунь Чжунань (Китай), В.И. Суслов, Табата Шиниширо (Япония), А.Г. Шумилин (Республика Беларусь)

Адрес редакции: 630090, г. Новосибирск,
просп. Академика Лаврентьева, 17, ИЭОПП СО РАН
E-mail: region@ieie.nsc.ru, yes@ieie.nsc.ru

Региональная политика и экономические проблемы федерализма	
<i>Суслицын С.А.</i> Возможности и условия гармонизации экономических отношений регионов, бизнес-структур и федерального центра	3
Экономические проблемы развития регионов	
<i>Сумская Т.В.</i> Анализ бюджетной обеспеченности регионов России: подходы и выводы	29
<i>Кашапова Э.Р., Клемашева Е.И., Маланина В.А., Рождественская Е.М.</i> Анализ цифровых практик потребления в регионах России на основе индексного подхода	53
Социальные проблемы регионального развития	
<i>Абдулаев А.Д.</i> Трансформация института административных жалоб: активизм и кооперация на электронных порталах при решении проблем ЖКХ	84
Региональные и межрегиональные аспекты структурной и инвестиционной политики	
<i>Митрофанова И.В., Чернова О.А., Плешакова М.В.</i> Влияние инвестиций в основной капитал на инновационное развитие регионального социоэкономического комплекса (на примере Южного макрорегиона)	113
Проблемы местного самоуправления и муниципального развития	
<i>Шатохин Д.А., Титов Э.А., Петрова И.В.</i> Стратегия и сценарии цифровизации инициативного бюджетирования в Российской Федерации	141
<i>Калюгина С.Н., Мухорьянова О.А., Пьянов А.И.</i> Устойчивое социально-экономическое развитие региона в контексте перехода к одноуровневой модели организации местного самоуправления	164
Евразийские трансграничные взаимодействия	
<i>Сюй Полин, Сюй Цзяньхуэй</i> Влияние стратегии масштабного освоения Западного макрорегиона на пространственное развитие Китая: эффективность внутренней политики и проблемы	186
Научная жизнь	
<i>Новоселов А.С.</i> Теоретические и методологические проблемы региональной экономической политики в исследованиях сибирской научной школы	231

**Regional Policy
and Economic Issues of Federalism**

- Suspitsyn, S.A.* Opportunities and Conditions to Harmonize Economic Relations
Between Regions, Business Structures and the Federal Center 3

Economic Issues of Regional Development

- Sumskaya, T.V.* Analysis of Fiscal Capacity of Russian Regions:
Approaches and Conclusions 29

- Kashapova, E.R., E.I. Klemasheva, V.A. Malanina and E.M. Rozhdestvenskaya.*
Analysis of Digital Consumption Practices
in Russian Regions Based on the Index Approach 53

Social Issues of Regional Development

- Abdulaev, A.D.* Transformation of the Institution of Administrative Complaints:
Activism and Cooperation on Digital Portals in Solving Housing
and Communal Services Problems 84

**Regional and Interregional Aspects
of Structural and Investment Policy**

- Mitrofanova, I.V., O.A. Chernova and M.V. Pleshakova.* The Impact
of Investments in Fixed Capital on the Innovative Development
of the Regional Socio-Economic Complex
(Using the Example of the Southern Macroregion) 113

**Issues of Local Self-Government
and Municipal Development**

- Shatohin, D.A., E.A. Titov and I.V. Petrova.* Strategy and Scenarios
of Digitalization of Participatory Budgeting in the Russian Federation 141
- Kalyugina, S.N., O.A. Mukhoryanova and A.I. Pyanov.* Sustainable
Socio-Economic Development of the Region in the Context
of Transition to a One-Level Model of Local Government Organization 164

Eurasian Cross-Border Interactions

- Xu Poling and Xu Jianhui.* The Impact of the Large-Scale Development Strategy
for the Western Macroregion on China's Spatial Development:
Domestic Policy Efficiency and Challenges 186

News Notes

- Novoselov, A.S.* Theoretical and Methodological Problems
of Regional Economic Policy in Studies of the Siberian Scientific School . . . 231

УДК 332.14

Регион: экономика и социология, 2025, № 2 (126), с. 3–28

С.А. Суспицын

ВОЗМОЖНОСТИ И УСЛОВИЯ ГАРМОНИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ РЕГИОНОВ, БИЗНЕС-СТРУКТУР И ФЕДЕРАЛЬНОГО ЦЕНТРА

Основное содержание статьи состоит в демонстрации использования приемов когнитивного моделирования взаимного влияния пространственных и экономических факторов развития в системах федеративного типа. Социально-экономическая система России изучается в разрезе трех крупных акторов: регионов, бизнес-структур и федерального центра. В процессах расширенного воспроизводства экономических отношений регионы ответственны за воспроизводство человеческого капитала, бизнес-структуры отвечают за воспроизводство индустриального капитала, федеральный центр, исполняя функции института развития, помогает обоим акторам, обеспечивая при этом достижение собственных интересов. Рассмотрение социально-экономической системы в максимально возможных агрегатах ее основных подсистем позволяет основное внимание уделить изучению их возможностей и достижимых компетенций при взаимодействии между собой.

Ключевые слова: пространственные системы; регионы; экономика федерализма; когнитивные модели

Для цитирования: Суспицын С.А. Возможности и условия гармонизации экономических отношений регионов, бизнес-структур и федерального центра // Регион: экономика и социология. – 2025. – № 2 (126). – С. 3–28. DOI: 10.15372/REG20250201.

КОГНИТИВНАЯ МЕТАМОДЕЛЬ ТРАНСАКЦИОННЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ РЕГИОНОВ, ФЕДЕРАЛЬНОГО ЦЕНТРА И БИЗНЕС-СТРУКТУР

Когнитивный подход, возникший в психологии раньше, чем в других науках, направлен на исследование всех процессов познания: «восприятия, внимания, памяти, обучения, воображения, речевой и вербальной коммуникации, мышления» (*Когнитивная психология* // Большая российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru/c/kognitivnaia-psikhologija-e81ba8>). В других областях он проявляется в процессах представления знаний, их хранения, обработки, интерпретации и производства новых знаний. Когнитивные модели социально-экономических систем позволяют сочетать формализованные построения с опытом, творческим потенциалом и фантазией экспертов, наполняя их зачастую более сложными и не всегда очевидными смысловыми интерпретациями [2; 3; 8]. В экономике когнитивный подход используется для понимания и прогнозирования поведения сложных экономических систем, для анализа взаимодействий и циклов обратной связи между различными участниками и компонентами. Как правило, когнитивная модель объекта является укрупненной моделью, дающей возможность выявлять его общие свойства на основе сетевого и формализованного представления связей между образующими объект понятиями, факторами, показателями, взаимодействующими подсистемами и их блоками.

В наших предыдущих работах [6; 9] построена и изучена когнитивная модель анализа экономических отношений в системе «регионы – федеральный центр – бизнес-структуры». Логику взаимодействия этих участников наглядно демонстрирует ориентированный граф, вершинами которого являются сами акторы, а дуги описывают направления и интенсивность их воздействия друг на друга (рис. 1).

Взаимодействие акторов осуществляется в виде разнообразных трансакций, включающих информационные, финансовые, материальные, вербальные (смысловые) и прочие компоненты, которые зачастую несопоставимы и по своей природе, и даже по единицам измерения (рубли, тонны, байты, нормативные документы и проч.). Эти обстоятельства, безусловно, затрудняют поиск обобщающих инди-

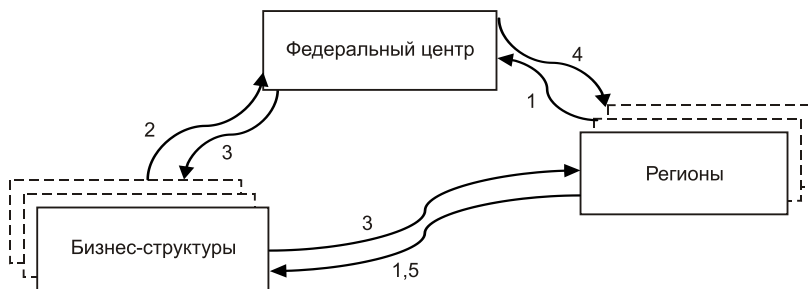

Рис. 1. Граф связности системы «регионы – федеральный центр – бизнес-структуры»

Источник: составлено автором

каторов интенсивности и скорости потока транзакций между участниками процесса, сводных оценок их вклада в процессы взаимодействия, а также желаемых распределений между ними транзакционной активности. Но если эту сложную задачу удастся решить, то вопрос о возможности сближения вкладов акторов в общий поток транзакций, а тем самым и об их равнозначности в системе отношений между собой получает решение.

Сложившийся в РФ к 2020 г. уровень взаимодействий в системе «регионы – федеральный центр – бизнес-структуры» отражен в частных оценках матрицы связности трех акторов (табл. 1). Их конкретные значения определялись на основе шкалы, задающей калибровку порядковых сравнений интенсивности связей взаимодействующих

Таблица 1

Матрица связности системы трех акторов

Актор	Федеральный центр	Регионы	Бизнес-структуры
Федеральный центр	0	4	3
Регионы	1	0	1,5
Бизнес-структуры	2	3	0

Источник: [7, табл. 3].

акторов (примером послужила шкала суждений, предложенная в работе [5]). За точку отсчета был принят уровень влияния регионов на федеральный центр. Оно оценивалось как наиболее слабое, влияние экономической активности бизнес-структур для федерального центра более значимо. Но вместе с тем воздействие регионов на активность бизнеса проявляется заметнее в сравнении с влиянием на федеральный центр, хотя бы потому, что для этого у регионов больше реальных возможностей. Для самих же регионов воздействия обоих партнеров весьма важны, с бóльшим проявлением влияния федерального центра.

Основные выводы по модели. В начале 2020-х годов по масштабам транзакционной активности доминировал федеральный центр, бизнес-структуры занимали промежуточное положение, регионы замыкали список. В работе [7] поставлен упомянутый выше вопрос о возможности сближения вкладов акторов в общий поток транзакций, а соответственно, и об их равнозначности в системе отношений между собой. Для этого были введены в рассмотрение равновесные матрицы связности акторов¹. Их использование при анализе отношений в системе «регионы – федеральный центр – бизнес-структуры» позволяет выделять среди множества возможных «хорошие» состояния. В них все акторы проявляют единый уровень транзакционной активности, тем самым они равноприоритетны в системе сложных взаимосвязей и в этом смысле равноправны.

На основе смещения исходных матриц связности взаимодействующих акторов в направлении равновесных матриц построен алгоритм корректировки локальных оценок транзакций акторов для сближения сводных транзакционных оценок. Итоги промежуточного варианта расчетов (смещенной исходной матрицы связности на 10% к равновесной матрице) представлены в табл. 2.

Результаты экспериментальной модели взаимодействия трех участников, настроенной на условия начала 2020-х годов, подтверж-

¹ Напомним, что равновесные матрицы связности обладают следующими свойствами: 1) для каждого актора сводные оценки входных и выходных транзакций равны между собой; 2) сводные оценки транзакций разных акторов одинаковы. Подробнее см.: [7].

Таблица 2

**Отношения транзакций трех акторов промежуточного варианта
к исходному, %**

Актор	Федеральный центр	Регионы	Бизнес-структуры
Федеральный центр	0,0	96,2	97,7
Регионы	113,0	0,0	106,6
Бизнес-структуры	102,5	97,6	0,0

Источник: [7, табл. 13].

дают обоснованность некоторых предложений экспертного сообщества об изменении отношений между федеральным центром, регионами и бизнес-структурами. Данные табл. 2 свидетельствуют о необходимости снижения прямого участия государства в экономике, предоставления большей самостоятельности бизнесу, увеличения прав регионов в межуровневых отношениях, сближения статусных компетенций регионов и бизнеса в двухуровневых отношениях и т.д. Они демонстрируют возможность увязки таких предложений в единую систему экономических преобразований.

Использование импульсной когнитивной модели для построения равновесной системы транзакционной активности акторов. Предложенный в работе [7] алгоритм сближения сводных оценок транзакций взаимодействующих акторов использует аксиоматический принцип построения равновесных матриц связности и справедлив для системы из трех участников. В общем случае для выявления возможностей сближения транзакционной активности акторов можно применять когнитивную модель импульсного типа. В ней между всеми акторами системы имеются прямые и обратные связи, которые могут образовывать контуры циклических взаимодействий. Изменение транзакционной активности любого из акторов передается и другим участникам с интенсивностями, определяемыми матрицей связности, и циклически возвращается с усилением или ослаблением первоначального импульса. Этот процесс можно изучать с использо-

ванием импульсной когнитивной модели, простейший вариант которой, если следовать [1], имеет вид

$$X^{s+1} = X^s + AV^s; V^{s+1} = X^{s+1} - X^s, s = 0, 1, \dots, S. \quad (1)$$

Здесь X^s – вектор фазовых переменных модели на такте s (в данном случае – сводные оценки транзакционной активности акторов); V^s – вектор импульсных параметров на такте s ; X^0, V^0 – известные начальные значения этих параметров; A – матрица связности системы трех акторов (примером служит табл. 1).

Пусть U^s – сумма векторов импульсных параметров за первые s тактов (циклов взаимодействий акторов), $U^s = \sum_0^s V^i$. Тогда суммируя первые $S+1$ условий первого уравнения из (1), получим $X^{S+1} = X^0 + AU^S$, а суммируя вторые строки в (1), имеем $U^{S+1} = X^{S+1} - X^0$ и окончательно имеем $U^{S+1} = AU^S$.

С соблюдением условий устойчивости матрицы связности A в предельном случае равновесная система накопленных импульсов U^* удовлетворяет условию $U^* = AU^*$. При этом равновесный вектор транзакций X^* равен сумме исходного вектора транзакций X^0 и итогового вектора накопленных импульсных параметров U^* , $X^* = X^0 + U^*$.

Модель (1) позволяет проследить последствия для всех акторов изменений активности каких-то из них. В выполненных экспериментах совместные изменения транзакций определяются матрицей связности акторов, заданной в табл. 1. В таблице 3 приведены характеристики пяти сценариев распределения транзакционной активности акторов в зависимости от направлений и масштабов импульсных локальных воздействий на систему. Для каждого сценария первая строка означает начальный вектор импульсных параметров, вторая строка – итоговую структуру отвечающего ему циклически устойчивого вектора транзакций акторов. В исходном состоянии (сценарий 0) транзакции федерального центра сопоставимы с суммарной активностью двух других контрагентов (регионов и бизнес-структур). Отсутствие в этом сценарии импульсных воздействий сохраняет сложившееся распределение транзакционной активности в системе взаимодействующих акторов.

Таблица 3

**Распределение суммарных трансакций по сценариям
трансакционной активности акторов**

Показатель	Акторы		
	Федеральный центр	Регионы	Бизнес-структуры
<i>Сценарий 0</i>			
Импульсы	0	0	0
% трансакций к итогу	48,3	17,2	34,5
<i>Сценарий 1</i>			
Импульсы	0	1	0
Вес трансакций, %	45,4	22,0	32,6
Рост трансакций, %	104,9	142,0	105,3
<i>Сценарий 2</i>			
Импульсы	0	0	1
Вес трансакций, %	45,5	16,5	38,0
Рост трансакций, %	103,6	105,1	121,2
<i>Сценарий 3</i>			
Импульсы	0	3	1
Вес трансакций, %	39,6	27,6	32,8
Рост трансакций, %	118,3	231,1	137,0
<i>Сценарий 4</i>			
Импульсы	-1	4	1
Вес трансакций, %	35,6	31,7	32,7
Рост трансакций, %	108,2	270,0	139,1

Источник: рассчитано автором.

Сценарии 1 и 2 направлены на усиление значимости в системе акторов «Регионы» и «Бизнес-структуры» по отдельности. В обоих случаях общие итоги похожи: заметно растет роль бенефицианта,

снижается удельный вес его партнеров. Различия по сценариям обусловлены их разными стартовыми условиями. В сценарии 3 стимулирована транзакционная активность обоих акторов с большим ее ростом для регионов. По сравнению с предшествующими вариантами более заметным становится сближение сводных транзакционных оценок всех участников с пока еще преобладанием федерального центра. Наконец, в сценарии 4 часть компетенций федерального центра делегирована регионам, что еще в большей степени сближает транзакционные оценки всех участников системы.

Представленную выше модель можно расширить в двух направлениях. Во-первых, ввести в рассмотрение еще одного участника – население. И во-вторых, попытаться исследовать взаимодействие четырех акторов на фоне условий и ограничений, диктуемых внешней по отношению к социально-экономической системе средой.

КОГНИТИВНАЯ МЕТАМОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ В ОКРУЖЕНИИ НАДЭКОНОМИЧЕСКОЙ СРЕДЫ

Постановка модели. В наиболее общем виде в пространстве социально-экономических отношений можно выделить четыре взаимодействующих актора. Первым следует назвать население с его интеллектуальным, физическим и трудовым потенциалом, а также с разнообразными потребностями для обеспечения жизнедеятельности и воспроизводства. Синонимами термина «население» в более конкретных направлениях анализа являются такие понятия, как «домашние хозяйства» (в узкоэкономическом анализе), «социум» (при изучении закономерностей социально-демографических процессов) или «электорат» (как обозначение среза отношений государства, общества, политических партий и профсоюзов).

Другим актором является система экономики, призванная через преобразование вещества и энергии природных объектов, опираясь на человеческий потенциал и накопленный производительный капитал, обеспечивать жизнедеятельность населения в широком смысле.

Самостоятельными участниками являются и два других актора, выполняющих роль институтов развития социально-экономической

системы в целом и отдельных акторов в частности: федеральный центр и региональные правительства (обозначенные в таблицах и на рисунках ниже как ФедЦентр и РегАдм). Через этих акторов в странах с федеративным устройством реализуется распределение регуляторных компетенций и ресурсов на их исполнение. Этим достигается двойной эффект. Во-первых, делегируя регионам часть регулирующих полномочий, центральное правительство в большей мере сосредоточивается на проблемах и задачах общенационального масштаба. А во-вторых, поскольку региональные правительства «ближе к земле», повышается возможность более точных и адресных решений задач местного уровня.

Пространство социально-экономических отношений можно погрузить в надэкономическую среду, одна часть которой имеет прямое отношение к экономическим процессам, а другая – лишь опосредованную связь с ними.

Все акторы взаимодействуют между собой и с контрагентами из надэкономической среды в виде разнообразных трансакций, включающих потоки информации, финансов, ресурсов и др. Общее поле взаимодействия акторов объединяет пространства социально-экономических отношений и надэкономической среды (рис. 2).

Все экономические и надэкономические факторы на этом поле можно объединить в восемь существенно различающихся блоков. Экономические факторы обозначены в таблицах и на рисунках ниже как «Рабочие места», «Оплата труда», «Товары и услуги», «Финансы» и «Налоги» и позиционируются своими названиями.

Надэкономические факторы сгруппированы в три объемных блока, в каждом из которых любой актор может обнаружить свою заинтересованность с разными масштабами ее проявления. Блок «Регламенты» объединяет писанные и неписанные нормы и правила всех уровней общности, начиная с Конституции, идеологии и законов, регламентирующих общий порядок функционирования центральных и региональных органов управления, предприятий и организаций, а также и жизнедеятельности людей вплоть до бытового уровня. Блок «Электоральное поле» фиксирует общественные настроения и их значи-

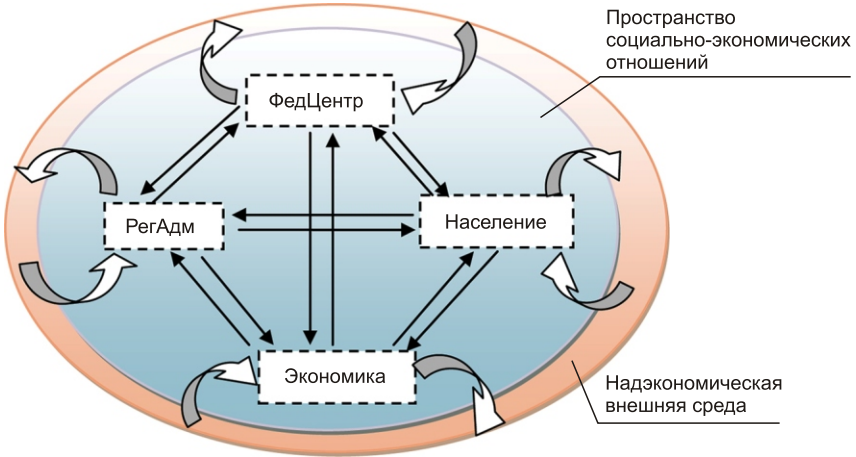

Рис. 2. Взаимодействия акторов в социально-экономическом пространстве и с внешней средой

Источник: составлено автором

мость с позиций разных акторов. Блок, условно названный «Проектирование», связан с постановками и обоснованиями целевых задач развития. Каждый актор на этом уровне по-своему понимает и выбирает задачи целеполагания, а также и степень их актуальности.

Локальные оценки акторами факторов экономического развития. Поскольку в когнитивной модели факторы носят качественный характер, а решение задачи состоит в оценке тенденций развития ситуации, значения факторов принимаются безразмерными. Наиболее простым и наглядным способом сравнения значимости разных факторов является расстановка их по местам, отвечающим представлениям акторов. В целочисленной восьмигранговой шкале при наличии у актора четких предпочтений обеспечивается возможность однозначного упорядочивания восьми описанных факторов. Более вероятной является ситуация, когда у эксперта не хватает данных для строгого ранжирования факторов. В таких случаях возможны групповые упорядочивания с выделением высоко-, средне- и низкоприоритетных групп с одинаковыми балльными оценками внутри

каждой группы². Эксперт для каждого актора, исходя из шкалы в восемь мест, разыгрывает при объективизации его предпочтений 36 баллов (общую сумму мест: $1 + 2 + 3 + \dots + 8$). При этом состав групп и групповые оценки у разных акторов могут различаться. Пример построения локальных оценок предпочтений акторами выделенной системы факторов в соответствии с предложенными правилами представлен в табл. 4.

Опишем подробнее алгоритм построения локальных предпочтений факторов каждым актором и результаты его работы.

Население. Экспертные оценки выделенных факторов распределены по трем группам. Вполне очевидно, что высшую группу составили факторы «Рабочие места», «Оплата труда» и «Товары и услуги», получившие три высших балла: 8, 7 и 6, или в среднем по 7 бал-

Таблица 4

**Исходная матрица локальных оценок акторами факторов
социально-экономического пространства и надэкономической среды**

Фактор	Акторы				Сводные оценки факторов
	Население	РегАдм	ФедЦентр	Экономика	
Регламенты	2,0	4,5	6,5	6,5	19,5
Электоральное поле	2,0	4,5	6,5	1,0	14,0
Проектирование	2,0	4,5	6,5	6,5	19,5
Финансы	4,5	4,5	3,5	6,5	19,0
Налоги	4,5	4,5	3,5	4,0	16,5
Товары и услуги	7,0	4,5	6,5	6,5	24,5
Оплата труда	7,0	4,5	1,5	2,5	15,5
Рабочие места	7,0	4,5	1,5	2,5	15,5

Источник: составлено автором.

² Если в группе поставить задачу максимизировать оценку самого отстающего фактора, то наилучшим решением будет равенство локальных оценок всех элементов группы.

лов. Следующие два места достались другим экономическим факторам – «Финансы» и «Налоги». Они достаточно значимы для средне-статистического гражданина, хотя и по-разному (денег обычно хочется больше, а налогов – как можно меньше). Отдать предпочтение одному фактору перед другим не удастся, поэтому каждый из них получает по 4,5 балла. Надэкономические факторы заметно проигрывают экономическим (уважение к закону, порядок, укрепление позиций гражданского общества, целеустремленность и т.п. – далеко не самые сильные черты россиянина). И на них остается по 2 балла, усредняющих между ними три последних места восьмиранговой шкалы.

Региональные правительства (РегАдм). В таблице 4 приведен пример гипотетических региональных властей, призванных равномерно по всем факторам балансировать свои предпочтения в регионах. Равенство локальных приоритетов свидетельствует об отсутствии заметных диспропорций в социально-экономическом развитии региона – это ли не хрустальная мечта региональных управленцев. Теоретически правильная идеалистическая картина равномерного распределения приоритетов региональных администраций, безусловно, не соответствует реальной практике их текущих действий, ориентированной большей частью на преодоление узких мест в развитии региона, а перманентно возникающая необходимость смены приоритетов регулярно отодвигает саму возможность выхода на равно предпочтительные по факторам режимы функционирования. Тем не менее при слабых внешних возмущениях можно рассчитывать на сближение оценок предпочтительности внимания региональных властей среди всех факторов, являющихся зоной их ответственности.

Федеральный центр (ФедЦентр). В распределении ролей федеральный центр отвечает прежде всего за общегосударственные задачи. Государству важнее всего порядок в стране, общественные настроения, общая идеология и смыслы возможных изменений, целевые ориентиры развития и реальные экономические результаты. В наших терминах это факторы «Регламенты», «Электоральное поле», «Проектирование» и «Товары и услуги». Финансовая и налоговая системы служат инструментами проведения политики центрального правительства в рыночной экономике и в бюджетной сфере и составляют

для него следующую группу приоритетов. Вопросы занятости населения и оплаты труда автоматически замыкают список предпочтений актора.

Экономика. Высокоагрегатное представление экономики как системы, организованной по типу «черного ящика», конечно же, занятие не для слабонервных. Единственное оправдание этому состоит в попытке обратить внимание на тот факт, что надэкономические факторы играют в экономике не меньшую роль, чем традиционные факторы и условия собственно экономической природы. Устойчивые правила функционирования, цели развития, финансы и ожидаемые результаты составляют группу высокоприоритетных факторов. Далее идут «Налоги», затем – «Рабочие места» и «Оплата труда», и замыкает список позиция социальной ответственности бизнеса, относимая нами к фактору «Электоральное поле».

Сводные оценки приоритетности экономических и надэкономических факторов. По матрице локальных предпочтений факторов простым суммированием оценок разных акторов можно построить сводные индексы факторов (последний столбец табл. 4). Их упорядоченное по возрастанию представление отражено на рис. 3.

С определенной долей фантазии эту картину можно рассматривать как обобщенный образ страны, интегрирующий желаемые част-

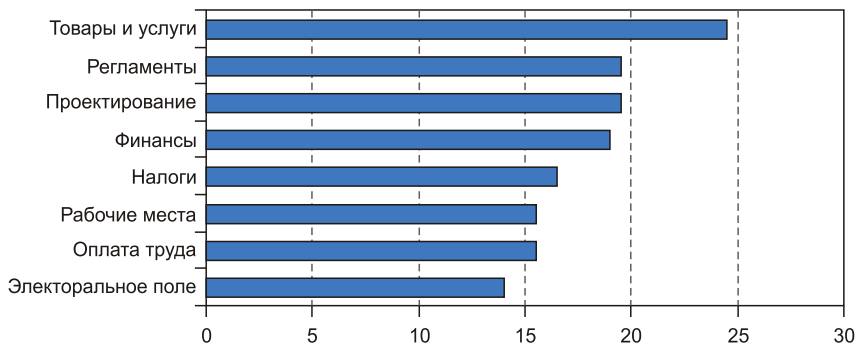

Рис. 3. Сводные индексы экономических и надэкономических факторов
метамодели социально-экономических отношений

Источник: табл. 4

ные предпочтения отдельных акторов. Прежде всего, система в целом должна быть эффективной и результативной. Высокий приоритет фактора «Товары и услуги» формируется всеми акторами. При этом собственно экономика вкладывается в него предложением товаров и услуг, население – спросом на них, а институты (ФедЦентр и РегАдм) – контролем и учетом сбалансированности производства и потребления.

На последующих местах – закон и порядок (фактор «Регламенты»), осмысленные, системно организованные преобразования (фактор «Проектирование»), эффективно действующая рыночная экономика (фактор «Финансы»). Для средней позиции фактора «Налоги» в упорядоченном представлении факторов характерны особенности. Население и субъекты экономики, мягко говоря, не особо приветствуют высокий уровень налогов или повышение их сложившегося уровня, органам же федерального и регионального управления, напротив, ближе их увеличение. Само срединное положение фактора «Налоги» на линейке обобщенных приоритетов свидетельствует о том, что налоговая система в определенной степени обеспечивает компромисс интересов основных ее участников.

Близким образом формируется оценка фактора «Оплата труда»: у субъектов экономики оплата труда – это статья расходов, у населения – это доминантный фактор его предпочтений, а институты развития (ФедЦентр и РегАдм) в большей части исполняют контрольно-регулирующие функции.

С рабочими местами все не столь определенно, хотя формально локальные оценки этого фактора у всех акторов повторяют оценки фактора «Оплата труда». Понятны его высокие приоритеты у населения и региональных властей. В выбранной системе координат вполне объяснима замыкающая позиция этого фактора среди предпочтений федерального центра. А вот в экономике и рост, и сокращение количества рабочих мест могут иметь в разных ситуациях как положительные, так и отрицательные проявления. Подобная неопределенность вряд ли способствует повышению интегральной оценки этого фактора среди других факторов.

Интегральные рейтинги акторов. Прием ранговых сравнений факторов можно распространить и на позиционирование акторов в системе социально-экономических отношений. Для этого достаточно оцифровать по строкам в четырехранговой шкале локальные оценки табл. 4 с возможностью групповых усреднений, а затем их просуммировать по каждому столбцу (табл. 5).

Интегральные предпочтения населения выходят на первое место, региональных властей и экономической системы – проявляются на среднем уровне, а федеральный центр заметно недобирает их³. Возможны два вывода из этого факта, и оба можно оценивать в позитивном плане. Преимущество повышенного рейтинга предпочтений населения заставляет вспомнить мантры эпохи построения комму-

Таблица 5

Балльные оценки акторов

Фактор	Акторы			
	Население	РегАдм	ФедЦентр	Экономика
Регламенты	1,0	2,0	3,5	3,5
Электоральное поле	2,0	3,0	4,0	1,0
Проектирование	1,0	2,0	3,5	3,5
Финансы	2,5	2,5	1,0	4,0
Налоги	3,5	3,5	1,0	2,0
Товары и услуги	4,0	1,0	2,5	2,5
Оплата труда	4,0	3,0	1,0	2,0
Рабочие места	4,0	3,0	1,0	2,0
Сводные оценки акторов	22,0	20,0	17,5	20,5

Источник: рассчитано автором.

³ Каждый из восьми факторов оценивается в четырехбалльной шкале исходя из $1 + 2 + 3 + 4 = 10$ мест. Следовательно, средняя оценка сводных предпочтений акторов равна $20 = 8 \cdot 10/4$.

низма в нашей стране: «Все для человека, все во имя человека». И ничего плохого в этом нет. А более низкий вес верховной власти на поле факторных предпочтений демонстрирует умеренность авторитарных начал в государственном устройстве страны.

Оценки акторов и факторов с учетом эндогенных весовых коэффициентов. Используемые выше процедуры составляют допустимый, но лишь первый шаг на пути построения сбалансированной системы рейтингов факторов и акторов. На этом этапе в обоих случаях прослеживается общая особенность. Дифференциация сводных рейтингов значимости факторов устанавливается при равных весах акторов в построении интегральных оценок, а различия сводных рейтингов акторов обнаруживаются при равных весовых соотношениях факторов. Совместное рассмотрение этих процедур обнажает определенную нелогичность действий. По матрице локальных предпочтений вы можете построить дифференцированную систему рейтингов факторов, но затем, в процедуре расчетов сводных рейтингов акторов, используете равнозначимую систему оценок факторов. Аналогично для акторов. Вы также можете построить систему рейтингов, позиционирующих акторов в пространстве социально-экономических отношений, но в расчетах рейтингов факторов вы игнорируете их дифференциацию. Логичнее оба шага выполнить как единый процесс последовательного и взаимного уточнения обоих типов интегральных оценок акторов и факторов. Конкретнее, совместная процедура состоит в следующем.

Пусть A – матрица, элементы которой, a_{ij} , – оценки локальных предпочтений актором i фактора j ; $R = (R_1, \dots, R_I)$ – вектор сводных рейтингов значимости акторов; $S = (S_1, \dots, S_J)$ – вектор рейтингов факторов. По построению связь этих рейтингов взаимна, $R = AS$, $S = RA$. Более подробно эта связь описывается следующим образом:

$$\begin{aligned} R_i &= \sum_j a_{ij} S_j, \quad i = 1, \dots, I, \\ S_j &= \sum_i R_i a_{ij}, \quad j = 1, \dots, J. \end{aligned} \quad (2)$$

Из этих формул видно, что рейтинг актора образуют просуммированные его локальные оценки значимости факторов, взвешен-

ные по рейтингам факторов. В свою очередь, рейтинги факторов задаются суммой локальных оценок акторов, взвешенных по рейтингам самих акторов. Согласованную систему рейтингов факторов и акторов легко получить, организовав итеративный процесс поочередного использования формул (2) и последовательного уточнения промежуточных оценок. Эксперименты показали его быструю сходимость (пять-шесть итераций) к решению. Результаты таких расчетов приведены в табл. 6.

Рейтинги факторов. Внешне различные векторы рейтингов факторов, представленные в последних столбцах таблиц 4 и 6, рассчитаны двумя способами. Первый вектор получен прямым суммированием локальных оценок значимости факторов по всем акторам, второй – подсчитан с учетом рейтингов акторов (последняя строка табл. 6), которые близки между собой. Последний факт делает векторы оценок факторов почти пропорциональными, а при перенормировке к единому уровню они практически совпадают.

Таблица 6

Оценки локальных предпочтений и совместно рассчитанные рейтинги акторов и факторов

Фактор	Актеры				Рейтинги факторов, %
	Население	РегАдм	ФедЦентр	Экономика	
Регламенты	2,0	4,5	6,5	6,5	13,8
Электоральное поле	2,0	4,5	6,5	1,0	9,7
Проектирование	2,0	4,5	6,5	6,5	13,7
Финансы	4,5	4,5	3,5	6,5	13,2
Налоги	4,5	4,5	3,5	4,0	11,4
Товары и услуги	7,0	4,5	6,5	6,5	17,0
Оплата труда	7,0	4,5	1,5	2,5	10,6
Рабочие места	7,0	4,5	1,5	2,5	10,6
Рейтинги акторов, %	24,4	24,2	25,4	26,0	100,0

Источник: рассчитано автором.

Рейтинги акторов (последние строки таблиц 5 и 6). Эти векторы различаются по существу, и основная причина этому – искажения, вносимые в расчеты более простой и потому грубой процедурой прямых балльных оценок. В ней между акторами распределяются места от первого до четвертого, и это в ряде случаев искажает сводные оценки, в частности завышая рейтинги актора «Население» и занижая рейтинги актора «ФедЦентр» (прежде всего по позициям «Налоги» и «Товары и услуги»). Рейтинги, рассчитанные с использованием формул (2), иначе позиционируют игроков. На первое место выходит экономика (с небольшим превышением среднего уровня), федеральный центр занимает срединное положение, население и региональные власти имеют рейтинги чуть ниже, чем у него. Иначе говоря, социально-экономическая система характеризуется достаточно ровными сводными оценками всех участников (разброс интегральных рейтингов акторов от 24,2 до 26,0% шкалы приоритетов), что свидетельствует об их близости к равномерному распределению.

В завершение обратим внимание на еще одно проявление признаков стратегической сбалансированности общей ситуации исследуемой социально-экономической системы (представленной в табл. 4 матрицей локальных предпочтений): это близость средних оценок экономических и надэкономических факторов. Усредненная оценка значимости пяти экономических факторов (пяти последних компонентвектора рейтингов факторов в табл. 4) равна 12,6%, а трех надэкономических – 12,4%. Равновесная же оценка значимости каждого из восьми факторов составляет 12,5% (100/8).

Выявленные факты можно интерпретировать как признаки существования равновесных сводных оценок и акторов, и факторов социально-экономического развития. Какой может быть система локальных оценок значимости акторов и факторов в равновесном состоянии, еще предстоит выяснить. Но на одно такое распределение можно указать из общих соображений, предположив у каждого актора равнозначимость всех факторов развития. Более того, оно может быть простым следствием бездумной фетишизации принципа «расширки узких мест». Так, вектор равных предпочтений региональных властей в табл. 4 ($x_s = 4,5$) может быть получен решением простой

задачи максимизации отстающих оценок: $\min(x_s) \quad \max, \quad x_s$ 36. Если аналогичными принципами будут руководствоваться и остальные акторы, то очевидно, что локальные предпочтения факторов каждого актора будут равны 4,5 единицы восьмиранговой шкалы, а сводные рейтинги факторов составят по 12,5% (100/8) и акторов – по 25% (100/4).

КОГНИТИВНАЯ КАРТА ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Особенностью изученной выше модели является предельно абстрактное представление актора «Экономика» как черного ящика, испытывающего воздействие трансакций других акторов и оказывающего на них свои воздействия. Минимально детализированная укрупненная структура экономики предполагает выделение четырех агрегатов видов экономической деятельности: добыча полезных ископаемых и использование ресурсов природной среды; обрабатывающие производства и строительство; виды деятельности, связанные с воспроизводством человеческого капитала; прочие виды деятельности, прежде всего связанные с инфраструктурным обслуживанием трех первых секторов экономики. В такой структуре проблемы развития РФ и ее регионов можно изучать в аспекте макроструктурных деформаций экономик и их преодоления, а также в аспекте поиска вариантов перспективных структурных изменений в социально-экономическом развитии. Как нами показано в работе [6], макроагрегаты видов экономической деятельности (ВЭД) в 2019 г. (перед эпидемией коронавируса) были близки по структуре к теоретическим оценкам равноважности этих агрегатов (табл. 7).

Близкие результаты были получены и при анализе структуры занятости.

Равнозначимость укрупненных агрегатов ВЭД для страны в целом дает основания утверждать о макроструктурной сбалансированности и даже квазиравновесном состоянии экономики РФ, по крайней мере в некоторых метриках.

Таблица 7

Фактические (по доле добавленной стоимости в 2019 г.) и теоретические оценки значимости видов экономической деятельности, %

Вид экономической деятельности	Фактические оценки	Теоретические оценки
Использование первичных ресурсов	21,1	22,5
Обрабатывающие производства и строительство	22,3	22,5
Воспроизводство человеческого капитала	23,2	22,5
Инфраструктурное обеспечение экономики	33,4	32,5

Источник: [6, табл. 1].

Структура модели. Максимально агрегированная когнитивная модель, структурно подобная реальной социально-экономической системе, включает семь акторов, многосторонне взаимодействующих между собой:

- население (Нас);
- два института развития: федеральный центр (ФедЦентр) и региональные администрации (РегАдм);
- четыре агрегата видов экономической деятельности, в совокупности представляющих экономическую систему в целом: ВэдРес – блок ресурсных видов экономической деятельности; ВэдОбр – обрабатывающие производства и строительство; ВэдИнф – блок инфраструктурных отраслей; ВэдЧк – блок отраслей, обеспечивающих воспроизводство человеческого капитала.

Очевидно, что все акторы связаны между собой и их спектрограммы могут иметь вид, как на рис. 4. Объединение спектрограмм формирует ориентированный граф сложной структуры (рис. 5). Его узлы представляют акторов, а дуги – направленные потоки возможных трансакций между ними. Потоки между двумя любыми акторами возможны как в прямом, так и в обратном направлении, что позволяет формироваться циклическим контурам причинно-следственных свя-

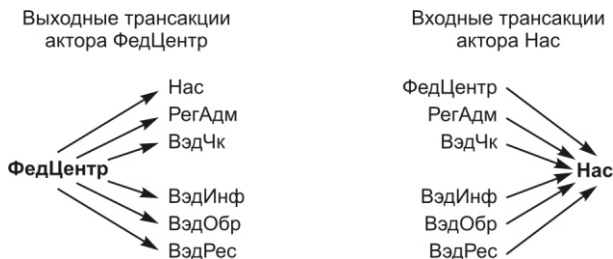

Рис. 4. Примеры спектрограмм акторов социально-экономической системы (спектрограммы транзакций остальных акторов представимы аналогично)

Источник: составлено автором

зей между отдельными группами акторов. Сами транзакции представляют собой довольно сложный конгломерат движения между акторами материальных, финансовых, информационных и смысловых составляющих таких потоков.

Легко видеть, что изученные выше когнитивные модели являются фрагментами общей схемы, представленной на рис. 5. В качестве других примеров полезного погружения в нее можно рассмотреть методические схемы государственно-частного партнерства, или межуровневых бюджетно-финансовых потоков, или обосновывающих

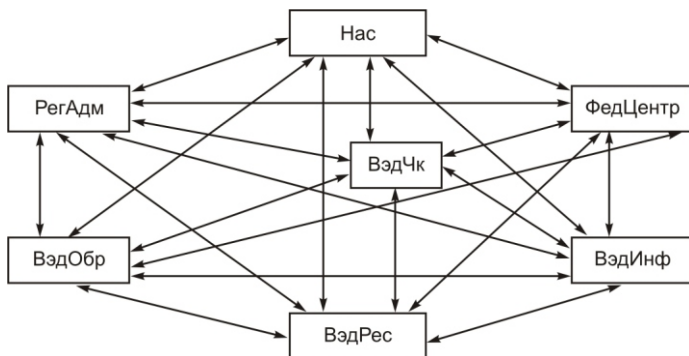

Рис. 5. Ориентированный граф связности акторов социально-экономической системы

Источник: составлено автором

положений к Сводной стратегии развития обрабатывающей промышленности РФ, принятой в конце 2023 г. Использование подобных схем обеспечивает системное решение сложных задач взаимодействия экономических подсистем в условиях повышенной свободы их возможного поведения.

* * *

В статье представлено поисковое исследование, направленное на анализ возможностей устойчивого развития России и ее пространственной организации в условиях большой неопределенности даже ближайшего будущего [4]. Предельно агрегированный каркас мегаструктуры социально-экономической системы федеративного типа изучается в виде крупных акторов: регионов, бизнес-структур и федерального центра. Это дает возможность основное внимание сосредоточить на их взаимодействии между собой. Если акторы демонстрируют одинаковый (или близкий) уровень транзакционной активности, то тем самым они равноприоритетны в системе сложных взаимосвязей и в этом смысле равноправны. А сама равноправность отношений может в этом случае обеспечивать систему «сдержек и противовесов» от чрезмерных изменений пропорций распределения транзакционной активности⁴.

Основные выводы исследования состоят в том, что сближение транзакционной активности регионов, бизнес-структур и федерального центра во взаимодействиях между собой теоретически возможно и практически целесообразно, так как может способствовать устойчивости развития страны и неконфликтному соединению открытости экономики и национальной суверенности. Подлинный экономический суверенитет страны во многом оказывается эмерджентным проявлением суверенного распределения прав, обязанностей, компетенций и ресурсов на их исполнение между ключевыми подсистемами социально-экономической системы федеративного типа: регионами, федеральным центром и бизнес-структурами.

⁴ Нелишне напомнить, что именно независимость трех ветвей власти (представительной, исполнительной и судебной) обеспечивает устойчивость системы государственного управления в России.

Следует отметить, что на пути построения равноправных отношений имеются настолько серьезные трудности, что можно говорить лишь о некоторых тенденциях в сближении транзакционной активности регионов, бизнес-структур и федерального центра. Главные трудности заложены еще в далекой (а иногда и не очень далекой) предыстории, сформировавшей генетический код фундаментальных различий между акторами. На бизнес-структурах проступают «родимые пятна капитализма», у федерального центра заметны имперские проявления, большинству регионов уготована унылая судьба местных сообществ с ограниченными возможностями, сопровождавшая их во все времена. Но как пророчески писал А.С. Пушкин, «в одну телегу впрячь неможно коня и трепетную лань». А попытки поставить на одного игрока не приводили пока ни к чему хорошему. Развитие страны по пути огосударствления всего и вся или, наоборот, наивного доверия «невидимой руке рынка» повлекли в прошлом катастрофические для нее последствия. Вряд ли окажется успешной и попытка доминирования в триаде регионального начала, тем более что недавний посыл «берите суверенитета сколько сможете» едва не породил еще одну катастрофу для страны, правда, возможно, и последнюю. Так что остается лишь один исход – гармонизация экономических отношений бизнес-структур, регионов и федерального центра. И свидетельством этому может служить деятельность правительства М.В. Мишустина, которое пока еще в ручном режиме ⁷ ₂₄ решает старые наболевшие проблемы, преодолевает новые, создаваемые нашими «друзьями», и закладывает условия для стратегически важных экономических преобразований. Вот только за разумными действиями федерального центра по укреплению вертикали власти не надо скрывать его стремления к монопольному праву в принятии экономических решений, а в сетованиях бизнеса на излишнюю регламентацию его действий не замечать вполне очевидного желания неограниченной свободы в достижении коммерческих результатов. Наиболее сложным является положение регионов – как, ни в чем не ущемляя партнеров, добиться сравнимого с ними веса во влиянии на принятие коллективных решений. Рецепты, в принципе, известны: акцентированные вложения в человеческий капитал и в раз-

витие экономики знаний. Такого рода действия концентрируются в основном в регионах, повышают их статусные компетенции и вносят заметный вклад в экономический рост страны.

Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект «Региональное и муниципальное стратегическое планирование и управление в контексте модернизации государственной региональной политики и развития цифровой экономики», № 121040100283-2

Список источников

1. Горбанева О.И., Мурзин А.Д., Угольницкий Г.А. Математическая постановка задач управления на когнитивных моделях // Проблемы управления. – 2022. – № 5. – С. 25–39.
2. Горелова Г.В., Захарова Е.Н., Радченко С.А. Исследование слабоструктурированных проблем социально-экономических систем: когнитивный подход. – Ростов-н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2006. – 332 с.
3. Кулешов В.В., Алексеев А.В., Ягольницер М.А. Методы когнитивного анализа в разработке и обосновании стратегии экономического развития // Проблемы прогнозирования. – 2019. – № 2. – С. 104–112.
4. Россия 2035: к новому качеству национальной экономики: Научный доклад ИНП РАН / Под ред. чл.-корр. РАН А.А. Широва. – М.: Артис Принт, 2024. – 264 с.
5. Саати Т., Кернс К. Аналитическое планирование: Организация систем. – М.: Радио и связь, 1991. – 224 с.
6. Суспицын С.А. Макроструктурные и пространственные диспропорции экономики России и ее восточных регионов и направления их снижения // Регион: экономика и социология. – 2022. – № 3 (115). – С. 3–31.
7. Суспицын С.А. Циклические модели экономических отношений регионов, федерального центра и бизнес-структур // Регион: экономика и социология. – 2023. – № 4 (120). – С. 3–19.
8. Axelrod R. The Structure of Decision: Cognitive Maps of Political Elites. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1976. – 404 p.
9. Suspitsyn S.A. Limitation and prospects for the evolution of Russia's multi-regional system // Regional Research of Russia. – 2024. – Vol. 14 (4). – P. 553–561.

Информация об авторе

Суспицын Сергей Алексеевич (Россия, Новосибирск) – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17). E-mail: susp@ieie.nsc.ru.

DOI: 10.15372/REG20250201

Region: Economics & Sociology, 2025, No. 2 (126), p. 3–28

S.A. Suspitsyn

OPPORTUNITIES AND CONDITIONS TO HARMONIZE ECONOMIC RELATIONS BETWEEN REGIONS, BUSINESS STRUCTURES AND THE FEDERAL CENTER

The author presents cognitive modeling techniques of reciprocal impact of spatial and economic development factors in federative type systems. The socio-economic system of Russia is considered in the context of three major actors – regions, business structures and the federal center. In the process of expanded reproduction of economic relations, regions are responsible for reproduction of human capital while business structures are responsible for reproduction of industrial capital, and the federal center, acting as a development institution, helps both actors, simultaneously ensuring achievement of its own interests. Consideration of the socio-economic system in the maximum possible aggregates of its main subsystems allows us to focus on the study of their capabilities and achievable competencies in interaction with each other.

Keywords: spatial systems; regions; economics of federalism; cognitive models

For citation: *Suspitsyn, S.A. (2025). Vozmozhnosti i usloviya garmonizatsii ekonomicheskikh otnosheniy regionov, biznes-struktur i federalnogo tsentra [Opportunities and conditions to harmonize economic relations between regions, business structures and the federal center]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (126), 3–28. DOI: 10.15372/REG20250201.*

The research was carried out with the plan of research work of IEIE SB RAS, project “Regional and municipal strategic planning and management regarding public regional policy modernization as well as digital economy development”, No. 121040100283-2

References

1. *Gorbaneva, O.I., A.D. Murzin & G.A. Ougolnitsky. (2022). Matematicheskaya postanovka zadach upravleniya na kognitivnykh modelyakh [A mathematical formu-*

lation of control problems on cognitive models]. *Problemy upravleniya* [Control Sciences], 5, 25–39.

2. *Gorelova, G.V., E.N. Zakharova & S.A. Radchenko.* (2006). *Issledovanie slabostrukturnirovannykh problem sotsialno-ekonomicheskikh sistem: kognitivnyy podkhod* [Research of Semi-Structured Problems of Socio-Economic Systems: A Cognitive Approach]. Rostov-on-Don, Southern Federal University Publ., 332.

3. *Kuleshov, V.V., A.V. Alekseev & M.A. Yagolnitsker.* (2019). *Metody kognitivnogo analiza v razrabotke i obosnovanii strategii ekonomicheskogo razvitiya* [Methods of cognitive analysis in devising and substantiating strategies of economic development]. *Problemy prognozirovaniya* [Problems of Forecasting], 2, 104–112.

4. *Shirov, A.A.* (Ed.). (2024). *Rossiya 2035: k novomu kachestvu natsionalnoy ekonomiki.* Nauchnyy doklad [Russia 2035: The New Quality of the National Economy. Scientific report of INP RAS]. Moscow, Artik Print Publ., 264.

5. *Saaty, T. & K. Kearns.* (1991). *Analiticheskoe planirovanie: Organizatsiya sistem* [Analytical Planning: The Organization of Systems]. Moscow, Radio i Svyaz Publ., 224.

6. *Suspitsyn, S.A.* (2022). *Makrostrukturnye i prostranstvennye disproportsii ekonomiki Rossii i ee vostochnykh regionov i napravleniya ikh snizheniya* [Macrostructural and spatial disparities in the economy of Russia and its eastern regions and ways to reduce them]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 3 (115), 3–31.

7. *Suspitsyn, S.A.* (2023). *Tsiklicheskie modeli ekonomicheskikh otnosheniy regionov, federalnogo tsentra i biznes-struktur* [Cyclic models of economic relations between regions, the federal center, and business structures]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 4 (120), 3–19.

8. *Axelrod, R.* (1976). *The Structure of Decision: Cognitive Maps of Political Elites.* Princeton, NJ, Princeton University Press, 404.

9. *Suspitsyn, S.A.* (2024). *Limitation and prospects for the evolution of Russia's multiregional system.* *Regional Research of Russia*, 14 (4), 553–561.

About Author

Suspitsyn, Sergey Alekseevich (Novosibirsk, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: susp@ieie.nsc.ru.

Поступила в редколлегию 22.11.2024.

После доработки 23.01.2025.

Принята к публикации 27.01.2025.

© Суспицын С.А., 2025

УДК 332.14+336.15

Регион: экономика и социология, 2025, № 2 (126), с. 29–52

Т.В. Сумская

АНАЛИЗ БЮДЖЕТНОЙ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ РЕГИОНОВ РОССИИ: ПОДХОДЫ И ВЫВОДЫ

В статье проанализированы доходы бюджетов субъектов Российской Федерации в неизменных ценах за период с 2012 по 2021 г. Выделены регионы с наибольшими и наименьшими объемами налоговых и неналоговых поступлений, а также безвозмездных трансфертов. Для оценки направления бюджетной политики федеральных властей была изучена динамика ряда статистических показателей, включая налоговые и неналоговые доходы, общие поступления и трансферты, рассчитанные на душу населения. Кроме того, произведен расчет коэффициента ранговой корреляции Спирмена, что позволило проанализировать взаимосвязь между доходами регионов с учетом и без учета федеральных трансфертов. Результаты регрессионного анализа показывают, что ключевая цель бюджетной политики заключается в сокращении межрегиональных диспропорций в структуре доходов субъектов РФ. Однако чтобы повысить заинтересованность регионов в увеличении налоговых поступлений, требуется расширить их налоговые полномочия. С учетом того, что список регионов с наименьшими объемами налоговых и неналоговых доходов оставался практически неизменным в течение исследуемого периода, возникает необходимость пересмотра эффективности действующего механизма распределения трансфертов.

Ключевые слова: региональный бюджет; доходы бюджета; налоговые и неналоговые доходы; безвозмездные поступления; трансферты; регион; субъект Российской Федерации; неоднородность бюджетных доходов

Для цитирования: Сумская Т.В. Анализ бюджетной обеспеченности регионов России: подходы и выводы // Регион: экономика и социология. – 2025. – № 2 (126). – С. 29–52. DOI: 10.15372/REG20250202.

ВЛИЯНИЕ БЮДЖЕТНЫХ РЕСУРСОВ НА ФИНАНСОВУЮ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ СУБЪЕКТОВ ФЕДЕРАЦИИ

Финансовая самостоятельность субъектов Федерации является ключевым фактором их устойчивого развития, позволяя регионам решать задачи, стоящие перед ними в контексте социально-экономического развития. Бюджетные ресурсы играют в этом процессе определяющую роль, выступая своеобразным «ключом» к реализации региональных программ развития. Любое государство с федеративным устройством сталкивается с необходимостью регулирования взаимоотношений между центральной властью и регионами. В этом контексте бюджетная политика выполняет роль не только механизма распределения ресурсов, но и средства, способствующего сглаживанию различий в социально-экономическом развитии регионов, оптимизации финансовых потоков и обеспечению справедливого распределения налоговой нагрузки.

Средства регионального бюджета являются неотъемлемой частью финансового обеспечения региона, позволяя решать широкий круг задач [22; 25]. В них входят

- развитие инфраструктуры: строительство и модернизация дорог, транспортных узлов, объектов социальной инфраструктуры. Это требует значительных финансовых вложений, которые зачастую обеспечивает региональный бюджет, создавая условия для развития бизнеса, привлечения инвестиций и расширения рынка труда;
- стимулирование экономической активности: поддержка предприятий и организаций, осуществляющих свою деятельность на территории региона, предоставление налоговых льгот, финансирование инвестиционных проектов, предоставление кредитов или субвенций, размещение государственного заказа, что позволяет предприятиям развиваться, создавать рабочие места и увеличивать налоговые поступления в бюджет;
- социальная поддержка: финансирование образования, здравоохранения, социальной помощи населению, что является осно-

вой социальной стабильности и улучшения качества жизни в регионе.

Доходы региональных бюджетов формируются под влиянием множества факторов, которые можно разделить на внутренние и внешние. К числу внутренних факторов относятся:

- экономическая деятельность предприятий и организаций. Чем выше экономическая активность в регионе, тем больше налоговых поступлений в бюджет от предприятий, что увеличивает доходную базу региона;
- численность населения региона. Количество жителей влияет на необходимый объем социальных услуг, что, в свою очередь, определяет объем социальных расходов бюджета;
- эффективность работы органов управления. Рациональное и прозрачное использование бюджетных средств способствует экономическому развитию и росту доходов бюджета.

Основным внешним фактором, оказывающим влияние на доходы региональных бюджетов, является система межбюджетных отношений, которая регулирует распределение налоговых и неналоговых доходов между разными уровнями бюджета, определяет принципы предоставления финансовой помощи [5; 8; 10; 11]. Межбюджетные отношения основаны на принципе баланса интересов центра и регионов. С одной стороны, центр должен обеспечить справедливое распределение финансовых ресурсов между регионами, сглаживая различия в уровне их экономического развития. С другой стороны, регионы должны иметь достаточную степень финансовой автономности, чтобы самостоятельно решать задачи своего развития. Однако важно понимать, что финансовая самостоятельность не означает полной независимости от центра.

Национальные цели развития России, изложенные в Указе Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» от 21.07.2020, ориентированы на повышение качества жизни граждан. В связи с этим ключевое значение для их достижения имеют направления бюджетных расходов. Финансирование государственных программ и национальных проектов, реали-

зуемых в конкретных регионах, может осуществляться за счет средств федерального бюджета. Кроме того, федеральный бюджет покрывает расходы на содержание федеральных объектов, расположенных в регионах [7; 12; 15; 16]. Возможно предоставление льгот по федеральным налогам и сборам, а также выделение безвозмездных трансфертов бюджетам нижестоящих уровней для выполнения определенных государственных задач.

Субфедеральные власти, а именно региональные и местные органы управления, играют ключевую роль в обеспечении устойчивого развития территорий. Их основная функция – финансирование текущих затрат регионального хозяйства и социальной сферы, что напрямую влияет на качество жизни населения [2; 4; 6; 23]. Территориальный бюджет выступает катализатором привлечения в регион дополнительных финансовых ресурсов.

Для успешного функционирования региональных бюджетов необходимо создать действенную систему межбюджетных отношений [20; 21; 24; 26]. Это позволит: решить экономические и социальные задачи регионов, обеспечивая финансовую поддержку для достижения целей развития; сгладить межрегиональную дифференциацию за счет перераспределения ресурсов между регионами с разным уровнем экономического развития; уменьшить последствия кризисных явлений, таких как пандемия и геополитические конфликты.

Российская Федерация отличается высокой неоднородностью регионов по многим социальным и экономическим показателям [1; 3; 17], причинами которой являются разная природно-ресурсная база, неравномерное распределение населения, разные уровни экономического развития территорий. Последствиями межрегиональной дифференциации становятся неравномерный доступ к качественным услугам в сфере образования, здравоохранения, культуры, разные уровни экономического развития с концентрацией бизнеса в крупных городах и ограниченными возможностями для развития в сельской местности.

Это приводит к значительной дифференциации субъектов Российской Федерации по уровню их финансового потенциала и структуре доходных источников бюджетов. В результате в доходах неко-

торых регионов существенную часть составляют поступления средств из федерального бюджета [9; 14; 19]. Основные доходы региональных бюджетов формируются за счет налоговых поступлений, неналоговых доходов и безвозмездных трансфертов из федерального бюджета. При этом налоговые поступления должны составлять основу доходного потенциала территории. Неналоговые доходы, как правило, по объему существенно уступают налоговым поступлениям.

Цель данного исследования заключается в анализе динамических изменений бюджетной обеспеченности регионов Российской Федерации и выявлении ключевых направлений бюджетного финансирования для определения приоритетов в расходах субфедеральных бюджетов. Для достижения этой цели были выполнены следующие задачи: проведен анализ структуры и объема доходов региональных бюджетов на душу населения в постоянных ценах, оценены различия в бюджетных показателях с учетом и без учета межбюджетных трансфертов, а также исследована зависимость между федеральными трансфертами и доходами, генерируемыми в регионах, с использованием методов регрессионного анализа.

ДИНАМИКА БЮДЖЕТНЫХ ДОХОДОВ РЕГИОНОВ РОССИИ: АНАЛИЗ ТЕНДЕНЦИЙ

Анализ основных источников доходов региональных бюджетов является важной задачей, давая представление о финансовом состоянии субъектов Российской Федерации. Для оценки бюджетной обеспеченности регионов было проведено исследование, в ходе которого распределение бюджетов субъектов РФ рассматривалось по показателям налоговых и неналоговых доходов и совокупных бюджетных доходов на душу населения (табл. 1). Расчеты проводились с учетом районных коэффициентов и в постоянных ценах 2012 г. для получения более точной картины, позволяющей делать сопоставления.

Данные в таблице 1 распределены по диапазонам доходов на душу населения, начиная от 20 тыс. руб. и заканчивая суммами, превышающими 250 тыс. руб. Такой подход позволяет наглядно продемонстрировать динамику изменений в бюджетной обеспеченности

Таблица 1

Распределение регионов РФ по величине совокупных доходов бюджетов на душу населения

Доходы, тыс. руб.	Кол-во регионов в соответствующих группах									
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
От 20 до 40	44	50	53	65	65	63	50	36	23	11
От 40 до 60	27	21	21	9	9	11	21	34	44	49
От 60 до 80	4	4	3	4	4	4	4	5	8	15
От 80 до 100	2	2	3	2	2	2	3	3	3	2
От 100 до 150	3	4	2	2	4	3	4	3	5	4
От 150 до 200	2	2	2	2	–	1	2	3	1	2
От 200 до 250	1	–	1	1	1	1	1	–	–	1
Более 250	–	–	–	–	–	–	–	1	1	1

Источник: рассчитано автором по данным официального сайта Федерального казначейства Российской Федерации <https://roskazna.gov.ru>.

регионов за рассматриваемый период. Анализируя эти данные, можно выявить несколько тенденций. До 2017 г. увеличивалось количество регионов с душевыми доходами от 20 до 40 тыс. руб. и сокращалось – с доходами от 40 до 60 тыс. руб. Затем тенденция изменилась, и с 2017 по 2021 г. количество регионов с душевыми доходами от 40 до 60 тыс. руб. увеличилось с 11 до 49. Свыше 60 тыс. руб. на душу населения составляли доходы 12 регионов в 2012 и 2013 гг., 11 регионов в 2014–2017 гг., 14 регионов в 2018 г., 15 регионов в 2019 г., 18 регионов в 2020 г. и 25 регионов в 2021 г.

К регионам, имеющим наименьшие значения совокупных доходов бюджета на душу населения в течение рассматриваемого периода, относятся Владимирская, Волгоградская, Ивановская, Кировская, Курганская, Омская, Оренбургская, Ростовская, Саратовская, Челябинская области, республики Башкортостан, Дагестан, Кабардино-Балкария, Марий Эл, Северная Осетия, Удмуртия, Хакасия, Чувашия, Алтайский, Забайкальский и Ставропольский края.

Наибольшие удельные бюджетные доходы отмечаются в таких регионах, как Магаданская, Сахалинская, Тюменская области, Ненецкий, Ханты-Мансийский, Чукотский, Ямало-Ненецкий автономные округа, Республика Саха (Якутия), Камчатский край, г. Москва и г. Санкт-Петербург.

Анализ налоговых и неналоговых доходов на душу населения является важным инструментом оценки финансового состояния субъектов Российской Федерации (табл. 2). Показатель демонстрирует уровень бюджетной обеспеченности региона, его способность финансировать социальные программы, инфраструктурные проекты и другие необходимые расходы. Данные табл. 2 показывают, что в 2012–2021 гг. большинство регионов России имели налоговые и неналоговые доходы в диапазоне от 20 до 40 тыс. руб. на душу населения.

Наблюдаются значительные различия в уровнях налоговых и неналоговых доходов между регионами. К регионам с наименьшими доходами относятся Ивановская, Курганская области, республики Бу-

Таблица 2

Распределение регионов РФ по величине налоговых и неналоговых доходов бюджетов на душу населения

Доходы, тыс. руб.	Кол-во регионов в соответствующих группах									
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Менее 20	17	16	23	27	23	20	18	13	18	9
От 20 до 40	50	51	48	45	48	51	48	52	49	50
От 40 до 60	8	8	6	5	7	7	9	11	10	14
От 60 до 80	2	3	3	3	2	2	4	3	2	5
От 80 до 100	2	1	1	1	–	1	2	1	1	2
От 100 до 150	3	3	3	2	5	3	2	3	4	3
От 150 до 200	1	1	1	2	–	1	2	2	1	2

Источник: рассчитано автором по данным официального сайта Федерального казначейства Российской Федерации <https://roskazna.gov.ru>.

рятия, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Карачаево-Черкесия, Марий Эл, Северная Осетия, Тыва, Удмуртия, Чечня, Алтайский и Забайкальский края. Эти регионы характеризуются слабой экономикой и низким уровнем инвестиций.

Группу регионов с наивысшими душевыми доходами составляют Ленинградская, Магаданская, Московская, Сахалинская, Тюменская области, республики Татарстан и Якутия, Ненецкий, Ханты-Мансийский, Чукотский, Ямало-Ненецкий автономные округа, г. Москва и г. Санкт-Петербург.

Разница в уровнях налоговых и неналоговых доходов создает дисбаланс в бюджетной обеспеченности территорий и может приводить к их неравномерному развитию. Поэтому возникает необходимость в распределении финансовой помощи. Безвозмездные перечисления из федерального бюджета играют важную роль в обеспечении финансовой стабильности регионов России и их развитии. Эти трансферты, выступающие в форме дотаций, субсидий, субвенций и других форм бюджетной поддержки, позволяют регионам компенсировать недостаток собственных доходов и финансировать социально значимые программы, не имея возможности самостоятельно покрывать расходы. Рассматривая динамику безвозмездных перечислений в период с 2012 по 2021 г. (табл. 3), можно наблюдать некоторые изменения в структуре финансирования регионов.

Данные таблицы 3 свидетельствуют, что большинство регионов получали из вышестоящего бюджета до 2019 г. включительно менее 10 тыс. руб. на душу населения. Однако в 2020 г. наблюдается значительный сдвиг в сторону более высоких объемов финансирования. Этот скачок обусловлен пандемией, которая заставила федеральный центр увеличить объемы помощи регионам для смягчения последствий кризиса и финансирования мер по борьбе с распространением вируса.

Существуют значительные региональные различия в объемах безвозмездных перечислений. В период с 2012 по 2021 г. наибольшие объемы финансирования получали регионы с высокой потребностью в государственной поддержке, т.е. это регионы: с низким уровнем экономического развития, отстающим социальным сектором и низ-

Таблица 3

**Распределение регионов РФ по величине безвозмездных поступлений
на душу населения**

Доходы, тыс. руб.	Кол-во регионов в соответствующих группах									
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Менее 10	38	46	49	57	60	58	48	41	10	16
От 10 до 30	35	26	25	23	21	23	30	36	61	55
От 30 до 50	7	9	9	3	2	2	4	6	8	10
От 50 до 70	3	2	1	1	1	1	2	1	5	2
Более 70	–	–	1	1	1	1	1	1	1	2

Источник: рассчитано автором по данным официального сайта Федерального казначейства Российской Федерации <https://roskazna.gov.ru>.

ким уровнем жизни; с высоким уровнем рождаемости и низким уровнем смертности – для обеспечения социальной защиты населения и развития социальной инфраструктуры; с неблагоприятными природными условиями (арктические территории, зоны с частыми стихийными бедствиями). К числу таких регионов относятся Магаданская область, республики Алтай, Ингушетия, Карачаево-Черкесия, Крым, Саха (Якутия), Тыва, Чечня, Камчатский край, Чукотский автономный округ.

В то же время ряд регионов получали минимальное финансирование из федерального бюджета. К ним относятся Астраханская, Иркутская, Кемеровская, Ленинградская, Московская, Мурманская, Нижегородская, Новосибирская, Оренбургская, Ростовская, Самарская, Саратовская, Свердловская, Томская, Тульская, Тюменская, Ульяновская, Челябинская, Ярославская области, республики Башкортостан, Коми, Удмуртия, Краснодарский, Красноярский, Пермский края, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий автономные округа, г. Москва и г. Санкт-Петербург.

Необходимо отметить, что для устранения вертикального дисбаланса применяются не только механизмы закрепления определенной

доли федеральных налогов за региональными и местными бюджетами, но также используются налоги, распределение которых происходит по установленным формулам. Это касается, например, некоторых акцизов на продукцию из алкоголя и нефтепродукты. Хотя в отчетности такие налоги классифицируются как налоговые доходы, по своей природе они ближе к трансфертным механизмам. Следует обратить внимание на то, что начиная с 2017 г. были изменены пропорции распределения налога на прибыль между федеральным и региональными бюджетами. Региональная ставка была уменьшена на 1 п.п., а дополнительные средства, полученные федеральным бюджетом, направлялись на увеличение дотаций для выравнивания бюджетной обеспеченности регионов. Эти меры позволили уменьшить разрыв в доходах между субъектами Российской Федерации, но при этом создали сложности для регионов-доноров, которые оказались перед необходимостью пересмотра своих бюджетов в условиях сокращения доходной базы. Также изменения в финансовой ситуации регионов произошли из-за перераспределения источников доходов между федеральным центром и субъектами РФ.

ВЛИЯНИЕ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ТРАНСФЕРТОВ НА СГЛАЖИВАНИЕ РАЗЛИЧИЙ В БЮДЖЕТНОЙ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ МЕЖДУ РЕГИОНАМИ РФ

Сглаживание межрегиональной дифференциации через механизм межбюджетных трансфертов является важным аспектом финансовой политики. Как было показано выше, региональные бюджеты зависят от внутренних и внешних факторов, таких как экономическая активность и численность населения, а также от распределения ресурсов через федеральные трансферты. Эта система направлена на обеспечение социальной стабильности и повышение качества жизни в регионах, особенно в тех, где уровень собственных доходов значительно ниже среднего. Финансовая поддержка из федерального центра позволяет регионам компенсировать недостаток доходов и решать задачи экономического и социального развития.

Чтобы понять, насколько действенно функционирует механизм сглаживания межрегиональных различий, необходимо оценить степень неоднородности доходов субфедеральных бюджетов до и после получения ими трансфертов. В таблице 4 представлены результаты расчетов некоторых статистических показателей бюджетов регионов за период 2012–2021 гг. Анализируя таблицу, можно сделать следующие выводы.

Неоднородность бюджетных доходов регионов России высока. На это указывают существенные различия между максимальным

Таблица 4

Динамика некоторых статистических показателей доходов субфедеральных бюджетов на душу населения, тыс. руб.

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
<i>Налоговые и неналоговые доходы</i>										
Среднее	34,8	33,9	33,0	31,9	31,7	32,9	35,9	37,4	35,4	41,1
Максимум	159,3	155,5	160,4	191,3	125,3	160,8	180,5	168,4	153,3	163,1
Минимум	6,3	6,3	6,0	5,9	5,9	6,1	6,8	5,6	6,4	6,4
Размах асимметрии, раз	25,2	24,6	26,7	32,2	21,2	26,4	26,6	29,9	23,9	25,6
Коэффициент вариации, %	75,0	73,8	81,3	93,7	75,6	77,2	78,9	80,5	78,1	73,3
<i>Совокупные доходы</i>										
Среднее	49,7	48,0	47,1	43,3	43,0	44,9	50,2	55,0	57,8	62,0
Максимум	201,1	197,5	208,2	209,6	233,7	212,8	242,0	364,6	333,4	304,9
Минимум	24,9	25,0	23,3	20,6	21,0	22,2	23,6	25,6	32,8	30,6
Размах асимметрии, раз	8,1	7,9	8,9	10,2	11,1	9,6	10,2	14,3	10,2	10,0
Коэффициент вариации, %	60,7	61,2	68,1	76,4	70,5	68,8	70,8	82,7	70,6	65,2

Источник: рассчитано автором по данным официального сайта Федерального казначейства Российской Федерации <https://roskazna.gov.ru>.

и минимальным значениями доходов, а также высокие значения размаха асимметрии и коэффициента вариации. Значение коэффициента вариации совокупных доходов (с учетом трансфертов) ниже, чем значение коэффициента вариации налоговых и неналоговых доходов (за исключением 2019 г.).

Наблюдается снижение налоговых и неналоговых доходов в период с 2012 по 2016 г. С 2017 г. происходит увеличение этих доходов, и с 2018 г. уровень налоговых и неналоговых доходов превышает их значение 2012 г. Совокупные бюджетные доходы, включающие трансферты из федерального бюджета, демонстрируют аналогичную динамику. В 2019–2021 гг. определяющей является роль трансфертов в формировании совокупных доходов региональных бюджетов. Влияние пандемии в 2020 г. привело к снижению налоговых и неналоговых доходов, но значительное увеличение трансфертов смягчило негативное воздействие кризиса, позволив сохранить уровень совокупных доходов и обеспечить их рост. Федеральная поддержка региональных бюджетов в рассматриваемый период была существенной, о чем свидетельствует увеличение бюджетных доходов регионов в среднем после получения трансфертов в 1,4–1,7 раза. При этом минимальный уровень бюджетных доходов возрастает в 3,4–5,5 раза, увеличение максимального уровня составляет 1,3–2,2 раза. Таким образом, трансферты оказывают более сильное воздействие на регионы с низкими доходами, способствуя сглаживанию межрегионального неравенства.

Анализ показателя размаха асимметрии доходов регионов до и после получения трансфертов демонстрирует сохранение значительного неравенства. Разница в доходах на душу населения между самым богатым и самым бедным регионами до получения трансфертов составляла 21–32 раза, после получения трансфертов разрыв сокращается, но остается высоким (8–14 раз в течение рассматриваемого периода). Сокращение разрыва в среднем в 1,9–3,2 раза, хотя и свидетельствует о позитивном эффекте трансфертов, не устраняет проблему существенной межрегиональной дифференциации.

Коэффициент вариации, характеризующий степень изменчивости совокупных бюджетных доходов, позволяет количественно оценить

уровень неравномерности в распределении бюджетных ресурсов между регионами. Его динамика в рассматриваемый период показывает, что несмотря на сокращение разрыва между самыми богатыми и самыми бедными регионами после получения трансфертов, общий уровень неоднородности остается значительным.

Анализ безвозмездных поступлений из федерального бюджета в субъекты Федерации позволяет оценить распределение бюджетных средств и понять, насколько эффективно происходит межбюджетное перераспределение для сглаживания межрегиональной дифференциации (табл. 5).

В рассматриваемый период средний уровень безвозмездных поступлений сначала демонстрировал снижение, однако с 2017 г. начался стабильный рост данного показателя. Минимальные значения таких поступлений колебались в пределах 2,3–3,8 тыс. руб. на человека, за исключением 2020 г., когда из-за мер, связанных с пандемией, объем трансфертов в регионы был существенно увеличен. Максимальные значения показателя также заметно возросли: в 2012 г. самое высокое значение зафиксировано в Камчатском крае и составило 60 тыс. руб., тогда как в 2019 г. в Чукотском автономном округе оно

Таблица 5

Динамика некоторых статистических показателей безвозмездных поступлений, тыс. руб.

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Среднее	14,9	14,1	14,1	11,4	11,3	12,0	14,3	17,5	22,4	20,9
Максимум	59,6	61,8	87,3	92,4	115,3	121,1	151,6	261,7	180,1	175,6
Минимум	3,8	2,6	2,4	3,2	2,3	2,5	3,1	3,5	6,0	4,5
Размах асимметрии, раз	15,6	24,1	36,7	29,3	49,1	48,8	49,2	74,2	30,1	39,1
Коэффициент вариации, %	79,6	84,5	99,4	105,7	126,5	128,0	129,0	164,7	97,6	101,3

Источник: рассчитано автором по данным официального сайта Федерального казначейства Российской Федерации <https://roskazna.gov.ru>.

достигло 262 тыс. руб. О существенной разнице между регионами в объемах поступлений из федерального бюджета свидетельствует и размах асимметрии.

Цель перераспределения финансов между федеральным центром и регионами заключается, как правило, в сокращении межтерриториальной дифференциации. При этом важно учитывать необходимость сохранения для регионов стимулов к наращиванию собственных доходов, формируемых на их территории [13; 18]. Эффективность системы межбюджетных трансфертов можно анализировать посредством ранжирования субъектов по уровню их доходов, включая налоговые, неналоговые и общие доходы, в составе которых учтены безвозмездные перечисления из федерального бюджета.

Особое значение имеет изменение положения региона в рейтинге после перераспределения финансов. Для анализа этого изменения используется коэффициент ранговой корреляции (КРК) Спирмена, позволяющий выявлять взаимосвязь между двумя наборами данных, даже если они имеют нелинейную зависимость или отличаются от нормального распределения. Этот метод основан на сравнении рангов, что исключает влияние аномальных данных и нелинейностей. Если изменения в рангах минимальны, коэффициент будет близок к единице. Этот подход помогает определить степень и направление связи между рядами данных, присваивая каждому значению соответствующий ранг, после чего рассчитываются разности рангов (d) для каждого субъекта, а на основе этих данных вычисляется итоговый коэффициент корреляции:

$$r = 1 - \frac{6 \sum d^2}{n(n^2 - 1)},$$

где n – количество исследуемых регионов.

Значение коэффициента указывает на силу взаимосвязи: если оно меньше 0,3, связь считается слабой; если в пределах от 0,3 до 0,7 – умеренной; превышение 0,7 говорит о сильной взаимосвязи между показателями.

Анализ корреляционной связи между налоговыми и неналоговыми доходами, а также совокупными бюджетными доходами на

Таблица 6

Значения коэффициента ранговой корреляции Спирмена

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
КРК Спирмена	0,74	0,69	0,65	0,70	0,72	0,77	0,78	0,73	0,63	0,72

Источник: рассчитано автором по данным официального сайта Федерального казначейства Российской Федерации <https://roskazna.gov.ru>.

душу населения, проведенный с использованием КРК Спирмена, выявил значимую, но не абсолютную зависимость между этими показателями. Таблица 6 демонстрирует, что в большинство лет коэффициент превышал 0,7, что свидетельствует о высокой степени положительной корреляции между рангами регионов по уровням налоговых и неналоговых доходов, с одной стороны, и их совокупными бюджетными доходами – с другой. Это означает, что регионы с более высокими налоговыми и неналоговыми доходами, как правило, демонстрировали и более высокие совокупные доходы на душу населения, и наоборот. Положительный знак коэффициента подтверждает наличие прямой зависимости: рост налоговых и неналоговых доходов сопровождается ростом совокупных бюджетных доходов. Однако анализ динамики КРК Спирмена раскрывает некоторые нюансы. Значение коэффициента не является стабильным. Важно отметить, что даже в периоды высокой корреляции (КРК Спирмена больше 0,7), оно остается относительно далеким от единицы.

Проведенный анализ показал, что хотя трансферты играют ключевую роль в повышении совокупных бюджетных доходов регионов, значительная неоднородность сохраняется даже после их распределения. В частности, разрыв между максимальными и минимальными доходами регионов уменьшается, хотя остается существенным, что указывает на необходимость совершенствования механизма межбюджетного регулирования. Таким образом, задача обеспечения большего баланса в бюджетной обеспеченности субъектов Федерации остается актуальной.

АНАЛИЗ НАПРАВЛЕННОСТИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ТРАНСФЕРТНОЙ ПОЛИТИКИ

Федеральная бюджетная политика, направленная на выравнивание доходов регионов России, может быть проанализирована с помощью регрессионного анализа. Важно изучить, как объемы межбюджетных трансфертов, поступающих из федерального бюджета в бюджеты регионов, зависят от налоговых и неналоговых доходов этих регионов. Данные показатели рассматриваются в расчете на душу населения в постоянных ценах с учетом районных коэффициентов.

Регрессионная модель для оценки этой зависимости имеет следующий вид:

$$\ln T_i = \alpha + \beta \ln R_i + \varepsilon_i,$$

где T_i – объем межбюджетных трансфертов из федерального бюджета в бюджеты регионов; R_i – сумма налоговых и неналоговых доходов бюджетов регионов.

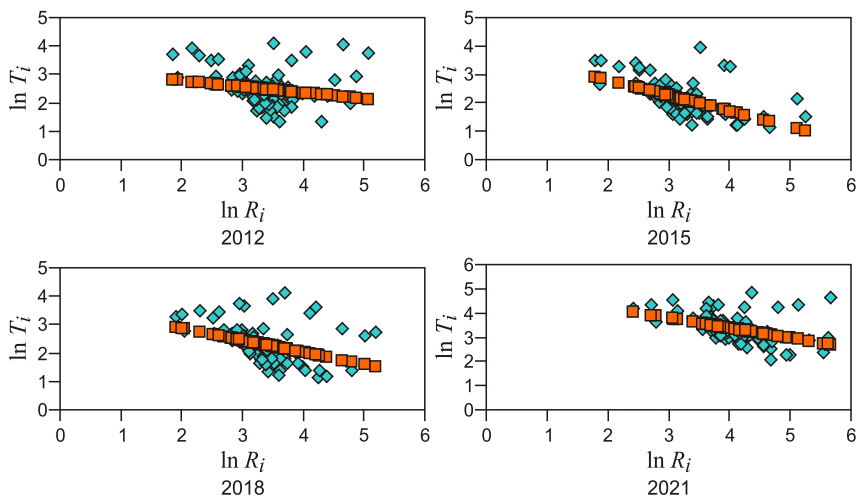
Для адекватной оценки представленного уравнения применительно к 2014–2021 гг., исходя из вида поля рассеивания, из расчетов целесообразно исключить «выбросы», т.е. регионы, которые существенно выделяются из общей картины распределения. Таким регионом в течение указанного периода являлся Чукотский АО. Результаты оценки зависимости представлены в табл. 7. На рисунке приведены графики оцениваемой зависимости за некоторые годы рассмотренного периода (синие точки – это реальное распределение $\ln T_i$ в за-

Таблица 7

Результаты оценки уравнения $\ln T_i = \alpha + \beta \ln R_i + \varepsilon_i$

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
R^2	0,04	0,05	0,13	0,30	0,24	0,24	0,14	0,15	0,11	0,18
	3,09	3,27	3,72	3,88	4,00	4,12	3,73	3,89	3,96	5,03
	-0,21	-0,27	-0,43	-0,54	-0,60	-0,40	-0,43	-0,42	-0,33	-0,42
Значимость	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+

Источник: рассчитано автором по данным официального сайта Федерального казначейства Российской Федерации <https://roskazna.gov.ru>.

Зависимость между логарифмами налоговых и неналоговых доходов регионов и трансфертов из федерального бюджета

Источник: рассчитано автором по данным официального сайта Федерального казначейства Российской Федерации <https://roskazna.gov.ru>

висимости от значений $\ln R_i$, красные точки – это значения, полученные по модели).

Статистически значимый отрицательный коэффициент регрессии свидетельствует о том, что межбюджетные перераспределения направлены на выравнивание реальных бюджетных доходов территорий, т.е. чем больше налоговых и неналоговых доходов в регионе, тем меньше он получает трансфертов. Незначимый коэффициент указывает на отсутствие связи объема трансфертов с налоговыми и неналоговыми доходами, т.е. межбюджетные перераспределения не направлены на выравнивание доходов регионов. Статистически значимый положительный коэффициент свидетельствует о том, что наибольший объем трансфертов направляется в относительно благополучные субъекты Федерации.

Регрессионный анализ демонстрирует, что объем трансфертов из федерального бюджета обратно пропорционален уровню налоговых и неналоговых доходов регионов. Такая направленность трансфертной политики свидетельствует о ее нацеленности на выравнивание

бюджетных доходов территорий. При этом эффективность данной политики варьируется в зависимости от года, что связано с изменением экономических условий и приоритетов федерального центра. Таким образом, реализуемая в России трансфертная политика достигает частичного успеха в сокращении бюджетного разрыва, но требует дополнительных мер для увеличения ее эффективности. Ключевым направлением ее совершенствования остается обеспечение сбалансированного подхода, который позволял бы не только уменьшать дифференциацию, но и стимулировать регионы к наращиванию собственных доходов.

ВЫВОДЫ

Бюджетная политика в федеративных государствах является ключевым инструментом управления экономикой. Она влияет на развитие регионов, обеспечивая эффективное распределение финансовых ресурсов и стимулируя устойчивый рост. Анализ доходов бюджетов субъектов Российской Федерации за 2012–2021 гг. выявил снижение их совокупных объемов в 2015–2017 гг., за которым последовал рост, особенно в 2020 г. – связанный с увеличением федеральной помощи из-за пандемии.

Существенная часть регионов остаются зависимыми от трансфертов, особенно регионы с неблагоприятным климатом, слабой экономикой и низкими налоговыми поступлениями: республики Алтай, Ингушетия, Карачаево-Черкесия, Крым, Саха (Якутия), Тыва и Чечня, Камчатский край, Магаданская область, Чукотский автономный округ. В этих субъектах РФ доля федеральных субсидий значительна на протяжении всего периода, что свидетельствует об углублении проблем их бюджетной обеспеченности. В то же время система межбюджетных трансфертов увеличивает средние доходы регионов, но усиливает разрыв между наиболее обеспеченными и бедными регионами, способствуя бюджетной неоднородности.

Результаты анализа подтверждают: федеральная бюджетная политика направлена на сглаживание дифференциации между регионами, что достигается за счет трансфертов. Объем их распределения существенно вырос с 2017 г., однако высокая степень неоднородности между регионами сохраняется.

Предоставление регионам налоговой самостоятельности стимулирует экономическую активность, но увеличивает разрыв между богатыми и бедными регионами. Баланс между налоговым механизмом и трансфертной системой необходим для справедливого распределения ресурсов и выравнивания бюджетной обеспеченности, что в перспективе позволит сократить межрегиональное неравенство и создать условия для устойчивого развития.

Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект «Инструменты, технологии и результаты анализа, моделирования и прогнозирования пространственного развития социально-экономической системы России и ее отдельных территорий», № 121040100262-7

Список источников

1. Аганбегян А.Г. О неотложных мерах по возобновлению социально-экономического роста // Проблемы прогнозирования. – 2019. – № 1 (172). – С. 3–15.
2. Акиндинова Н.В., Чернявский А.В., Чепель А.А. Межстрановой анализ структуры и эффективности бюджетных расходов // Вопросы экономики. – 2018. – № 12. – С. 5–27.
3. Бахлаева Н.М. Проблемы реализации экономических интересов регионов как субъектов межбюджетных отношений в кризисных условиях // Региональная экономика: теория и практика. – 2017. – Т. 15, № 1. – С. 35–49.
4. Балаев А.И. Влияние структуры бюджетных расходов на экономический рост в России // Экономическая политика. – 2018. – № 6 (13). – С. 8–35.
5. Башенков А.П., Мясников А.А., Семерикова Е.В., Серегина С.Ф. Влияние межбюджетных трансфертов на региональные доходы // Пространственная экономика. – 2022. – Т. 18, № 3. – С. 36–92.
6. Богачева О., Смородинов О. Обзоры бюджетных расходов: опыт стран ОЭСР и перспективы для России // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63, № 3. – С. 59–67.
7. Букина И.С. Состояние и перспективы устойчивости федерального бюджета в новых условиях // Федерализм. – 2022. – Т. 27, № 4 (108). – С. 142–154.
8. Бухвальд Е.М. Стратегии безопасности и развитие федеративных отношений в России // Федерализм. – 2022. – Т. 27, № 1 (105). – С. 96–112.
9. Голованова Н.В., Домбровский Е.А. Федеральный центр и регионы: изменение разграничения полномочий в 2005–2015 годах // Финансовый журнал. – 2016. – № 2. – С. 41–51.
10. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Налогово-бюджетная дифференциация регионов России: масштабы и динамика // Региональные исследования. – 2023. – № 1. – С. 31–41.
11. Калинин А.М. Доходы региональных бюджетов: структура и стимулы к увеличению // Регион: экономика и социология. – 2021. – № 1 (109). – С. 47–71.

12. *Караваева И.В., Коломиец А.Г., Казанцев С.В.* Сможет ли федеральный бюджет 2021–2023 гг. реализовать стратегические цели и обеспечить экономическую безопасность Российской Федерации? // *Федерализм*. – 2021. – Т. 26, № 1 (101). – С. 115–131.
13. *Малкина М.Ю.* Оценка факторов конвергенции/дивергенции российских регионов по уровню бюджетной обеспеченности на основе декомпозиции индексов Тейла – Бернулли // *Пространственная экономика*. – 2016. – № 3. – С. 16–37.
14. *Михайлова А.А., Климанов В.В., Сафина А.И.* Влияние межбюджетных трансфертов на экономический рост и структуру региональной экономики // *Вопросы экономики*. – 2018. – № 1. – С. 91–103.
15. *Мохнаткина Л.Б.* Региональное неравенство исполнения федерального бюджета в субъектах Российской Федерации // *Экономика региона*. – 2023. – Т. 19, № 1. – С. 274–288.
16. *Печенская-Полищук М.А.* Цели и формы предоставления бюджетных ресурсов регионам из федерального центра на безвозмездной основе // *Вопросы экономики*. – 2021. – № 11. – С. 108–126.
17. *Ратковская Т.Г.* Пространственные характеристики регионов в процессах межбюджетного выравнивания // *ЭКО*. – 2020. – № 1. – С. 166–182.
18. *Тимушев Е.Н., Михайлова А.А.* Федеральные трансферты: фактор роста или долга регионов? // *Вопросы экономики*. – 2023. – № 5. – С. 23–49.
19. *Чернышова Н.А.* Тенденции и региональные приоритеты в предоставлении межбюджетных трансфертов в последнее десятилетие // *Общественные финансы*. – 2016. – № 2 (33). – С. 48–72.
20. *Federalism and Economic Reform: International Perspectives* / Ed. by J.S. Wallack and T.N. Spinivasan. – Cambridge University Press, 2006. – 528 p. – URL: http://www.untag-smd.ac.id/files/Perpustakaan_Digital_1/FEDERALISM%20Federalism%20and%20Economic%20Reform,%20International%20Perspectives.pdf (дата обращения: 17.02.2024).
21. *Hueglin T., Fenna A.* *Comparative Federalism: A Systematic Inquiry*. Peterborough, Ont.: Broadview Press, 2006. – 390 p. – URL: <https://catalogue.nla.gov.au/catalog/3771209> (дата обращения: 17.02.2024).
22. *Kollman K., Miller J.H., Page S.E.* Political institutions and sorting in a Tiebout model // *The American Economic Review*. – 1997. – Vol. 87, No. 5. – P. 977–992. DOI: 10.7551/mitpress/2021.003.0009. – URL: <https://www.scinapse.io/papers/1497899910> (дата обращения: 17.02.2024).
23. *Levaggi R.* Decentralized budgeting procedures for public expenditure // *Public Finance Review*. – 2002. – Vol. 30, No. 4. – P. 273–295. DOI: 10.1177/109421030004002. – URL: <https://ideas.repec.org/a/sae/pubfin/v30y2002i4p273-295.html> (дата обращения: 17.02.2024).
24. *Public Finance: Theory and Practice in Central European Transition* / Ed. by J. Nemeec and G. Wright; NISPAcee. – Bratislava, 1997. – 458 p. – URL: <https://www.nispa.org/files/publications/ebooks/Public-Finance-Theory-and-Practice.pdf> (дата обращения: 17.02.2024).
25. *Tiebout C.M.* A pure theory of local expenditures // *Journal of Political Economy*. – 1956. – Vol. 64, No. 5. – P. 416–424. DOI: 10.1086/257839. – URL: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.1086/257839> (дата обращения: 17.02.2024).

26. Zhuravskaya E. Federalism in Russia // Russia After the Global Economic Crisis. – Washington, D.C.: Peterson Institute for International Economics, 2010. – P. 59–77. – URL: <http://lib.uib.kz/wp-content/uploads/2019/04/Russia-after-the-Global-Economic-Crisis-Aslund-A-2010.pdf> (дата обращения: 17.02.2024).

Информация об авторе

Сумская Татьяна Владимировна (Россия, Новосибирск) – кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17). E-mail: t.v.sumskaya-2004@yandex.ru.

DOI: 10.15372/REG20250202

Region: Economics & Sociology, 2025, No. 2 (126), p. 29–52

T.V. Sumskaya

ANALYSIS OF FISCAL CAPACITY OF RUSSIAN REGIONS: APPROACHES AND CONCLUSIONS

The article reviews the budget revenues of the subjects of the Russian Federation in constant prices for the period from 2012 to 2021. The regions with the largest and the smallest volumes of tax and non-tax revenues, as well as gratuitous transfers are singled out. To assess the direction of the budget policy of the federal authorities, we studied the dynamics of a number of statistical indicators, including tax and non-tax revenues, total revenues and transfers calculated per capita. In addition, we calculated the Spearman rank correlation coefficient, which made it possible to analyze the relationship between regional revenues with and without federal transfers. The results of regression analysis indicate that the key objective of the budget policy is to reduce interregional disparities in the structure of revenues of the RF subjects. However, in order to stimulate the interest of regions in increasing tax revenues, it is necessary to expand their tax powers. Given that the list of regions with the lowest volumes of tax and non-tax revenues remained practically unchanged during the period under study, it is necessary to review the effectiveness of the current mechanism of transfer distribution.

Keywords: regional budget; budget revenues; tax and non-tax revenues; gratuitous receipts; transfers; region; subject of the Russian Federation; heterogeneity of budget revenues

For citation: *Sumskaya, T.V. (2025). Analiz byudzhetnoy obespechenosti regionov Rossii: podkhody i vyvody [Analysis of fiscal capacity of Russian regions: approaches and conclusions]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (126), 29–52. DOI: 10.15372/REG20250202.*

This research was carried out with the plan of research work of IEIE SB RAS, project “Tools, technologies and results of analysis, modeling and forecasting of spatial development of Russia’s socio-economic system and its particular territories”, No. 121040100262-7

References

1. *Aganbegyan, A.G. (2019). O neotlozhnykh merakh po vozobnovleniyu sotsialno-ekonomicheskogo rosta [On immediate actions to reinvigorate social and economic growth]. Problemy prognozirovaniya [Problems of Forecasting], 1 (172), 3–15.*
2. *Akindinova, N.V., A.V. Chernyavsky & A.A. Chepel. (2018). Mezhsranovoy analiz struktury i effektivnosti byudzhetnykh raskhodov [Cross-country analysis of public expenditures structure and efficiency]. Voprosy ekonomiki [Problems of Economics], 12, 5–27.*
3. *Baklaeva, N.M. (2017). Problemy realizatsii ekonomicheskikh interesov regionov kak subyektov mezhsbyudzhjetnykh otnosheniy v krizisnykh usloviyakh [Realization of the economic interests of regions as subjects of inter-budget relations in crisis: Problems and challenges]. Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika [Regional Economics: Theory and Practice], Vol. 15, No. 1, 35–49.*
4. *Balaev, A.I. (2018). Vliyanie struktury byudzhjetnykh raskhodov na ekonomicheskii rost v Rossii [The impact of public expenditure structure on economic growth in Russia]. Ekonomicheskaya politika [Economic Policy], 6 (13), 8–35.*
5. *Bashenkov, A.P., A.A. Myasnikov, Ye.V. Semerikova & S.F. Seregina. (2002). Vliyanie mezhsbyudzhjetnykh transfertov na regionalnye dokhody [Influence of inter-government transfers on regional incomes in Russia]. Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics]. Vol. 18, No. 3, 36–92.*
6. *Bogacheva, O. & O. Smorodinov. (2019). Obzory byudzhjetnykh raskhodov: opyt stran OESR i perspektivy dlya Rossii [Spending reviews: Experience of OECD countries and prospects for Russia]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations], Vol. 63, No. 3, 59–67.*
7. *Bukina, I.S. (2022). Sostoyanie i perspektivy ustoychivosti federalnogo byudzheta v novykh usloviyakh [Status and prospects of federal budget sustainability in the new environment]. Federalizm [Federalism], Vol. 27, No. 4 (108), 142–154.*

8. *Bukhvald, E.M.* (2022). Strategii bezopasnosti i razvitie federativnykh otnosheniy v Rossii [Security strategies and the development of federal relations in Russia]. *Federalizm* [Federalism], Vol. 27, No. 1 (105), 96–112.

9. *Golovanova, N.V. & E.A. Dombrovsky.* (2016). Federalnyy tsentr i regiony: izmenenie razgranicheniya polnomochiy v 2005–2015 godakh [Federal center and regions: changes in the delimitation of powers in 2005–2015]. *Finansovyy zhurnal* [Financial Journal], 2, 41–51.

10. *Zubarevich, N.V. & S.G. Safronov.* (2023). Nalogovo-byudzhetskaya differentsiatsiya regionov Rossii: masshtaby i dinamika [Regional inequality and its changes: budget projection]. *Regionalnye issledovaniya* [Regional Studies], 1, 31–41.

11. *Kalinin, A.M.* (2021). Dokhody regionalnykh byudzhetov: struktura i stimuly k uvelicheniyu [Regional budget revenues: structure and incentives to increase]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 1 (109), 47–71.

12. *Karavaeva, I.V., A.G. Kolomiets & S.V. Kazantsev.* (2021). Smozhet li federalnyy byudzhets 2021–2023 gg. realizovat strategicheskie tseli i obespechit ekonomicheskuyu bezopasnost Rossiyskoy Federatsii? [Will the federal budget for 2021–2023 fiscal years be able to ensure the achievement of strategic goal and to assure the economic security of the Russian Federation?]. *Federalizm* [Federalism], Vol. 26, No. 1 (101), 115–131.

13. *Malkina, M.Yu.* (2016). Otsenka faktorov konvergentsii/divergentsii rossiyskikh regionov po urovnyu byudzhetnoy obespechennosti na osnove dekompozitsii indeksov Teyla – Bernulli [Evaluation of the factors of Russian regions' convergence/divergence in the level of budget provision based on the decomposition of Teil-Bernoulli index]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 3, 16–37.

14. *Mikhailova, A.A., V.V. Klimanov & A.I. Safina.* (2018). Vliyaniye mezhbyudzhethnykh transfertov na ekonomicheskiy rost i strukturu regionalnoy ekonomiki [The impact of intergovernmental fiscal transfers on economic growth and the structure of the regional economy]. *Voprosy ekonomiki* [Problems of Economics], 1, 91–103.

15. *Mokhnatkina, L.B.* (2023). Regionalnoe neravenstvo ispolneniya federalnogo byudzheta v subyektakh Rossiyskoy Federatsii [Regional inequality in the federal budget execution in Russian Regions]. *Ekonomika regiona* [Regional Economics], Vol. 19, No. 1, 274–288.

16. *Pechenskaya-Polischuk, M.A.* (2021). Tseli i formy predostavleniya byudzhethnykh resursov regionam iz federalnogo tsentra na bezvozmezdnoy osnove [Goals and forms of granting budgetary resources to the regions from the federal center on a gratuitous basis]. *Voprosy ekonomiki* [Problems of Economics], 11, 108–126.

17. *Ratkovskaya, T.G.* (2020). Prostranstvennyye kharakteristiki regionov v protsessakh mezhbyudzhethnogo vyravnivaniya [Spatial characteristics of regions in the processes of inter-budgetary alignment]. *EKO* [ECO], 1, 166–182.

18. *Timushev, E.N. & A.A. Mikhailova.* (2023). Federalnyye transferty: faktor rosta ili dolga regionov? [Federal transfers: Leeway to higher regional debt?]. *Voprosy ekonomiki* [Problems of Economics], 5, 23–49.

19. *Chernyshova, N.A.* (2016). Tendentsii i regionalnye priority v predostavlenii mezhbyudzhethnykh transfertov v poslednee desyatiletie [Trends and regional priorities

in the provision of interbudget transfers in the last decade]. *Obshchestvennye finansy* [Public Finance], 2 (33), 48–72.

20. *Wallack, J.S. & T.N. Spinivasan* (Eds.). (2006). *Federalism and Economic Reform: International Perspectives*. Cambridge University Press, 528. Available at: http://www.untag-smd.ac.id/files/Perpustakaan_Digital_1/FEDERALISM%20Federalism%20and%20Economic%20Reform,%20International%20Perspectives.pdf (date of access: 17.02.2024).

21. *Hueglin, T. & A. Fenna*. (2006). *Comparative Federalism: A Systematic Inquiry*. Peterborough, Ont., Broadview Press, 390. Available at: <https://catalogue.nla.gov.au/catalog/3771209> (date of access: 17.02.2024).

22. *Kollman, K., J.H. Miller & S.E. Page*. (1997). Political institutions and sorting in a Tiebout model. *The American Economic Review*, Vol. 87, No. 5, 977–992. DOI: 10.7551/mitpress/2021.003.0009. Available at: <https://www.scinapse.io/papers/1497899910> (date of access: 17.02.2024).

23. *Levaggi, R.* (2002). Decentralized budgeting procedures for public expenditure. *Public Finance Review*, Vol. 30, No. 4, 273–295. DOI: 10.1177/109421030004002. Available at: <https://ideas.repec.org/a/sae/pubfin/v30y2002i4p273-295.html> (date of access: 17.02.2024).

24. *Nemec, J. & G. Wright* (Eds.). (1997). *Public Finance: Theory and Practice in Central European Transition*. NISPAcee. Bratislava, 458. Available at: <https://www.nispa.org/files/publications/ebooks/Public-Finance-Theory-and-Practice.pdf> (date of access: 17.02.2024).

25. *Tiebout, C.M.* (1956). A pure theory of local expenditures. *Journal of Political Economy*, Vol. 64, No. 5, 416–424. DOI: 10.1086/257839. Available at: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.1086/257839> (date of access: 17.02.2024).

26. *Zhuravskaya, E.* (2010). Federalism in Russia. In: *Russia After the Global Economic Crisis*. Washington, D.C., Peterson Institute for International Economics, 59–77. Available at: <http://lib.uib.kz/wp-content/uploads/2019/04/Russia-after-the-Global-Economic-Crisis-Aslund-A-2010.pdf> (date of access: 17.02.2024).

About Author

Sumskaya, Tatiana Vladimirovna (Novosibirsk, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Docent, Deputy Director for Research at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: t.v.sumskaya-2004@yandex.ru.

Поступила в редколлегию 29.10.2024.

После доработки 28.01.2025.

Принята к публикации 30.01.2025.

**Э.Р. Кашапова, Е.И. Клемашева, В.А. Маланина,
Е.М. Рождественская**

АНАЛИЗ ЦИФРОВЫХ ПРАКТИК ПОТРЕБЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ НА ОСНОВЕ ИНДЕКСНОГО ПОДХОДА

Цель исследования заключается в индексной оценке распространения цифровизации практик потребления среди населения России по возрастам и в региональном разрезе. Большинство существующих подходов к оценке цифровизации учитывают доступ к необходимой инфраструктуре, но не позволяют в полной мере ответить на вопрос о востребованности цифровых практик потребления у населения с учетом возрастных особенностей потребителей, уровня образования и цифровых навыков, здоровья и других факторов. Предложен дизайн индекса цифровизации практик потребления, включающего релевантные индикаторы, организованные в пять субиндексов: медицинские услуги и услуги социальных организаций; потребление товаров и услуг; цифровые коммуникации; образование; окружающая среда. Относительные веса индикаторов и доменов были определены методом экспертных оценок. Наибольший весовой коэффициент присвоен субиндексу «потребление товаров и услуг». Расчеты значений индекса проводились на данных Комплексного наблюдения условий жизни населения за 2022 г. (КОУЖ-2022).

Высокие показатели цифровизации практик потребления выявлены в представленных возрастных группах в Чукотском АО и г. Санкт-Петербурге, а наименьшие показатели характерны для Забайкальского края. Наибольший разрыв в цифровизации практик между возрастными категориями до 55 и старше 55 лет наблюдается в Нижегородской области и Республике Татарстан (0,187 и 0,178 соответственно), наименьший – в Чеченской Республике, Чукотском АО, Республике Дагестан и Кабардино-Балкарской Республике. В разрезе федеральных округов наи-

большая разница между возрастными группами отмечается в Центральном и Северо-Западном федеральных округах (0,196 и 0,174 соответственно).

Выявленная неравномерность развития цифровизации практик потребления по доменам и возрастам может способствовать фокусированию региональной политики на выявлении причин нераспространенности практик и сглаживании межрегиональных различий в доступе к необходимой инфраструктуре, что соответствует уровню исследований регионального цифрового неравенства.

Ключевые слова: цифровая среда; потребление; цифровые практики; сферы жизнедеятельности; регионы России; возрастные группы; цифровое неравенство

Для цитирования: *Кашапова Э.Р., Клемашева Е.И., Маланина В.А., Рождественская Е.М.* Анализ цифровых практик потребления в регионах России на основе индексного подхода // Регион: экономика и социология. – 2025. – № 2 (126). – С. 53–83. DOI: 10.15372/REG20250203.

ВВЕДЕНИЕ

Современный темп развития техники и технологий способствует цифровизации образа жизни потребителей. Согласно результатам опроса россиян на тему цифровизации, проведенного в 2024 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения¹, с разной периодичностью восемь из десяти россиян пользуются электронными услугами. На современном этапе развития экономики влияние цифровизации на изменение потребления невозможно отрицать. Постпандемийная реальность ускорила внедрение цифровых технологий в экономические процессы, что нашло отражение в формировании новых практик потребления. Современный потребитель использует сети Интернет не только для получения информации [6], отдыха и развлечений, но и как место трудоустройства, основной канал ком-

¹ См.: *Наша* цифровая повседневность. ВЦИОМ. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nasha-cifrovaja-povsednevnost> (дата обращения: 11.08.2024).

муникации [25], площадку для приобретения и продажи товаров и услуг [14]. Цифровые технологии проникают в такие сферы жизни человека, как потребление товаров и услуг, здравоохранение, образование, коммуникации и занятость.

В научной литературе освещены вопросы развития цифровой экономики [7], а также статистического измерения размера цифровой экономики и сравнения его в разных странах [28], в том числе для этих целей используются различные рейтинги [22]. Основное внимание уделяется наличию и доступности необходимой инфраструктуры для развития цифровой экономики [19]. В России ведется мониторинг информационного общества, в котором учитываются следующие факторы: 1) развитие человеческого капитала (уровень образования и профессиональной подготовки населения, информационная грамотность населения); 2) инновационный потенциал (ресурсная база НИОКР и инновационной деятельности, институциональная и инфраструктурная среда); 3) информационно-коммуникационные технологии (инфраструктура и доступ); 4) экономическая среда, информационная индустрия и информационная безопасность; 5) использование информационных и коммуникационных технологий для развития экономики и общества (электронное правительство, электронный бизнес, электронное образование, электронное здравоохранение, электронная культура, использование ИКТ домохозяйствами и населением)². Отдельное внимание уделяется исследованию роли цифровых технологий в формировании онлайн-практик потребления и отмечается, что развитие данного вида практик потребления происходит в результате влияния развития цифровых технологий в сочетании с более широкими сдвигами в нецифровой среде – развитием гражданского общества (как формально организованного, так и неорганизованного), когда мы наблюдаем становление новых цифровых институтов [27].

Потребление обеспечивает формирование благополучия и должного качества жизни социальных групп, особенно в аспекте цифровизации рутинной жизнедеятельности человека. В рамках данного

² См.: *Мониторинг* развития информационного общества в Российской Федерации. Росстат. – URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/monitor.xlsx> .

направления особое внимание необходимо обратить на исследование [12], в котором представлен российский региональный индекс цифровой составляющей качества жизни населения. Авторами упомянутого исследования отмечено, что выводы, полученные в результате расчета и анализа значения индекса и субиндексов, «могут быть использованы для научного обоснования разрабатываемых на региональном уровне программ в области цифровой трансформации жизни населения» [12, с. 122]. Это позволяет говорить о значении методического подхода с использованием индекса не только как инструмента научного исследования, который дает возможность проводить сравнительный анализ изучаемого явления в региональном разрезе. Полученные с помощью этого подхода результаты могут иметь практическое применение в рамках разработки и реализации программ развития явления на уровне общества и экономики.

В 2020 г. исследователи из Московской школы управления «Сколково» рассчитали индекс цифровой жизни в 90 городах РФ с позиций наличия и доступности цифровых услуг на основе поисковых запросов и действий в социальных сетях в ключевых сферах повседневной жизни: транспорте, финансах, торговле, социальной сфере, медиа и государственном секторе³. Данный подход к изучению практик потребления не учитывает возрастные особенности потребителей.

Развитие информационного общества и непрерывный процесс цифровизации оказывают воздействие на экономические субъекты. Для индивида и домашнего хозяйства положительными экстерналиями являются: повышение доступности рынка труда; формирование цифровых условий для непрерывного повышения квалификации; повышение качества оказания услуг в результате развития системы обратной связи [1]; позитивное воздействие на заработную плату [13]; рост удовлетворенности жизнью и работой в условиях цифровой занятости [1].

Но несмотря на повсеместное внедрение цифровых технологий в повседневную жизнь, исследователи отмечают наличие цифрового разрыва [3] (цифрового неравенства) между субъектами экономи-

³ См.: *Цифровое неравенство регионов: как обстоят дела?* Сколково. – URL: <https://www.skolkovo.ru/researches/digital-life-of-russian-cities/>.

ческих отношений (индивидами, организациями, регионами и т.п.), вызванного различными факторами (экономическими, социальными, техническими, инфраструктурными и т.д.) [10]. Под цифровым разрывом чаще всего понимают неравномерный доступ к информационно-коммуникационным технологиям, причинами которого могут быть как объективные факторы – отсутствие или недостаточная развитость необходимой инфраструктуры, так и субъективные – отсутствие опыта, навыков, нехватка знаний, отсутствие интереса, страх перед новым [20].

В рамках настоящего исследования рассматривается вопрос о востребованности цифровых практик потребления по сферам жизнедеятельности в регионах России по возрастным группам населения. Цифровые практики потребления можно определить как практики потребления, реализуемые посредством цифровых технологий [18, с. 264; 29]. Такой подход позволит выявить наличие цифрового разрыва в процессах реализации повседневных практик, в частности когда цифровые технологии становятся все более значимым элементом потребления, например в системах совместного потребления [17]. Возникают этические противоречия в условиях цифровизации производителя и потребителя на основе асимметрии доступности информации и логистики финансовых и материальных потоков [21].

Актуальность и значимость данного исследования обусловлены необходимостью рассмотрения цифровизации потребления, которая оказывает влияние на качество жизни человека, способствует осуществлению стратегии целевого маркетинга и в целом принятию «управленческих решений по использованию информационных технологий на всех уровнях власти, что позволит снизить дифференциацию в развитии российских регионов» [4, с. 2]. Цель статьи заключается в анализе процессов цифровизации потребления населения в разрезе регионов России.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Анализ цифровизации реализуемых человеком практик потребления основывается на индексном подходе, что позволяет провести сопоставление по регионам России в разных возрастных группах.

Предлагаемый авторами расчет индекса цифровизации практик потребления включает индикаторы, характеризующие процессы цифровизации, в том числе инструменты анализа индекса цифровизации отраслей экономики и социальной сферы, индекса цифрового развития субъектов Российской Федерации, индекса «Цифровая Россия».

Анализ проводился с использованием данных Комплексного наблюдения условий жизни населения за 2022 г. (КОУЖ-2022)⁴. Социологический подход в экономике применяется в связи с исследованием мотивов и ценностей потребителей в условиях цифровизации [30; 31]. Названный источник был выбран по соответствию следующим условиям: данные находятся в открытом доступе; представлены все регионы России; имеются микроданные для проведения расчетов индекса; есть возможность декомпозиции по региону и возрасту потребителей в разрезе всех российских регионов. Однако ограничением для расчетов в работе является использование данных КОУЖ, которые не учитывают показатели потребления цифровых продуктов, т.е. новые формы потребления товаров и услуг в виртуальном мире.

Индекс включает пять субиндексов с индикаторами по основным группам элементов: 1) медицинские услуги и услуги социальных организаций; 2) потребление товаров и услуг; 3) цифровые коммуникации; 4) образование; 5) окружающая среда. Субиндексы 1–4 отражают основные сферы жизнедеятельности человека (здоровье, потребление, общение и личностное развитие) в пространственном контексте, который учитывается в отдельном субиндексе 5, где собраны средовые факторы, обуславливающие процессы потребления и потребности в цифровизации социальных практик.

Подробная структура индекса и метод его расчета представлены в табл. 1.

Процедура свертки показателей в агрегированный индекс стандартная:

⁴ См.: *Комплексное наблюдение условий жизни населения. 2022.* – URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html (дата обращения: 15.08.2024).

Таблица 1

**Структура индекса цифровизации практик потребления,
% от общего числа ответов респондентов**

Показатель	Весовой коэффициент <i>ij</i>	Весовой коэффициент группы <i>j</i>
<i>1. Медицинские услуги и услуги социальных организаций</i>		
1.1. Онлайн-консультации с врачом, доля обращений за консультацией медицинских работников без посещения медорганизации	0,400	0,2
1.2. Использование Интернета для обращения в Пенсионный фонд	0,150	
1.3. Использование Интернета для обращения в органы социальной защиты населения	0,150	
1.4. Использование Интернета для обращения в отделение Фонда социального страхования	0,150	
1.5. Использование Интернета для получения информации, оформления документов на сайтах органов государственной власти	0,150	
<i>2. Потребление товаров и услуг</i>		
2.1. Использование Интернета/почты для покупки продуктов питания, средств личной гигиены – доля ответивших «да, постоянно» и «да, в отдельных случаях»	0,200	0,3
2.2. Использование Интернета/почты для покупки одежды/обуви – доля ответивших «да, постоянно» и «да, в отдельных случаях»	0,150	
2.3. Использование Интернета/почты для покупки бытовой техники – доля ответивших «да, постоянно» и «да, в отдельных случаях»	0,100	
2.4. Использование Интернета для поиска/заказа товаров/услуг, продажи личных вещей	0,100	
2.5. Использование Интернета для осуществления финансовых операций	0,200	
2.6. Использование Интернета для скачивания фильмов, музыки, игр и др.	0,100	
2.7. Использование Интернета для прочтения новостной информации	0,150	

Продолжение табл. 1

Показатель	Весовой коэффициент <i>ij</i>	Весовой коэффициент группы <i>j</i>
<i>3. Цифровые коммуникации</i>		
3.1. Использование компьютерной техники на основной работе хотя бы один раз в неделю – доля ответивших «да»	0,250	0,2
3.2. Использование Интернета для выполнения оплачиваемой работы	0,250	
3.3. Использование Интернета для поиска вакансий, клиентов, для рассылки информации	0,175	
3.4. Использование Интернета для общения в социальных сетях	0,250	
3.5. Использование Интернета для обсуждения социальных и политических вопросов	0,075	
<i>4. Образование</i>		
4.1. Удельный вес респондентов, изучающих компьютерные программы, Интернет-сервисы для повышения компьютерной грамотности	0,310	0,2
4.2. Удельный вес респондентов, использующих Интернет для дистанционного обучения	0,240	
4.3. Удельный вес респондентов, использующих размещенные в Интернете электронные библиотеки, энциклопедии, виртуальные экскурсии и др.	0,140	
4.4. Удельный вес респондентов, применяющих новые информационные технологии (по месту работы, в интересах собственного дела)	0,310	
<i>5. Окружающая среда</i>		
5.1. Недоступность государственных и муниципальных услуг в сфере медицинского обслуживания в населенном пункте – доля ответивших «нет»	0,200	
5.2. Недоступность государственных и муниципальных услуг в сфере оформления документов по запросам населения – доля ответивших «нет»	0,200	
5.3. Большая отдаленность торговых точек в населенном пункте – доля ответивших «нет»	0,200	

Окончание табл. 1

Показатель	Весовой коэффициент p_{ij}	Весовой коэффициент группы j
5.4. Большая отдаленность аптек в населенном пункте – доля ответивших «нет»	0,200	0,1
5.5. Большая отдаленность учреждений культуры в населенном пункте – доля ответивших «нет»	0,030	
5.6. Большая отдаленность мест проведения отдыха и досуга в населенном пункте – доля ответивших «нет»	0,040	
5.7. Большая отдаленность объектов для занятий физкультурой и спортом в населенном пункте – доля ответивших «нет»	0,030	
5.8. Плохая организация жилищно-коммунальных служб в населенном пункте – доля ответивших «нет»	0,050	
5.9. Плохая организация работы общественного транспорта – доля ответивших «нет»	0,050	

Примечание: нормирующее значение p_{ij} равно во всех случаях 100.

Источник: рассчитано авторами.

$$I_j = \sum_{i \in j} I_{ij} \cdot p_{ij}, \quad (1)$$

где I_j – подындекс подгруппы j ; p_{ij} – весовой коэффициент подгруппы j ;

$$I_{ij} = x_{ij} \cdot p_{ij}, \quad (2)$$

где x_{ij} – нормированное значение показателя i группы j ; p_{ij} – весовой коэффициент при показателе i группы j ;

$$x_{ij} = \frac{y_{ij}}{p_{ij}}, \quad (3)$$

где y_{ij} – исходное значение показателя i группы j ; p_{ij} – нормирующий коэффициент при показателе i группы j .

Весовые коэффициенты p_{ij} и p_j были определены экспертным методом Дельфи, в рамках которого проведен индивидуальный опрос

экспертов⁵ в форме онлайн-анкет с целью оценки наиболее значимых показателей в каждой группе. Далее обработанные результаты сообщались экспертам для возможной корректировки при необходимости [8]. Наибольший весовой коэффициент в индексе отведен субиндексу «потребление товаров и услуг», что в целом не противоречит базовым потребностям и текущим тенденциям цифровизации сфер жизнедеятельности [9; 23].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Индекс цифровизации практик потребления рассчитан для регионов России в возрастных категориях 15–54 года и 55 лет и старше с целью апробации предлагаемого подхода (табл. 2). Как видно из табл. 2, наибольшие значения индекса для старшей возрастной группы зафиксированы в Чукотском АО (0,342), г. Санкт-Петербурге (0,261) и Ямало-Ненецком АО (0,246), наименьшие значения для данной возрастной группы – в Забайкальском крае (0,149) и Орловской области (0,135). В регионах – лидерах в данной возрастной группе наибольший вклад в значение индекса вносят субиндекс «потребление товаров и услуг», на втором месте – «окружающая среда», а в регионах с наименьшим показателем субиндекс «окружающая среда» на первом месте.

Наибольшие значения индекса для возрастной группы 15–54 года отмечены в г. Санкт-Петербурге (0,426), г. Москве (0,420) и Чукотском АО (0,403), наименьшие – в Чеченской Республике (0,242) и Забайкальском крае (0,241). Наибольший вклад в индекс для данной возрастной группы в регионах-лидерах вносят субиндексы «потребление товаров и услуг» и «цифровые коммуникации».

Таким образом, высокие показатели индекса цифровизации практик потребления в обеих возрастных группах зафиксированы в Чукот-

⁵ В качестве экспертов привлекались сотрудники МНОЛ ТУБПЛ НИ ТПУ, в том числе имеющие опыт расчета Active Ageing Index (AAI) для России и участвовавшие в международных семинарах UNECE в 2014–2018 гг., а также сотрудники, разрабатывавшие методику расчета индекса благополучия старшего поколения REWI.

Таблица 2

Расположение регионов по общему значению индекса цифровизации практик потребления (в порядке убывания значения)

№ п/п	Регион	Индекс для возрастной группы 15–54 года	Регион	Индекс для возрастной группы 55 лет и старше
1	г. Санкт-Петербург	0,426	Чукотский АО	0,342
2	г. Москва	0,420	г. Санкт-Петербург	0,261
3	Чукотский АО	0,403	г. Москва	0,252
4	Московская обл.	0,390	Ханты-Мансийский АО	0,246
5	г. Севастополь	0,376	Камчатский край	0,245
6	Ханты-Мансийский АО	0,374	Калининградская обл.	0,230
7	Ленинградская обл.	0,366	Сахалинская обл.	0,227
8	Калининградская обл.	0,365	Московская обл.	0,225
9	Республика Татарстан	0,362	г. Севастополь	0,223
10	Хабаровский край	0,360	Республика Калмыкия	0,221
...				
30	Томская обл.	0,338	Томская обл.	0,190
...				
84	Чеченская Республика	0,242	Забайкальский край	0,149
85	Забайкальский край	0,241	Орловская обл.	0,135

Примечание: представлены данные по субъектам РФ, вошедшим в обследование КОУЖ-2022.

Источник: составлено авторами на основе расчетов.

ском АО и г. Санкт-Петербурге, а наименьшие показатели характерны для Забайкальского края. Стоит отметить, что для регионов, занимающих лидирующие позиции, характерны и высокие показатели развития цифровой среды, финансового состояния территорий [5].

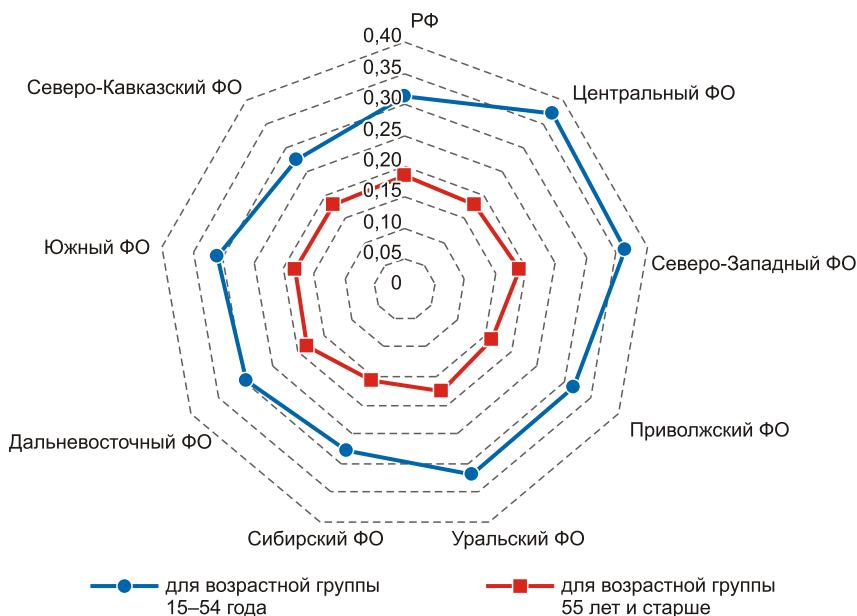

Рис. 1. Индекс цифровизации практик потребления для федеральных округов РФ

Источник: составлено авторами на основе расчетов

Сопоставление значений индекса по федеральным округам и регионам показывает наличие цифрового разрыва (рис. 1 и 2). Наибольшая разница в значении индекса между разными возрастными группами отмечается в Нижегородской области и Республике Татарстан (0,187 и 0,178 соответственно). Наименьшее различие в значении индекса для разных возрастных групп – в Чеченской Республике (0,057), Чукотском АО (0,060, при условии высоких значений индекса в обеих группах), Республике Дагестан (0,074) и Кабардино-Балкарской Республике (0,078). В разрезе федеральных округов наибольшая разница между возрастными группами зафиксирована в Центральном и Северо-Западном федеральных округах (0,196 и 0,174 соответственно).

Дополнительная апробация предлагаемого подхода проведена для более широкого ряда возрастных групп (15–24 года, 25–44 года,

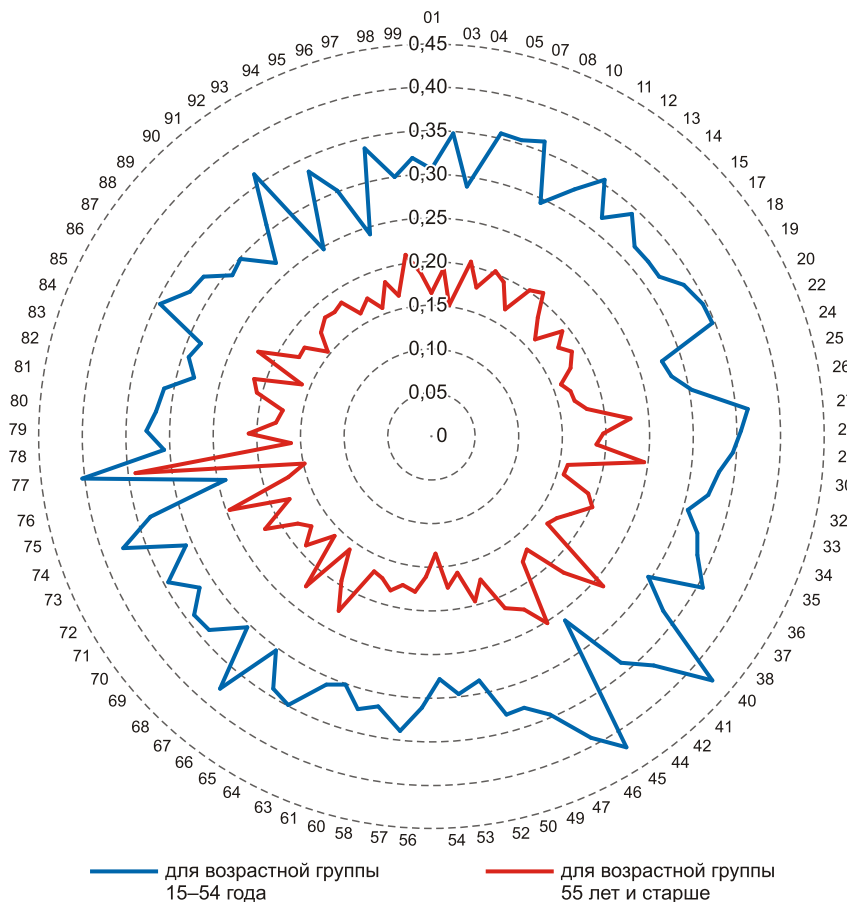

Рис. 2. Индекс цифровизации практик потребления по регионам

Примечание: номер региона соответствует коду субъекта РФ по ОКATO

Источник: составлено авторами на основе расчетов

01 – Алтайский край, 03 – Краснодарский край, 04 – Красноярский край, 05 – Приморский край, 07 – Ставропольский край, 08 – Хабаровский край, 10 – Амурская обл., 11 – Архангельская обл., 12 – Астраханская обл., 13 – Ненецкий АО, 14 – Белгородская обл., 15 – Брянская обл., 17 – Владимирская обл., 18 – Волгоградская обл., 19 – Вологодская обл., 20 – Воронежская обл., 22 – Нижегородская обл., 24 – Ивановская обл., 25 – Иркутская обл., 26 – Республика Ингушетия, 27 – Калининградская обл., 28 – Тверская

Окончание рис. 2

обл., 29 – Калужская обл., 30 – Камчатский край, 32 – Кемеровская обл. – Кузбасс, 33 – Кировская обл., 34 – Костромская обл., 35 – Республика Крым, 36 – Самарская обл., 37 – Курганская обл., 38 – Курская обл., 40 – г. Санкт-Петербург, 41 – Ленинградская обл., 42 – Липецкая обл., 44 – Магаданская обл., 45 – г. Москва, 46 – Московская обл., 47 – Мурманская обл., 49 – Новгородская обл., 50 – Новосибирская обл., 52 – Омская обл., 53 – Оренбургская обл., 54 – Орловская обл., 56 – Пензенская обл., 57 – Пермский край, 58 – Псковская обл., 60 – Ростовская обл., 61 – Рязанская обл., 63 – Саратовская обл., 64 – Сахалинская обл., 65 – Свердловская обл., 66 – Смоленская обл., 67 – г. Севастополь, 68 – Тамбовская обл., 69 – Томская обл., 70 – Тульская обл., 71 – Тюменская обл., 72 – Ямало-Ненецкий АО, 73 – Ульяновская обл., 74 – Ханты-Мансийский АО, 75 – Челябинская обл., 76 – Забайкальский край, 77 – Чукотский АО, 78 – Ярославская обл., 79 – Республика Адыгея, 80 – Республика Башкортостан, 81 – Республика Бурятия, 82 – Республика Дагестан, 83 – Кабардино-Балкарская Республика, 84 – Республика Алтай, 85 – Республика Калмыкия, 86 – Республика Карелия, 87 – Республика Коми, 88 – Республика Марий Эл, 89 – Республика Мордовия, 90 – Республика Северная Осетия – Алания, 91 – Карачаево-Черкесская Республика, 92 – Республика Татарстан, 93 – Республика Тыва, 94 – Удмуртская Республика, 95 – Республика Хакасия, 96 – Чеченская Республика, 97 – Чувашская Республика, 98 – Республика Саха (Якутия), 99 – Еврейская авт. обл.

45–59 лет, 60–74 года, 75 и более лет), что позволило выявить особенности более молодых и более старших возрастных когорт (рис. 3).

Следует отметить, что первые три возрастные группы имеют малые различия в значениях индекса, так же как и группы 60–74 года и 75 и более лет, но между двумя совокупностями групп разрыв более значительный, что дает возможность далее в статье визуализировать и представлять результаты анализа для двух укрупненных возрастных групп.

Наибольшую долю в индексе для старшего поколения составляют индикаторы следующих групп элементов: медицинские услуги и услуги социальных организаций; потребление товаров и услуг (рис. 4). Наименьшие значения по субиндексу «медицинские услуги и услуги социальных организаций» отмечаются в Чеченской Республике и Кировской области, а наибольшее – в Астраханской области. По показателям цифровизации потребления товаров и услуг лидерами являются Чукотский АО и г. Москва, наименьшие значения показателей – в Чеченской Республике и Республике Ингушетии. По индикатору

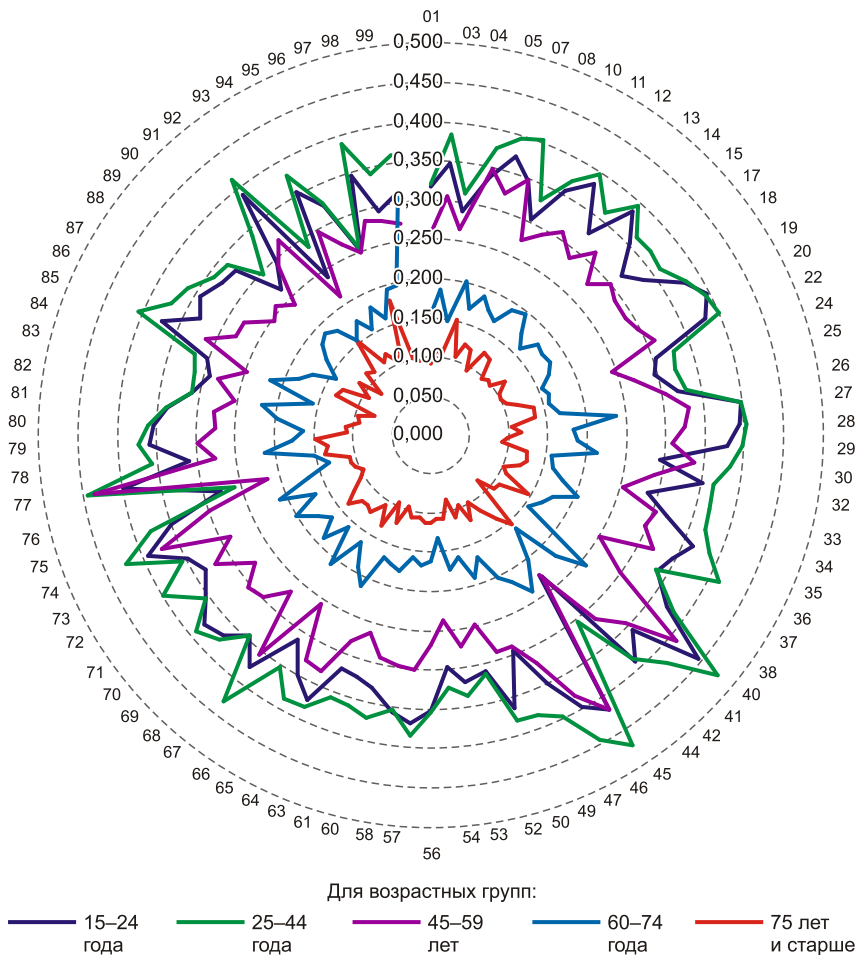

Рис. 3. Индекс цифровизации практик потребления по регионам РФ

Примечание: номер региона соответствует коду субъекта РФ по ОКATO, расшифровку см. в подписи к рис. 2

Источник: составлено авторами на основе расчетов

«цифровые коммуникации» наибольшее значение зафиксировано в Камчатском крае, а наименьшее – в Республике Ингушетии.

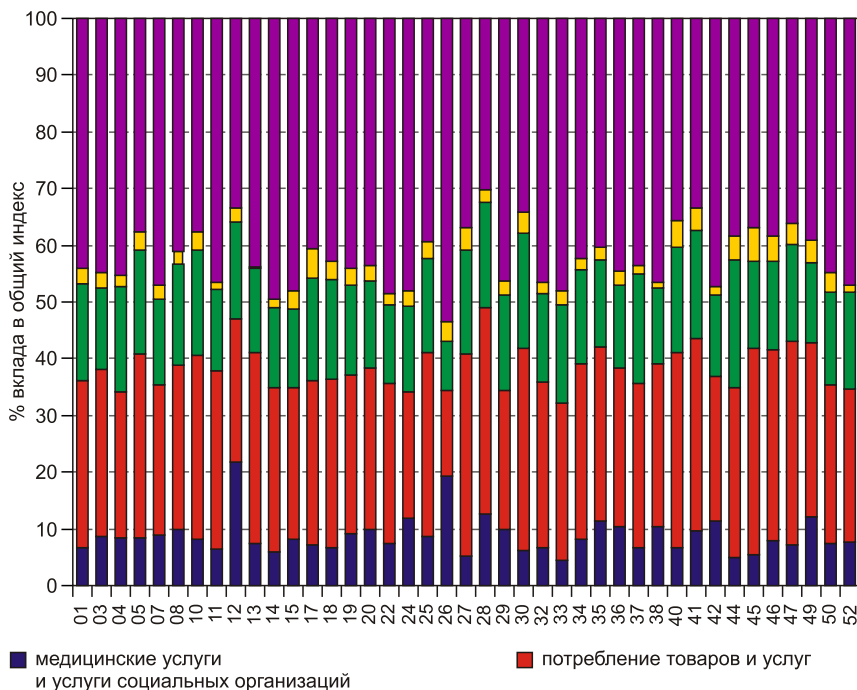
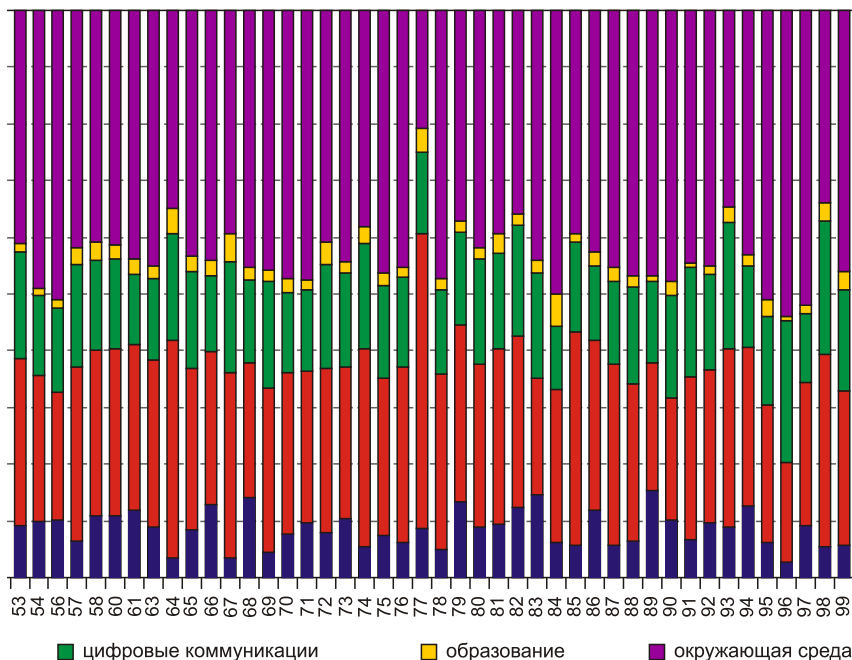

Рис. 4. Субиндексы по сферам жизнедеятельности в субъектах РФ для

Источник: составлено авторами

Для возрастной группы 15–54 года наибольшую долю в индексе составляет субиндекс «потребление товаров и услуг» (рис. 5). По данному показателю лидерами являются г. Санкт-Петербург и г. Москва, наименьшее значение – в Чеченской Республике. Город Санкт-Петербург лидирует также по показателю «цифровые коммуникации», а наименьшее значение этого показателя отмечается в Магаданской области.

Сопоставляя значения по каждому субиндексу (табл. 3), можно выделить регионы-лидеры и регионы-аутсайдеры по каждому направлению реализации практик потребления в условиях цифровизации процессов. Видно, что лидерство по совокупному индексу цифро-

возрастной группы 55 лет и старше, расшифровку см. в подписи к рис. 2 на основе расчетов

визации практик потребления регионам топ-3 – г. Москве, г. Санкт-Петербургу и Чукотскому АО обеспечивает вклад субиндексов «цифровые коммуникации», «образование» и «потребление товаров и услуг». Но если посмотреть по субиндексам «здоровье» и «окружающая среда», то список лидеров поменяется: Чеченская Республика, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика и другие регионы оказываются выше. Орловская область и Забайкальский край находятся на нижних строчках рейтинга по индексу цифровизации практик потребления, в основном за счет низкого уровня цифровых коммуникаций, окружающей инфраструктуры и общего низкого уровня потребления в регионах.

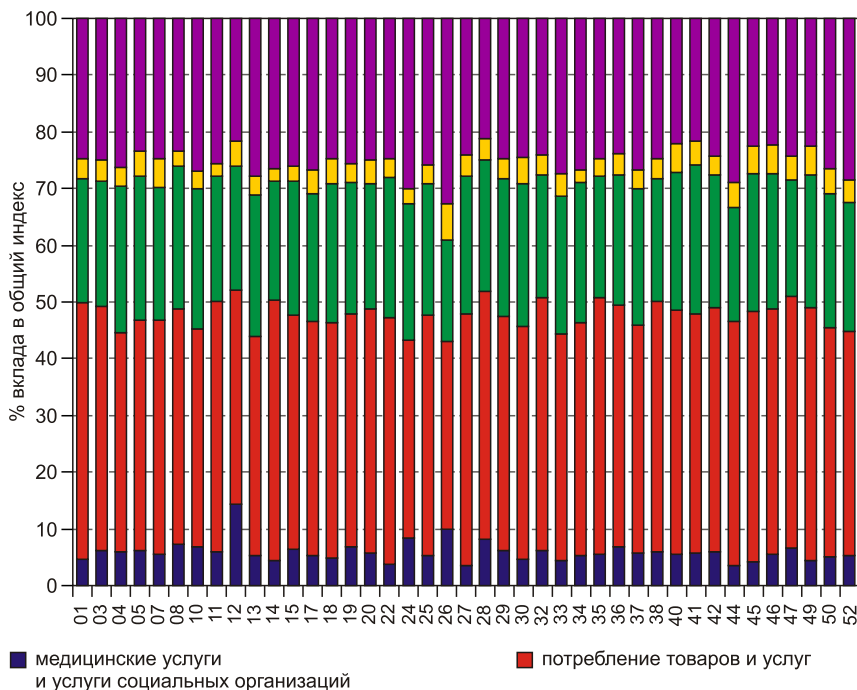
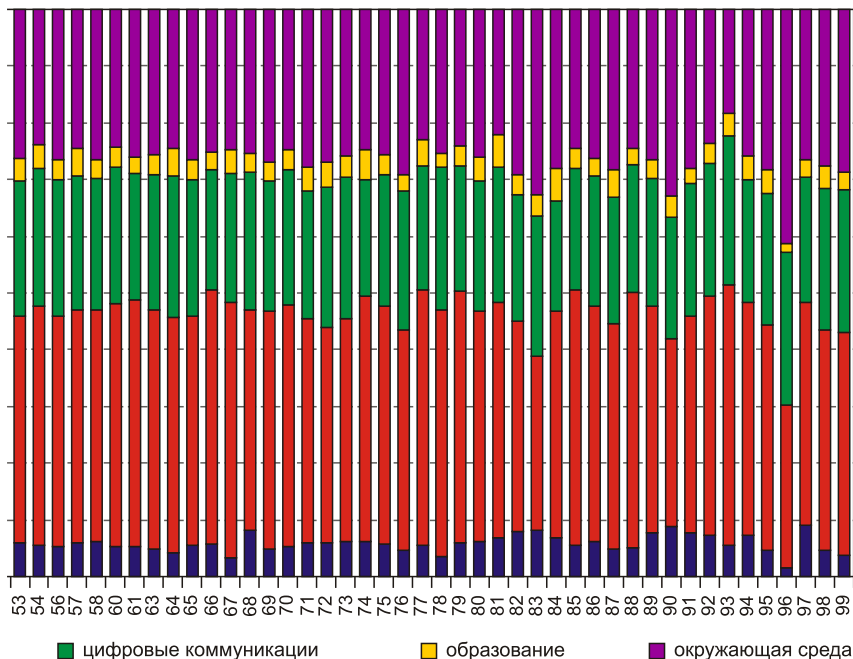

Рис. 5. Субиндексы по сферам жизнедеятельности в субъектах РФ для

Источник: составлено авторами

Как отмечают исследователи [11; 15], факторами масштабов региональных различий в цифровизации являются доступ к цифровым технологиям, компьютерная грамотность населения, приобретенные преимущества. Например, в Чукотском АО выявляется высокий уровень развития цифровых навыков у жителей, несмотря на относительно низкий уровень развития цифровой инфраструктуры, что в контексте цифровых практик потребления не является критичным фактором, если исходить из данных анализа [26]. Стоит отметить, что в Чукотском АО реализуется федеральный проект, направленный на сглаживание межрегиональных различий в доступе к информационной инфраструктуре [24].

возрастной группы 15–54 года, расшифровку см. в подписи к рис. 2 на основе расчетов

В республиках Северного Кавказа, прослеживаются низкий уровень развития инфраструктуры, низкий уровень компьютерной грамотности населения и наиболее низкие показатели цифровизации практик потребления как следствие региональных диспропорций [26].

Город Москва является в некоторых исследованиях объектом для выделения лучших практик цифровой модернизации для последующей репликации в других регионах, например в Пермском крае [16].

Среди федеральных округов первое место по цифровизации занимает Уральский федеральный округ, далее идут Центральный и Приволжский округа, на последнем месте Северо-Кавказский округ, а чуть выше находятся Южный и Дальневосточный округа (разрыв составляет более 1,7 раза) [2].

Таблица 3

Сопоставление значений субиндексов в регионах-лидерах и регионах-аутсайдерах (топ-3)

Субиндекс	Лидеры (топ-3)				Аутсайдеры (топ-3)			
	Регион	Значение для возрастной группы 15–54 года	Регион	Значение для возрастной группы 55 лет и старше	Регион	Значение для возрастной группы 15–54 года	Регион	Значение для возрастной группы 55 лет и старше
Медицинские услуги и услуги социальных организаций	Астраханская обл.	0,256	Астраханская обл.	0,219	Ярославская обл.	0,054	Сахалинская обл.	0,039
	Чувашская Республика	0,153	Республика Ингушетия	0,175	Магаданская обл.	0,045	Кировская обл.	0,036
	Республика Ингушетия	0,149	Кабардино-Балкарская Республика	0,157	Чеченская Республика	0,019	Чеченская Республика	0,025
Потребление товаров и услуг	г. Москва	0,619	Чукотский АО	0,593	Кабардино-Балкарская Республика	0,299	Орловская обл.	0,116
	г. Санкт-Петербург	0,612	г. Москва	0,305	Республика Северная Осетия – Алания	0,294	Чеченская Республика	0,109
	Чукотский АО	0,607	г. Санкт-Петербург	0,298	Чеченская Республика	0,230	Республика Ингушетия	0,092

Окончание табл. 3

Субиндекс	Лидеры (топ-3)				Аутсайдеры (топ-3)			
	Регион	Значение для возрастной группы 15–54 года	Регион	Значение для возрастной группы 55 лет и старше	Регион	Значение для возрастной группы 15–54 года	Регион	Значение для возрастной группы 55 лет и старше
Цифровые коммуни-кации	г. Санкт-Петербург	0,520	Камчатский край	0,248	Республика Алтай	0,278	Орловская обл.	0,094
	г. Москва	0,509	Республика Саха (Якутия)	0,245	Республика Ингушетия	0,270	Республика Алтай	0,089
	Ленинградская обл.	0,478	Чукотский АО	0,244	Магаданская обл.	0,263	Республика Ингушетия	0,079
Образова-ние	г. Москва	0,105	г. Москва	0,075	Костромская обл.	0,035	Курская обл.	0,008
	г. Санкт-Петербург	0,104	Чукотский АО	0,072	Забайкальский край	0,034	Чеченская Республика	0,007
	Московская обл.	0,100	г. Санкт-Петербург	0,062	Чеченская Республика	0,020	Ненецкий АО	0,003
Окружаю-щая среда	Чеченская Республика	0,997	Чеченская Республика	0,999	Республика Бурятия	0,683	Орловская обл.	0,662
	Республика Ингушетия	0,985	Республика Ингушетия	0,972	Орловская обл.	0,666	Тверская обл.	0,593
	Кабардино-Балкарская Республика	0,953	Кабардино-Балкарская Республика	0,943	Республика Тыва	0,452	Республика Тыва	0,565

Источник: составлено авторами.

Факторы цифрового неравенства регионов России оказывают существенное влияние на распространение цифровых практик потребления, причем наличие соответствующей инфраструктуры имеет меньшее значение по сравнению с цифровыми навыками и компетенциями.

Таким образом, выявленные региональные и возрастные различия в цифровых практиках определяются как экономическими факторами (экономическое развитие региона), так и инфраструктурными (доступность инфраструктуры для участия в цифровых потребительских практиках: низкие качество и скорость интернета могут существенно ограничивать возможности пользователей, особенно в отдаленных и сельских районах). Социальная структура и уровень образования населения также влияют на включенность в цифровые практики. Молодежь, как правило, более активно использует цифровые технологии, тогда как пожилые люди могут сталкиваться с трудностями в освоении новых платформ и сервисов. Образование играет важную роль в формировании навыков, необходимых для эффективного использования цифровых ресурсов. Культурные установки и традиции также оказывают влияние на восприятие и использование цифровых технологий. В некоторых регионах может наблюдаться настороженность к новым технологиям, что особенно характерно для старшего поколения. В то же время молодежь, выросшая в условиях цифровизации, проявляет большую открытость к новым формам потребления. Также стоит отметить, что у разных возрастных групп различается потребность в практиках потребления, например в группе 25–44 года задействовано большее количество практик (образование, работа, социальные услуги, коммуникации и т.д.), что может влиять на итоговые показатели востребованности цифровых практик потребления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процессы цифровизации экономики охватывают всю социально-экономическую систему, формируя новые цифровые практики потребления. Большинство подходов к оценке цифровизации в разрезе регионов учитывают доступ к необходимой инфраструктуре, но не позволяют в полной мере ответить на вопрос о включенности

населения в цифровые практики потребления с учетом возрастных особенностей, уровня образования и цифровых навыков, здоровья и других факторов. Полученные в ходе проведенного исследования результаты дают возможность увидеть различия в цифровизации практик потребления в регионах России по ключевым сферам жизнедеятельности: медицинским услугам и услугам социальных организаций, потреблению товаров и услуг, цифровым коммуникациям, образованию в условиях социального контекста и окружающей среды в разрезе регионов России. Ограничением данного исследования является набор индикаторов КОУЖ-2022, которые включены в расчет по субиндексам. Тем не менее можно говорить о том, что цифровизация практик потребления в российских регионах происходит неравномерно. Регионы-лидеры в этом процессе в целом больше потребляют и имеют более развитую цифровую инфраструктуру, у их населения более высокий уровень образования. Население регионов, менее вовлеченное в цифровые практики потребления, характеризуется более низким уровнем образования и цифровой культуры общения. В регионах с недостаточно развитыми цифровыми практиками потребления отмечается более низкий уровень инфраструктуры, организации ЖКХ, транспорта, доступности госуслуг, аптек, магазинов. Следовательно, у регионов с низким уровнем цифровизации существует реальная потребность в развитии цифровых практик потребления для повышения доступности товаров и услуг на региональном уровне.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10065, <https://rscf.ru/project/24-78-10065/>

Список источников

1. Акулова П.Е., Тонких Н.В. Социально-демографические эффекты цифровизации занятости // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2023. – № 73. – С. 174–185. DOI: 10.17223/1998863X/73/15.
2. Александрова Т.В. Цифровое неравенство регионов России: причины, оценка, способы преодоления // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2019. – № 8. – С. 9–12. DOI: 10.24411/2411-0450-2019-11101.

3. *Беляцкая Т.Н., Князькова В.С.* Цифровой разрыв в современном информационном обществе // Экономическая наука сегодня. – 2019. – № 10. – С. 209–217.
4. *Боровских Н.В.* Вовлеченность населения в цифровое пространство: тенденции и перспективы развития // Концепт. – 2022. – № 9. DOI: 10.24412/2304-120X-2022-13009. – URL: <http://e-koncept.ru/2022/223009.htm>. (дата обращения: 11.08.2024).
5. *Волкова Н.Н., Романюк Э.И.* Развитие цифровой среды российских регионов // Проблемы развития территории. – 2019. – № 5 (103). – С. 38–52. DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.2.
6. *Воронкевич А.Б.* Изменение особенностей потребительского поведения на рынке товаров массового потребления под влиянием цифровизации в России // Практический маркетинг. – 2020. – № 7 (281). – С. 10–18. DOI: 10.24411/2071-3762-2020-10033.
7. *Горскина Л.С., Пропп О.В.* Развитие цифровой экономики в России // Вопросы инновационной экономики. – 2019. – Т. 9, № 2. – С. 275–286. DOI: 10.18334/vines.9.2.40778.
8. *Данелян Т.Я.* Формальные методы экспертных оценок // Статистика и экономика. – 2015. – № 1. – С. 183–187.
9. *Дорошенко С.В., Макарова М.Н.* Оценка адаптации населения регионов России к цифровым технологиям // Экономика региона. – 2022. – Т. 18, № 1. – С. 296–310. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-1-21.
10. *Измайлов М.К.* Цифровые неравенства: проблемы доступа и включения в цифровую экономику // Вестник Института экономических исследований. – 2023. – № 3 (31). – С. 120–132.
11. *Капелюк С.Д., Карелин И.Н.* Спрос на цифровые навыки в России: региональные различия // Пространственная экономика. – 2023. – Т. 19, № 1. – С. 76–98.
12. *Литвинцева Г.П., Шмаков А.В., Стукаленко Е.А., Петров С.П.* Оценка цифровой составляющей качества жизни населения в регионах Российской Федерации // Terra Economicus. – 2019. – Т. 17, № 3. – С. 107–127. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-3-107-127.
13. *Лукьянова А.Л.* Цифровизация и гендерный разрыв в оплате труда // Экономическая политика. – 2021. – Т. 16, № 2. – С. 88–117. DOI: 10.18288/1994-5124-2021-2-88-117.
14. *Максимова О.А., Лаукарт-Горбачева О.В.* Информационно-сетевые ресурсы в повседневных практиках цифрового поколения: структура и особенности потребления // Вестник экономики, права и социологии. – 2018. – № 2. – С. 179–182.
15. *Меликян А.А.* Детерминанты цифрового неравенства на примере регионов России // Российский экономический журнал. – 2023. – № 1. – С. 60–79. DOI: 10.52210/0130-9757_2023_1_60.
16. *Немкин А.И.* Роль рейтингов в преодолении цифрового неравенства регионов России // Россия: общество, политика, история. – 2022. – № 5 (5). – С. 22–29. DOI: 10.56654/ROPI-2022-5(5)-22-29.

17. *Плотников В.А., Анисимова Я.А.* Экономика совместного потребления vs традиционные индустрии // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2022. – Т. 238, № 6. – С. 249–267. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-238-6-249-267.
18. *Поклад Е.А.* Развитие цифровых компетенций населения Беларуси в условиях распространения цифрового потребления // Социологический альманах. – 2022. – № 13. – С. 260–268.
19. *Прохорова М.М.* Исследование динамики цифровой экономики в Российской Федерации // Инновации и инвестиции. – 2023. – № 6. – С. 414–416.
20. *Ревенко Л.С., Ревенко Н.С.* Цифровой разрыв и цифровое неравенство в продовольственных системах мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Международные отношения. – 2022. – Т. 22, № 2. – С. 372–384. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-2-372-384.
21. *Рябова Е.Ю.* Концепция этичного потребления в условиях цифровизации // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2024. – № 1 (41). – С. 159–164. DOI: 10.24151/2409-1073-2024-1-159-164.
22. *Садырtdинов П.Р.* Уровень цифровизации регионов России // Вестник Челябинского государственного университета. – 2020. – № 10 (444). – С. 230–235. DOI: 10.47475/1994-2796-2020-11029.
23. *Скворцова Е.Е.* Взаимосвязь цифровизации и качества жизни: измерение и интерпретация // Народонаселение. – 2021. – Т. 24, № 2. – С. 66–75. DOI: 10.19181/population.2021.24.2.6.
24. *Смирнов С.Н.* Цифровизация в российских домохозяйствах: региональные различия // Социально-трудовые исследования. – 2023. – № 2 (51). – С. 100–108.
25. *Толстухина Е.И., Демченко С.К., Подопригора В.Г., Александров Ю.Л.* Цифровая трансформация и ее влияние на потребителей // Инновации и инвестиции. – 2022. – № 3. – С. 11–15.
26. *Черешня О.Ю., Грибок М.В.* Комплексная оценка цифрового неравенства в регионах России // ИнтерКарто. ИнтерГИС. – 2023. – Т. 29, № 1. – С. 143–157. DOI: 10.35595/2414-9179-2023-1-29-143-157.
27. *Шабанова М.А.* Новые потребительские практики в условиях цифровизации гражданского общества: результаты эмпирического исследования в России (статья 2) // Социологические исследования. – 2020. – № 12. – С. 3–17. DOI: 10.31857/S013216250010205-8.
28. *Bukht R., Heeks R.* Defining conceptualising and measuring the digital economy // International Organizations Research Journal. – 2018. – Vol. 13, No. 2. – P. 143–172. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-02-07.
29. *Cochoy F. et al.* Digitalizing consumer society: equipment and devices of digital consumption // Journal of Cultural Economy. – 2020. – Vol. 13, No. 1. – P. 1–11.
30. *Warde A.* Consumption and theories of practice // Journal of Consumer Culture. – 2005. – Vol. 5, No. 2. – P. 131–153. DOI: 10.1177/1469540505053090.
31. *Warde A.* The sociology of consumption: Its recent development // Annual Review of Sociology. – 2015. – Vol. 41, No. 1. – P. 117–134.

Информация об авторах

Кашапова Эльмира Рамисовна (Россия, Томск) – старший преподаватель Отделения экономики и организации производства Бизнес-школы Национального исследовательского Томского политехнического университета (634050, Томск, просп. Ленина, 30). E-mail: elmira@tpu.ru.

Клемашева Елена Игоревна (Россия, Томск) – кандидат экономических наук, доцент Отделения экономики и организации производства Бизнес-школы Национального исследовательского Томского политехнического университета (634050, Томск, просп. Ленина, 30). E-mail: eik15@tpu.ru.

Маланина Вероника Анатольевна (Россия, Томск) – кандидат экономических наук, доцент Отделения экономики и организации производства Бизнес-школы Национального исследовательского Томского политехнического университета (634050, Томск, просп. Ленина, 30). E-mail: malanina@tpu.ru.

Рождественская Елена Михайловна (Россия, Томск) – кандидат экономических наук, доцент Отделения экономики и организации производства Бизнес-школы Национального исследовательского Томского политехнического университета (634050, Томск, просп. Ленина, 30). E-mail: elena.rojdestvenskaya@gmail.com.

DOI: 10.15372/REG20250203

Region: Economics & Sociology, 2025, No. 2 (126), p. 53–83

**E.R. Kashapova, E.I. Klemasheva, V.A. Malanina,
E.M. Rozhdestvenskaya**

ANALYSIS OF DIGITAL CONSUMPTION PRACTICES IN RUSSIAN REGIONS BASED ON THE INDEX APPROACH

The study aims to provide an index assessment of the spread of digitalization of consumption practices among the Russian population in the re-

gional context. Most existing approaches to assessing digitalization take into account access to the necessary infrastructure, but do not comprehensively answer the question of the population's participation in digital consumption practices, taking into account age, level of education and digital skills, health and other factors. We suggested the design of the Digitalization Index of Consumption Practices, which includes relevant indicators organized into five sub-indices: medical services and services of social organizations; consumption of goods and services; digital communications; education; environment. The relative weights of the indicators and domains were determined using the expert assessment method. The highest weighting factor was assigned to the "consumption of goods and services" sub-index. The calculations of the index values were carried out using the data from the Comprehensive Monitoring of Living Conditions of the Population 2022 (CMLC-2022).

High rates of digitalization of consumption practices were found in presented age groups in the Chukotka Autonomous Okrug and St. Petersburg, and the lowest rates were calculated for the Zabaykalsky Krai. The largest gap in digitalization practices between the age groups under 55 and over 55 is observed in the Nizhny Novgorod Oblast and the Republic of Tatarstan (0.187 and 0.178, respectively); the smallest – in the Chechen Republic, Chukotka Autonomous Okrug, the Republic of Dagestan and the Kabardino-Balkarian Republic. In federal districts, the largest difference in age groups were found for the Central and Northwestern Federal Districts (0.196 and 0.174, respectively).

The revealed disparities in the development of digitalization of consumption practices across domains and ages may promote the focus of regional policy on identifying the reasons for the rareness of practices and reducing interregional differences in access to the necessary infrastructure, which corresponds to the level of research on regional digital inequality.

Keywords: digital environment; consumption; digital practices; spheres of life; Russian regions; age groups; digital inequality

For citation: *Kashapova, E.R., E.I. Klemasheva, V.A. Malanina & E.M. Rozhdestvenskaya. (2025). Analiz tsifrovyykh praktik potrebleniya v regionakh Rossii na osnove indeksnogo podkhoda [Analysis of digital consumption practices in Russian regions based on the index approach]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (126), 53–83. DOI: 10.15372/REG20250203.*

*The study was funded by a grant from the Russian Science Foundation
No. 24-78-10065, <https://rscf.ru/project/24-78-10065/>*

References

1. *Akulova, P.E., N.V. Tonkikh.* (2023). Sotsialno-demograficheskie efekty tsifrovizatsii zanyatosti [Socio-demographic effects of employment digitalization]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science], 73, 174–185. DOI: 10.17223/1998863X/73/15.
2. *Aleksandrova, T.V.* (2019). Tsifrovoe neravenstvo regionov Rossii: prichiny, otsenka, sposoby preodoleniya [Digital divide of regions of Russia: causes, score, ways of overcoming]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika* [Economics and Business: Theory and Practice], 8, 9–12. DOI: 10.24411/2411-0450-2019-11101.
3. *Belyatskaya, T.N. & V.S. Knyazkova.* (2019). Tsifrovoy razryv v sovremennom informatsionnom obshchestve [Digital gap in modern information society]. *Ekonomicheskaya nauka segodnya* [Economic Science Today], 10, 209–217.
4. *Borovskikh, N.V.* (2022). Vovlechnost naseleniya v tsifrovoye prostranstvo: tendentsii i perspektivy razvitiya [Involvement of the population in the digital space: trends and development prospects]. *Kontsept* [Concept], 9, 1. DOI: 10.24412/2304-120X-2022-13009. Available at: <http://e-koncept.ru/2022/223009.htm> (date of access: 11.08.2024).
5. *Volkova, N.N. & E.I. Romanyuk.* (2019). Razvitie tsifrovoy sredy rossiyskikh regionov [Digital environment development in Russian regions]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory Development], 5 (103), 38–52. DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.2.
6. *Voronkevich, A.B.* (2020). Izmenenie osobennostey potrebitelskogo povedeniya na rynke tovarov massovogo potrebleniya pod vliyaniem tsifrovizatsii v Rossii [Changes in consumer behavior in the consumer goods market under the influence of digitalization in Russia]. *Prakticheskiy marketing* [Practical Marketing], 7 (281), 10–18. DOI: 10.24411/2071-3762-2020-10033.
7. *Gorskina, L.S. & O.V. Propp.* (2019). Razvitie tsifrovoy ekonomiki v Rossii [Digital economy development in Russia]. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki* [Innovative Economy Issues]. Vol. 9, No. 2, 275–286. DOI: 10.18334/vinec.9.2.40778.
8. *Danelyan, T.Ya.* (2015). Formalnye metody ekspertnykh otsenok [Formal methods of expert estimations]. *Statistika i ekonomika* [Statistics and Economics], 1, 183–187.
9. *Doroshenko, S.V. & M.N. Makarova.* (2022). Otsenka adaptatsii naseleniya regionov Rossii k tsifrovym tekhnologiyam [Assessing the adaptation of the population

of Russian regions to digital technologies]. *Ekonomika regiona [Regional Economics]*, Vol. 18, No. 1, 296–310. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-1-21.

10. *Izmaylov, M.K.* (2023). Tsifrovyye neravenstva: problemy dostupa i vlyucheniya v tsifrovuyu ekonomiku [Digital inequalities: challenges in access and inclusion in the digital economy]. *Vestnik Instituta ekonomicheskikh issledovaniy [Vestnik of the Institute of Economic Research]*, 3 (31), 120–132.

11. *Kapelyuk, S.D. & I.N. Karelin.* (2023). Spros na tsifrovyye navyki v Rossii: regionalnye razlichiya [Demand on digital skills in Russia: Regional differences]. *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics]*, Vol. 19, No. 1, 76–98.

12. *Litvintseva, G.P., A.V. Shmakov, E.A. Stukalenko & S.P. Petrov.* (2019). Otsenka tsifrovoy sostavlyayushchey kachestva zhizni naseleniya v regionakh Rossiyskoy Federatsii [Digital component of people's quality of life assessment in the regions of the Russian Federation]. *Terra Economicus*, Vol. 17, No. 3, 107–127. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-3-107-127.

13. *Lukyanova, A.L.* (2021). Tsifrovizatsiya i gendernyy razryv v oplate truda [Digitalization and the gender wage gap in Russia]. *Ekonomicheskaya politika [Economic Policy]*, Vol. 16, No. 2, 88–117. DOI: 10.18288/1994-5124-2021-2-88-117.

14. *Maksimova, O.A. & O.V. Laukart-Gorbacheva.* (2018). Informatsionno-setevyye resursy v povsednevnykh praktikakh tsifrovogo pokoleniya: struktura i osobennosti potrebleniya [Information and network resources in everyday practice of digital generation: structure and consumption features]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii [Bulletin of Economics, Law and Sociology]*, 2, 179–182.

15. *Melikyan, A.A.* (2023). Determinanty tsifrovogo neravenstva na primere regionov Rossii [Digital divide determinants through the example of the Russian regions]. *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal [Russian Economic Journal]*, 1, 60–79. DOI: 10.52210/0130-9757-2023-1-60.

16. *Nemkin, A.I.* (2022). Rol reytingov v preodolenii tsifrovogo neravenstva regionov Rossii [Role of ratings in overcome of digital inequality of Russian regions]. *Rossiya: obshchestvo, politika, istoriya [Russia: Society, Politics, History]*, 5 (5), 22–29. DOI: 10.56654/ROPI-2022-5(5)-22-29.

17. *Plotnikov, V.A. & Y.A. Anisimova.* (2022). Ekonomika sovmestnogo potrebleniya vs traditsionnye industrii [Sharing economy vs traditional industries]. *Nauchnye trudy Volnogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii [Scientific Proceedings of the Free Economic Society of Russia]*, Vol. 238, No. 6, 249–267. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-238-6-249-267.

18. *Poklad, E.A.* (2022). Razvitie tsifrovyykh kompetentsiy naseleniya Belarusi v usloviyakh rasprostraneniya tsifrovogo potrebleniya [Development of digital competencies of the Belarus population in the context of mass consumption]. *Sotsiologicheskii almanakh [Sociological Almanac]*, 13, 260–268.

19. *Prokhorova, M.M.* (2023). Issledovanie dinamiki tsifrovoy ekonomiki v Rossiyskoy Federatsii [Study of the dynamics of the digital economy in the Russian Federation]. *Innovatsii i investitsii* [Innovations and Investments], 6, 414–416.

20. *Revenko, L.S. & N.S. Revenko.* (2022). Tsifrovoy razryv i tsifrovoe neravenstvo v prodovolstvennykh sistemakh mira [Digital divide and digital inequality in global food systems]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations], Vol. 22, No. 2, 372–384. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-2-372-384.

21. *Ryabova, E.Yu.* (2024). Kontseptsiya etichnogo potrebleniya v usloviyakh tsifrovizatsii [The concept of ethical consumption in the context of digitalization]. *Ekonomicheskie i sotsialno-gumanitarnye issledovaniya* [Economic and Socio-Humanitarian Studies], 1 (41), 159–164. DOI: 10.24151/2409-1073-2024-1-159-164.

22. *Sadyrtidinov, R.R.* (2020). Uroven tsifrovizatsii regionov Rossii [The level of digitalization of the regions of Russia]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 10 (444), 230–235. DOI: 10.47475/1994-2796-2020-11029.

23. *Skvortsova, E.E.* (2021). Vzaimosvyaz tsifrovizatsii i kachestva zhizni: izmerenie i interpretatsiya [The relationship between digitalization and quality of life: measurement and interpretation]. *Narodonaselenie* [Population], Vol. 24, No. 2, 66–75. DOI: 10.19181-2021-24-2-6.

24. *Smirnov, S.N.* (2023). Tsifrovizatsiya v rossiyskikh domokhozyaystvakh: regionalnye razlichiya [Digitalization in Russian households: regional differences]. *Sotsialno-trudovye issledovaniya* [Social and Labor Studies], 2 (51), 100–108.

25. *Tolstikhina, E.I., S.K. Demchenko, V.G. Podoprigora & Yu.L. Aleksandrov.* (2022). Tsifrovaya transformatsiya i ee vliyanie na potrebiteli [Digital transformation and its impact on consumers]. *Innovatsii i investitsii* [Innovations and Investments], 3, 11–15.

26. *Chereshnya, O.Yu. & M.V. Gribok.* (2023). Kompleksnaya otsenka tsifrovogo neravenstva v regionakh Rossii [Complex assessment of digital inequality in the regions of Russia]. *InterKarto. InterGIS*, Vol. 29, No. 1, 143–157. DOI: 10.35595-2414-9179-2023-1-29-143-157.

27. *Shabanova, M.A.* (2020). Novye potrebitelskie praktiki v usloviyakh tsifrovizatsii grazhdanskogo obshchestva: rezultaty empiricheskogo issledovaniya v Rossii (statya 2) [New consumer practices in the context of civil society digitalization: Data of an empirical research in Russia (article 2)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 12, 3–17. DOI: 10.31857/S013216250010205-8.

28. *Bukht, R. & R. Heeks.* (2018). Defining conceptualising and measuring the digital economy. *International Organizations Research Journal*, Vol. 13, No. 2, 143–172. DOI: 10.17323-1996-7845-2018-02-07.

29. *Cochoy, F. et al.* (2020). Digitalizing consumer society: equipment and devices of digital consumption. *Journal of Cultural Economy*, Vol. 13, No. 1, 1–11.

30. *Warde, A.* (2005). Consumption and theories of practice. *Journal of Consumer Culture*, Vol. 5, No. 2, 131–153. DOI: 10.1177/1469540505053090.

31. *Warde, A.* (2015). The sociology of consumption: Its recent development. *Annual Review of Sociology*, Vol. 41, No. 1, 117–134.

About Authors

Kashapova, Elmira Ramisovna (Tomsk, Russia) – Senior Lecturer at the Department of Economics and Organization of Production, Business School, National Research Tomsk Polytechnic University (30, Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russia). E-mail: elmira@tpu.ru.

Klemasheva, Elena Igorevna (Tomsk, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor at the Department of Economics and Organization of Production, Business School, National Research Tomsk Polytechnic University (30, Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russia). E-mail: eik15@tpu.ru.

Malanina, Veronika Anatolyevna (Tomsk, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor at the Department of Economics and Organization of Production, Business School, National Research Tomsk Polytechnic University (30, Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russia). E-mail: malanina@tpu.ru.

Rozhdestvenskaya, Elena Mikhailovna (Tomsk, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor at the Department of Economics and Organization of Production, Business School, National Research Tomsk Polytechnic University (30, Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russia). E-mail: elena.rozhdestvenskaya@gmail.com.

Поступила в редколлегию 29.10.2024.

После доработки 10.02.2025.

Принята к публикации 17.02.2025.

УДК 316.334.2

Регион: экономика и социология, 2025, № 2 (126), с. 84–112

А.Д. Абдулаев

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА АДМИНИСТРАТИВНЫХ ЖАЛОБ: АКТИВИЗМ И КООПЕРАЦИЯ НА ЭЛЕКТРОННЫХ ПОРТАЛАХ ПРИ РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ ЖКХ

За последние годы в России можно наблюдать увеличение количества административных жалоб по вопросам ЖКХ. Рост числа обращений может быть вызван различными факторами, не связанными напрямую с состоянием жилья: институциональными противоречиями, новыми формами конкуренции на рынке, общественными настроениями и др. Неизменным компонентом остается коммуникационная составляющая жалобы. Однако переход к новой форме взаимодействия посредством электронных государственных порталов мог повлиять на способы донесения информации и правила коммуникации заявителей и ответственных лиц.

Цель исследования состоит в выявлении изменений института административных жалоб при переходе на государственные электронные порталы. С помощью написанной автором программы был проведен автоматизированный сбор данных о 670 тыс. жалоб по вопросам ЖКХ в 17 тыс. многоквартирных домов на портале «Наши Санкт-Петербург». Установлено, что упрощение подачи жалоб на электронном портале привело к формированию «серой массы» обращений, для которой отсутствуют четкий географический фокус и единство проблематики. В серую массу попадают жалобы «активистов» и жителей с нетиповыми единичными обращениями. Основной прирост количества жалоб происходит не за счет новых пользователей портала, а за счет увеличения

числа обращений от активистов, на которых приходится до 80% от общего количества жалоб.

Выявлена трансформация правил подачи и рассмотрения обращений, что позволяет институту административных жалоб функционировать в относительно новой среде. Администрация портала разрабатывает новые механизмы сдерживания потока обращений, фильтрации бессодержательных жалоб, фокусировки на наиболее острых проблемах. Жители вместо генерации избыточного объема жалоб кооперируются вокруг ранее поданных обращений, подтверждая актуальность проблем. Данный механизм в разы повышает уровень удовлетворенности жителей рассмотрением обращений.

Результаты исследования позволяют выявить трансформирующиеся элементы института административных жалоб, новые драйверы и барьеры развития этого инструмента коммуникации в современной России.

Ключевые слова: административная жалоба; институциональная трансформация; жилищно-коммунальное хозяйство; гражданская инфраструктура; активизм

Для цитирования: *Абдулаев А.Д.* Трансформация института административных жалоб: активизм и кооперация на электронных порталах при решении проблем ЖКХ // Регион: экономика и социология. – 2025. – № 2 (126). – С. 84–112. DOI: 10.15372/REG20250204.

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня в России в сфере жилищно-коммунального хозяйства можно наблюдать многочисленные конфликты по вопросам управления многоквартирными домами (МКД). Формальные причины споров связаны не только с увеличением числа должников по коммунальным услугам¹, но и с нарушением правил управления домом со стороны управляющих организаций. Среди россиян сохраняется вы-

¹ См.: *Кичемайкин К.* Стало известно количество должников по ЖКХ в России // Газета.ru. 15 января 2024. – URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2024/01/15/22116505.shtml?updated> (дата обращения: 01.11.2024).

сокая доля неудовлетворенных оказываемыми жилищно-коммунальными услугами². Согласно данным общественных проектов и ранее проведенным социологическим исследованиям, доля недовольных качеством услуг ЖКХ варьируется от 40³ до 60⁴ процентов. В 2023 г. количество обращений в органы прокуратуры с жалобами на управляющие компании увеличилось в 1,5 раза⁵. По данным Государственной информационной системы «Жилищно-коммунальное хозяйство» (ГИС ЖКХ), в 2023 г. было получено свыше 948 тыс. обращений, что на 44% больше, чем в 2022 г.⁶ При этом наибольшее недовольство качеством оказанных услуг относится к техническому обслуживанию, косметическому ремонту и начислению платежей, что является сферой прямых обязанностей управляющих организаций⁷. Обозначенные более 10 лет назад проблемы барьеров для смены управляющей организации, отсутствия прозрачности отчетов компаний, нецелевого расходования средств жильцов [3] сохранили свою актуальность и сегодня. Некоторые споры перешли в открытое противостояние собственников жилья и управляющих организаций,

² См.: *Герейханова А.* Путин обсудил с Красновым нарушения в сфере ЖКХ и права мобилизованных. – URL: <https://rg.ru/2023/09/25/putin-obsudil-s-krasnovym-na-rusheniia-v-sfere-zhkh-i-prava-mobilizovannyh.html> (дата обращения: 01.11.2024).

³ См.: *О состоянии жилья и услугах ЖКХ: Что не устраивает россиян в состоянии их домов?* – URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/14697> (дата обращения: 01.11.2024).

⁴ См.: *Воронов А.* Этажи проблем: Граждане пожаловались Народному фронту на качество работы управляющих компаний // Коммерсантъ. – 2024. – № 57. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6609568> (дата обращения: 01.11.2024).

⁵ См.: *Россияне за год стали в полтора раза чаще жаловаться на ЖКХ.* – URL: <https://lenta.ru/news/2023/03/15/jekheha> (дата обращения: 01.11.2024).

⁶ ГИС «Жилищно-коммунальное хозяйство». Работа с обращениями, поступившими от граждан и организаций. – URL: <https://dom.gosuslugi.ru/#!/pafo/appeals/redirection> (дата обращения: 01.11.2024).

⁷ См.: *Штурма И.* Коммунальный ракурс: выросло число жалоб на завышенные платежи за ЖКУ. – URL: <https://iz.ru/1760672/iana-shturma/kommunalnyi-rakurs-vyroslo-chislo-zhalob-na-zavyshennye-platezhki-za-zhku> (дата обращения: 01.11.2024).

о чем свидетельствуют многочисленные кейсы в разных регионах России⁸.

Этапом, предшествующим открытым конфликтам, является коммуникация собственников жилья с управляющими организациями и органами власти посредством института жалоб. На федеральном и региональном уровнях активно внедряются государственные информационные системы и порталы, которые позволяют перевести коммуникацию посредством жалоб в электронную форму. Подобные нововведения можно связать со становлением гражданской формы жалоб, увеличением прозрачности коммуникации акторов отношений по управлению МКД [5].

Существует также и альтернативный взгляд на происходящий процесс. Можно найти примеры институционального злоупотребления правом подачи жалоб по вопросам ЖКХ со стороны жителей. Растущее число обращений в электронной форме объясняется дисфункциональностью института жалоб, нарушением коммуникации акторов в связи с потоком бессодержательных обращений, доносов и импульсивных жалоб [10]. В подобной среде жалобы становятся институциональной ловушкой – неэффективной устойчивой нормой, по инерции перешедшей в относительно новую институциональную среду [12]. Такой процесс может быть свидетельством мутации институтов в понимании Е.В. Балацкого [1].

⁸ См.: *В осаде*: жители петербургского ЖК отбиваются от рейдерского захвата. – URL: <https://www.5-tv.ru/news/396825/vosade-ziteli-peterburgskogo-zkotbi-vautsa-otrejderskogo-zahvata> (дата обращения: 01.11.2024); *Фомина А., Мясумова А.* «Уцепилась за фару»: Сотрудница УК объяснила, почему дважды переехала женщину. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/2023/10/18/17750233.shtml> (дата обращения: 01.11.2024); *Мотовилова А.* Тысячи жителей Московского района не могут сменить управляющую компанию из-за ареста ее активов. – URL: <https://mr-7.ru/articles/2023/07/15/tysiachi-zhitelei-moskovskogo-raiona-ne-mogut-smenit-upravliaiushchuiu-kompaniiu-iz-za-aresta-eio-aktivov> (дата обращения: 01.11.2024); *Петровский А.* В Кудрово взбунтовался самый большой дом Европы. – URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/27490/4699718> (дата обращения: 01.11.2024).

В результате возникает необходимость поиска объяснений многократно выросшему количеству обращений. Является ли данный феномен спецификой функционирования института или смена формы подачи жалоб привела к существенным сбоям в коммуникации жителей и органов власти?

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПРИРОДА АДМИНИСТРАТИВНЫХ ЖАЛОБ

Под институтом будут пониматься правила поведения, а также регулятивные принципы, которые предписывают или, наоборот, запрещают те или иные действия. Такие правила воспроизводятся через «деловые практики, или повседневные хозяйственные действия участников рынка» [9, с. 8]. Предлагается рассмотреть жалобы в контексте институциональных уровней – с точки зрения перехода от культурных традиций и ценностей к неформальным правилам и последующей трансформации в формальные нормы.

Как способ взаимодействия, жалобы всех видов характерны для межличностного общения, где являются инструментом коммуникации, восстановления справедливости [14]. В разные исторические периоды наступали этапы формализации института жалоб, что вело к появлению регулирующих отраслевых нормативно-правовых актов и уполномоченных профильных организаций в виде челобитных приказов в царское время, Центрального бюро жалоб и его подразделений в советский период [5], специализированных координационных центров при органах власти в настоящее время.

О.Э. Бессонова заявляет об универсальном характере обратной связи, построенной посредством института жалоб: вне зависимости от доминирования отдельных смежных институтов либо от кризисных явлений жалобы, в отличие от прочих форм обратной связи, сохраняют свои коммуникативные функции и позволяют выйти из состояния институциональных противоречий [5]. На ранних этапах становления советской власти институт жалоб закладывался в системе как альтернатива судебной инстанции. Помимо классической

функции снижения социальной напряженности, механизм подачи и рассмотрения жалоб выступал средством защиты идей нового строя и его популяризации. В один из пиков судебного кризиса советского периода жалобы выполняли просветительскую и координирующую функцию, тем самым обеспечивая сохранение возможности восстановить справедливость через органы власти [14].

Однако есть основания полагать, что в современной институциональной среде логика функционирования административных жалоб может значительно отличаться от того, как работала система жалоб в советский период. Наличие трехсторонних отношений (собственники жилья, государство, управляющие компании) создает предпосылки для искажений обратной связи. Так как жалобы отражают только позицию собственников относительно проблемы с управляющей организацией, возникают предпосылки к состоянию институционального злоупотребления (*institutional abuse*), когда жители спекулируют количеством подаваемых жалоб и используют механизм обратной связи через государство в обход переговоров с управляющей организацией. В свою очередь, увеличение числа жалоб влечет за собой бюрократическую перегрузку управляющих организаций и снижает качество услуг, приводит к феноменам отписки, игнорирования обращений и т.п. Такое видоизменение института жалоб определяется как дисфункция, которая вызвана потерей сигналов о реальных проблемах в объеме общего количества обращений. Д.Б. Литвинцев вводит несколько категорий жалоб, представляющих собой проявление институциональных мутаций, влекущих искажения либо потерю институтом своих исходных функций: «ошибочные и импульсивные жалобы, жалобы-доносы, жалобы как средство общения» [10]. Возникновению этих искажений способствуют эмоциональное состояние заявителя, некомпетентность при определении ответственного лица – исполнителя, попытка использовать жалобу как инструмент конкуренции. В результате избыточное количество обращений перестает быть сигналом о реальной проблеме из-за встраивания искаженных форм жалоб.

ПАТТЕРНЫ ПОВЕДЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ НА ПОРТАЛЕ «НАШ САНКТ-ПЕТЕРБУРГ»

Портал «Наш Санкт-Петербург»⁹ в сравнении с ранее упомянутыми средствами подачи жалоб оказывается уникальной средой, так как переводит административные жалобы в специфичную электронную форму. Согласно концепции О.Э. Бессоновой, современные электронные формы жалоб в наибольшей мере приближены к гражданской форме, под которой понимается финальная стадия развития института жалоб, способствующая выявлению наиболее проблемных и болевых точек развития, анализу причин недовольства граждан, рассмотрению коллективных жалоб [5]. Гражданская форма предполагает возможность контроля третьими лицами процесса рассмотрения обращений, прозрачность при принятии решения, строгое соблюдение сроков принятия решения и проч.

В результате анализа функционала портала «Наш Санкт-Петербург» были выделены следующие особенности.

1. До 2022 г. на портале сохранялась возможность подачи анонимных обращений. В настоящий момент по инициативе администрации города введены ограничение на максимальное количество обращений и обязательная авторизация пользователя¹⁰.

2. Среда портала предусматривает строгую модерацию всего потока обращений. При подаче жильцом жалобы проводится оценка соответствия заявленной проблемы одной из категорий. Модерация способствует сокращению количества бессодержательных и импульсивных (эмоциональных) жалоб. С одной стороны, жесткая модерация обращений может рассматриваться как ограничивающий фактор, исключающий гибкость коммуникации. С другой стороны, данная особенность препятствует формированию институциональных ловушек в понимании В.М. Полтеровича [12] и дисфункции института жалоб: бессодержательные и импульсивные жалобы не смещают

⁹ URL: <https://gorod.gov.spb.ru/problems/public/> .

¹⁰ См.: Ратников Д. Без анонимов: на портале «Наш Санкт-Петербург» ввели авторизацию // Санкт-Петербургские ведомости. 01 июня 2022. – URL: <https://spbvedomosti.ru/news/gorod/bez-anonimov-na-portale-nash-sankt-peterburg-vveli-avtorizatsiyu/> (дата обращения: 01.11.2024).

фокус внимания ответственных лиц, уменьшается бюрократическая нагрузка на органы власти, снижается вероятность отписки.

3. Исключена вероятность выбора неверного адресата (организации, некомпетентной в разрешении вопроса, поступившего от заявителя). Модератор в соответствии с регламентом определяет исполнителя, что снимает с заявителя ответственность по определению органа власти, в чьи полномочия входит разрешение проблемы.

4. Взаимодействие собственников на портале имеет опосредованный характер. Коммуникация жильцов построена вертикально без возможности коммуникации между собой и подачи коллективных обращений. Присоединение жалобы к аналогичному обращению осуществляется не самим собственником, а модератором в случае, если обращение по аналогичной проблеме уже было подано. Встроена функция наблюдателя для возможности контроля за ходом исполнения мер по обращению, поданному другим пользователем.

5. Предусмотрена система оценки удовлетворенности рассмотрением обращения.

6. Данные о жалобах имеют привязку к обезличенному профилю пользователя, данным о местоположении проблемы, фотофиксации, этапам рассмотрения вопроса.

В результате возникает возможность оценить, насколько эффективно создание собственниками избыточного объема обращений как способ отстаивания жилищных прав.

СБОР ДАННЫХ

В качестве поля исследования был выбран Санкт-Петербург как пример растущей городской агломерации. Ядро агломерации, город Санкт-Петербург, представлено преимущественно практикой проживания в многоквартирных домах. Для жителей административного субъекта реализуется глобальный проект по отработке обращений граждан порталом «Наш Санкт-Петербург», через который с января 2017 г. по сентябрь 2022 г. от жителей было собрано 1,5 млн обращений по категории «Дом». На уровне города можно наблюдать значимые различия в плотности проживания, типе застройки в раз-

резу районав города, что позволяет делать содержательные сопоставления для выявления факторов, косвенно влияющих на институт административных жалоб.

Генеральная совокупность МКД в Санкт-Петербурге, в соответствии с данными реестра паспортов МКД, составляет 22 791 дом. Для работы с порталом «Наш Санкт-Петербург» использовалась методика веб-скрейпинга (web-scraping), основанная на изучении кода страницы посредством веб-инспектора, выгрузки и систематизации кода веб-страниц в формате JSON [6]. Затем был произведен перевод указанных данных в табличный вид для выполнения последующего анализа. В результате удалось собрать сведения о количестве административных жалоб, поданных на портал, в разрезе МКД, а также в разрезе отдельных заявителей¹¹. Была собрана информация о статусе обращений, их тематике, геопозиции дома, в котором возникла проблема. Сбор производился исключительно по данным обращений, объектом которых являлось ненадлежащее состояние МКД. В итоге были собраны данные по более чем 17 тыс. МКД, классифицированные по периоду постройки и техническим характеристикам [11]. Были определены доверительный интервал для оценок выборки, который составил $\pm 0,19\%$, и погрешность подвыборок по каждому из районов для учета при оценке статистически значимых различий. Наибольшая погрешность фиксируется в Кронштадтском и Курортном районах ($\pm 6,10\%$) по причине эффекта самоотбора: в этих районах наименьшее число многоквартирных домов и наибольшая доля частного сектора и самоуправляемых домовладений¹². После сбора данных и их проверки было получено более 670 тыс. валидных наблюдений (жалоб), которые использовались в дальнейших расчетах (обследуемая совокупность жалоб составляет около 1,7 млн обращений). Валидность наблюдения оценивалась через наличие всех необходимых атрибутов: темы обращения, сообщения с ответом ответственного лица, даты подачи, описания проблемы и др.

¹¹ Данные собраны в обезличенном виде и не содержат персональных данных пользователей.

¹² См.: *Жилищный кодекс Российской Федерации*. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/71c7149b7b2a7693ca3f88b93580da0a5376e041/ (дата обращения: 01.11.2024).

ДИНАМИКА КОЛИЧЕСТВА ЖАЛОБ, ЛИДЕРСТВО И КООПЕРАЦИЯ НА ЭЛЕКТРОННОМ ПОРТАЛЕ

Для понимания распространенности практики подачи административных жалоб в электронной форме был проведен анализ массива данных, единицей которого выступила отдельно взятая административная жалоба на портале «Наш Санкт-Петербург». Удалось собрать данные по обращениям с марта 2014 г. (даты начала работы портала) по апрель 2022 г. (рис. 1).

Можно видеть, что основной объем обращений приходится на период с 2019 г., когда общий показатель жалоб впервые снизился: за 2019 г. было получено 127 тыс. обращений, за 2020 г. – 126 тыс. В 2021 г. наблюдается рост до 160 тыс. Так как на момент сбора данных 2022 г. еще не завершился, представляется возможным только предположить динамику в разрезе месяцев. Если в январе 2021 г. на портал поступило 11 842 обращения, то в январе 2022 г. поступило

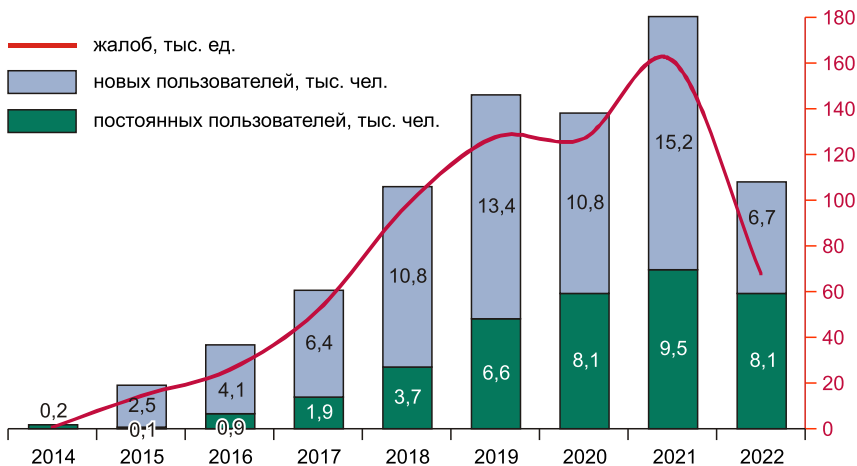

Рис. 1. Ежегодная активность и прирост количества уникальных пользователей

Примечания: 1) значения внутри столбца – количество пользователей, тыс. чел.;
2) правая шкала – количество жалоб, тыс. ед.

Источник: разработано автором

13 331 сообщение. По результатам сбора данных была получена выборка, которая включает данные о 19 435 многоквартирных домах.

Отдельного внимания заслуживает оценка распространенности практики подачи административных жалоб через портал. Для этого необходимо рассматривать не общее количество жалоб и заявителей, а количество уникальных заявителей, которое приходится на текущий объем обращений. В рамках анализа удалось учесть идентификационные коды пользователей, с помощью которых были соотнесены отдельно взятые заявители с количеством поданных ими обращений:

- всего на портал было подано 4,624 млн обращений, из которых 36,8% (1,703 млн) касаются проблем с жилым домом;
- 670 тыс. административных жалоб по категории проблем «Дом» в полученном массиве подали 61 730 человек, что при переносе на генеральную совокупность составляет около 2,8% от всего населения Санкт-Петербурга;
- в среднем на одного человека приходится 10 жалоб, медианный показатель – два обращения на человека.

В результате исходное предположение о росте количества обращений преимущественно за счет прироста числа новых пользователей подтвердилось частично. Значительный вклад в общее количество жалоб делают существующие пользователи. При этом сама практика подачи обращений на портале затрагивает относительно низкую долю населения города.

Распределение жалоб в разрезе отдельных пользователей оказалось неравномерным (рис. 2). Пиковое значение, приходящееся на одного пользователя, составляет 9 996 обращений с одного аккаунта, минимальное – одно обращение.

Точкой разделения групп стал средний показатель жалоб, приходящихся на одного человека (10 единиц). Установлено, что 16% (9,6 тыс. пользователей) от всех пользователей портала генерируют около 80% (541 тыс. обращений) всех обращений в выборке. При переносе на генеральную совокупность было установлено, что 0,4% от всего населения Санкт-Петербурга генерируют около 1,3 млн обращений в категории «Дом».

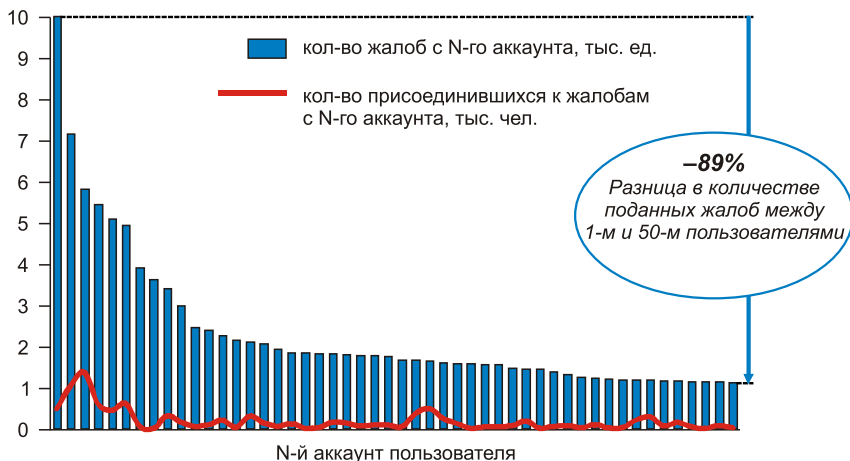

Рис. 2. Распределение жалоб в разрезе активистов портала «Наш Санкт-Петербург», тыс. ед.

Примечание: фрагмент – первые 50 пользователей с наибольшим количеством жалоб

Источник: разработано автором

В связи с выявленными особенностями распределения обращений возникает необходимость уточнения концепции избыточного количества жалоб как сигнала [2; 8; 13]. Функционирует ли в той же мере эффективно система сигналов об избыточном числе обращений, если поток жалоб генерируют не новые единичные пользователи, а ранее зарегистрированные на портале жители?

АКТИВИЗМ НА ПЛАТФОРМЕ

Целесообразно дать условное название ярко выраженной активности пользователей на платформе, которая проявляется в подаче жалоб на портале. На основе полученного распределения житель, подавший более 100 жалоб, был обозначен как «активист». Выяснилось, что активизм как феномен развивается не по единообразному сценарию. Количественный и пространственный анализ поданных жалоб показал, что поведение активистов отлично от поведения про-

чих пользователей портала. Для подтверждения отличий обращения одного автора помещались на карту города согласно местонахождению проблемы. В результате были сформированы пространственные профили авторов, основанные на территориальном разбросе проблем из поданных жалоб (разбросе мест, где автор обращения указал местонахождение проблем для разрешения). Исходное предположение состояло в локализации жалоб с аккаунта жителя-активиста в рамках своего дома, двора, квартала. Однако в некоторых случаях ситуация оказалась противоположной. Пространственные профили подавляющего числа активистов затрагивали не только отдельно взятый дом, а охватывали многоквартирные дома нескольких районов города (рис. 3). Для граждан, подавших менее 100 жалоб, подтверждалось предположение о локализации пространственного профиля (рис. 4).

Избыточное количество жалоб от пользователей-активистов с учетом их размытого пространственного профиля может косвенно свидетельствовать о встраивании в процесс подачи жалоб различных сто-

Рис. 3. Плотность распределения жалоб пользователя-активиста о проблемах в МКД в пространстве города (>100 жалоб)

Источник: разработано автором

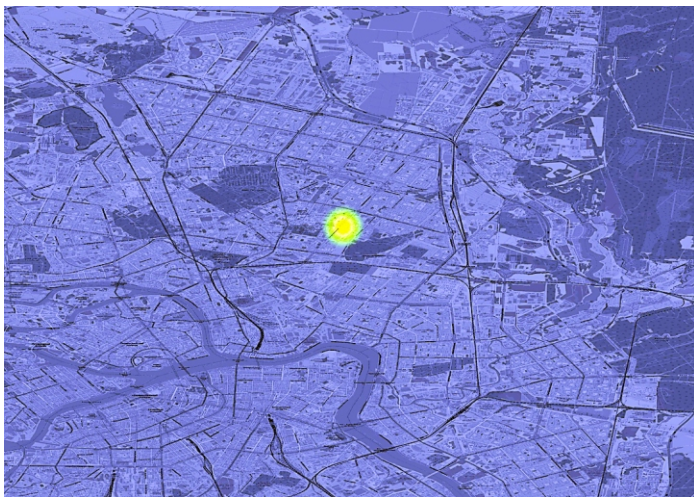

Рис. 4. Плотность распределения жалоб среднестатистического пользователя о проблемах в МКД в пространстве города (<100 жалоб)

Источник: разработано автором

ронных акторов, принимаемых на портале за единичных граждан. К примеру, такими акторами могут быть управляющие организации, использующие жалобы в качестве инструмента конкуренции – для понижения рейтинга других компаний, создания бюрократической нагрузки. Также за условным пользователем могут скрываться общественные организации, представители муниципалитетов, направляющие обращения с одного аккаунта. В результате заявляемая Д.Б. Литвинцевым мимикрия института [10] может состоять в возможности неявной замены отдельного гражданина различными коммерческими и некоммерческими организациями.

Может возникнуть предположение, что жалобы активистов в значимой мере смещают общее распределение административных жалоб в разрезе города. Однако обращения активистов в подавляющем большинстве повторяют распределение жалоб от других категорий жильцов (рис. 5).

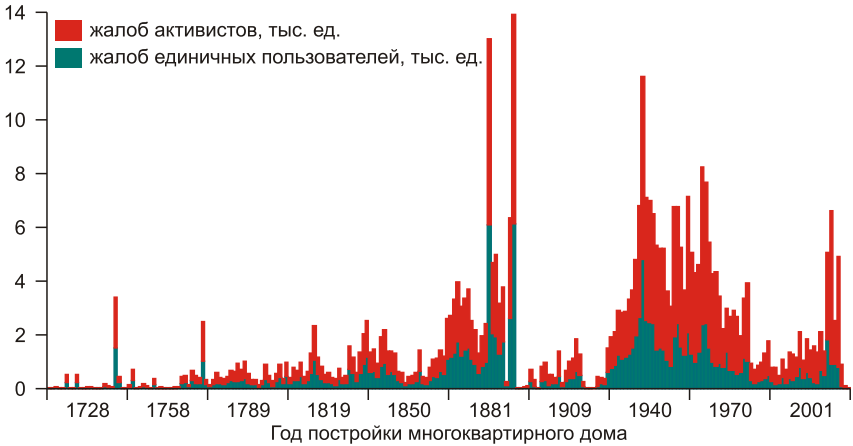

Рис. 5. Распределение количества жалоб по критерию принадлежности автора жалобы к группе активистов, тыс. ед.

Источник: разработано автором

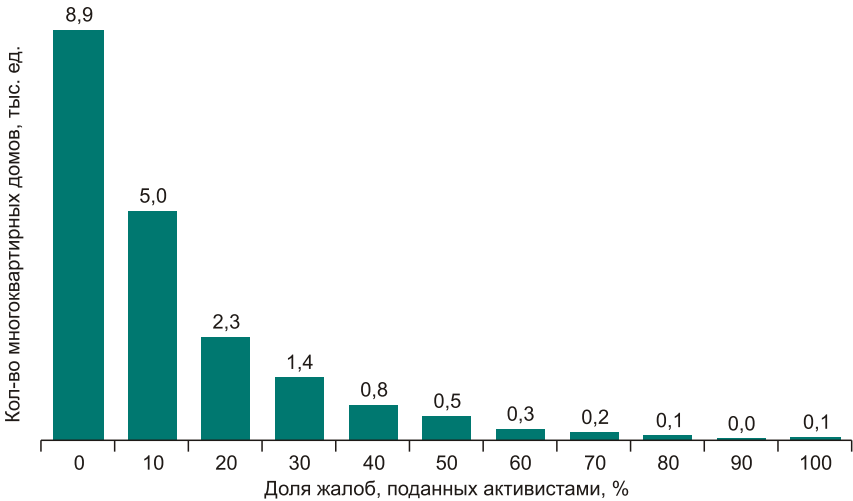

Рис. 6. Распределение домов по уровню влияния жалоб, поданных активистами, %

Источник: разработано автором

Можно наблюдать, что 8,9 тыс. всех МКД затронуты жалобами жителей-активистов не более чем на 10% (рис. 6). Жалобы активистов неравномерно охватывают жилищный фонд города: для 90% МКД доля жалоб активистов не превышает 30%. При этом для оставшихся 10% МКД вклад жалоб активистов в общее количество поступающих обращений превышает 40%.

ПОКАЗАТЕЛЬ КООПЕРАЦИИ

Кооперация в сопоставлении с ранее представленным феноменом активизма оказывается показателем вовлеченности других жителей в аналогичную проблему помимо самого автора обращения. Наиболее распространен показатель кооперации в центральных районах города (рис. 7). Под кооперацией понимаются действия пользователя, который по результату подачи жалоб был присоединен к существующему обращению после оценки модератором. Практика кооперации оказывается менее распространенной: жителями более чем 10 тыс. МКД данная практика ни разу не применялась за весь период существования портала. Однако при изучении пространственного распределения жалоб можно наблюдать многоквартирные дома с явно выраженными показателями кооперации. В разрезе возраста жилищного фонда кооперация аналогично скоррелирована с количеством поступивших обращений, что обусловлено логикой самой практики и механизмом работы портала. Большое количество опубликованных на портале проблем повышает шансы на то, что к обращениям по данным проблемам присоединится один из жителей.

Данный показатель может отражать процесс предварительных попыток жителей решить проблему перед подачей обращения на портал. В результате более высокий охват проблемы заставляет единичных пользователей обращаться с таким же запросом. Договоренность о совместной подаче однородных по содержанию жалоб может рассматриваться как транслирование органам власти своего видения состояния общедомового имущества. Аналогичные инструменты используют дольщики при строительстве домов, применяя широкий спектр инструментов гражданской инфраструктуры: обращения к за-

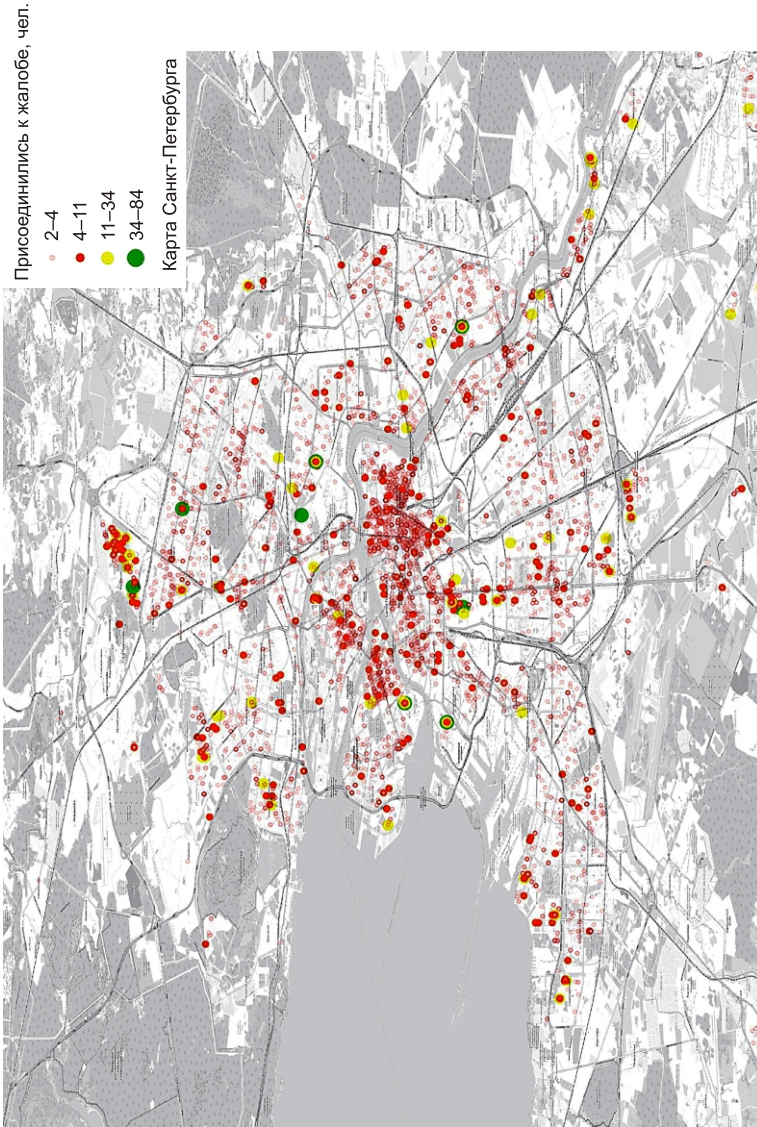

Рис. 7. Пространственное распределение показателя кооперации, количество человек, присоединившихся к жалобе на проблеме в МКД

Источник: разработано автором

стройщикам и в органы власти, личные приемы граждан должностными лицами, СМИ [7]. Появившаяся функция наблюдения позволяет также транслировать органам власти уровень заинтересованности в рассмотрении определенной проблемы со стороны третьих лиц: правозащитников, общественных деятелей, соседей. В результате механизм кооперации в значительной мере усиливает функцию обратной связи на портале, показывая масштаб проблемы, ее охват через количество заинтересованных лиц.

Более содержательным оказывается поиск связи показателей кооперации и активизма, которую можно условно определить как «лидерство». В отдельности каждый из активистов может подавать неограниченное число обращений. Однако кооперация осуществляется вокруг уже созданной на портале жалобы. Основанное на этой связи

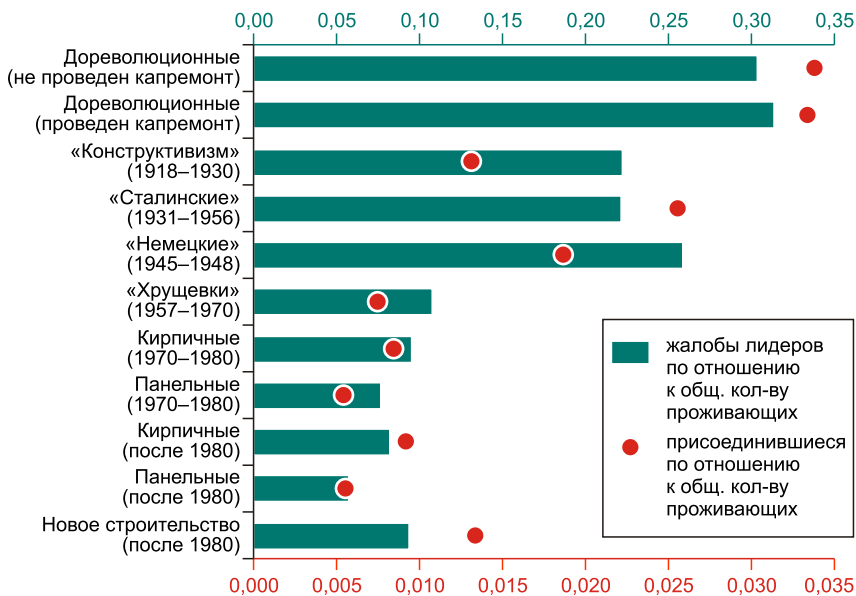

Рис. 8. Отклик заявителей по показателям лидерства и кооперации в разрезе типа жилищного фонда, отношение количества откликов к общему количеству жалоб

Источник: разработано автором

присоединение жителей дома к созданным на портале жалобам оказывается своего рода верификацией того, что заявленная проблема в действительности существует и имеет высокую значимость для жителей многоквартирного дома. Под такой верификацией мы будем понимать то, что более 30%¹³ всех жалоб, поданных активистом, поддерживаются кооперацией жителей МКД. В таком случае активисту присваивается атрибут лидера. Из всего объема пользователей (более 61 тыс. уникальных пользователей) атрибут лидера был присвоен лишь 46 жителям. Суммарно лидерами было подано 11 965 обращений, из которых наибольшую долю составляют жалобы по проблемам дореволюционного фонда (37%). Сопоставление показателей лидерства и кооперации показывает, что наибольший отклик со стороны жителей получают проблемы в дореволюционных домах (рис. 8).

СОДЕРЖАНИЕ ОБРАЩЕНИЙ И УРОВЕНЬ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ИХ РАССМОТРЕНИЕМ

В распределении административных жалоб по категориям наибольшую долю составляют обращения, связанные с содержанием многоквартирного дома и благоустройством, что находится в зоне ответственности управляющей организации. В процессе анализа распределения обращений активистов, лидеров и отклика по показателю кооперации выяснилось, что обращения распределены идентично общим пропорциям и не имеют статистически значимых различий в группах. Доля проблем, касающихся вопросов содержания МКД, составляет в общем распределении 48,1%, вопросов благоустройства – 24,9%. В 2022 г. доли двух показателей увеличились до 61,0 и 26,0% соответственно. Относительно жалоб на портале неоднократно высказывались опасения о потенциальной возможности получения отписки. Масштабы данного феномена можно косвенно оценить через уровень удовлетворенности жителя рассмотрением проблемы. Для этого был использован статус рассмотрения жалобы на портале,

¹³ Данное пороговое значение было сформировано на основе экспертной оценки (целью было сохранить наполненность выборки лидеров при четком разграничении с другими группами).

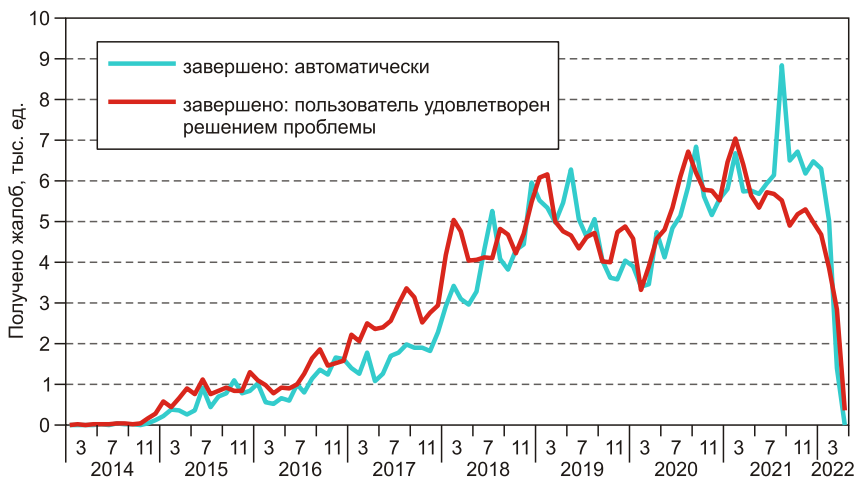

Рис. 9. Распределение жалоб в разрезе оценки удовлетворенности ответом, тыс. ед.

Источник: разработано автором

в котором нас будет интересовать завершение рассмотрения жалобы с отметкой об удовлетворенности жителя полученным ответом либо об автоматическом завершении. В большинстве случаев доли обращений, относительно которых пользователь удовлетворен ответом, и автоматически завершенных обращений практически равны (рис. 9). В выборке их пропорции составляют 51,6 и 48,4% соответственно.

Значимые связи в распределении можно наблюдать в соотношении лидерства, кооперации и удовлетворенности ответом (рис. 10). В случае административных жалоб, поданных жителем-активистом либо скооперированными гражданами, наблюдается относительно низкий показатель удовлетворенности ответом. Для этих групп доля обращений, по которым жители остались удовлетворены ответом, находится в диапазоне от 2,9 до 3,4%. Обратную ситуацию можно наблюдать в распределении жалоб жителей-лидеров, где доля обращений, по которым подавшие их удовлетворены ответом, возрастает до 34,3%. Причиной диспропорции в жалобах активистов и скооперированных жителей является высокая доля обращений, находящихся

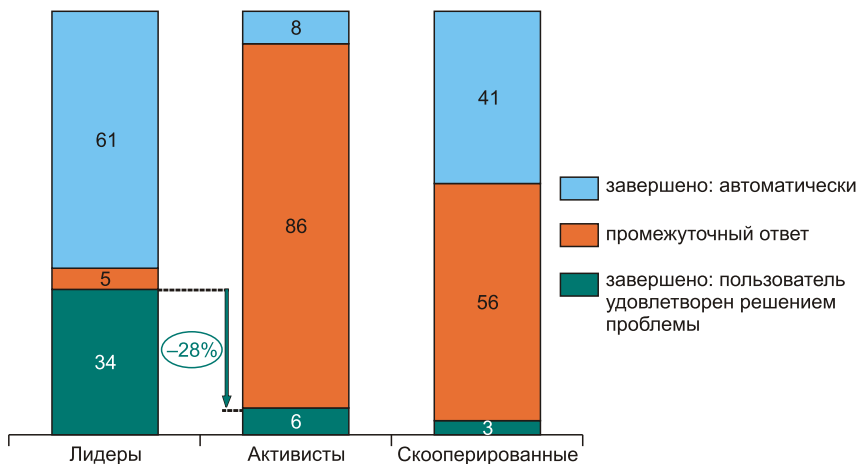

Рис. 10. Распределение жалоб по статусу рассмотрения в разрезе паттернов поведения пользователей, %

Источник: разработано автором

в стадии промежуточного ответа. Профильные органы власти¹⁴ используют промежуточные ответы как альтернативный способ сообщить заявителю результат в пределах установленного законом срока.

Отклонение статуса жалоб в сторону промежуточного ответа может свидетельствовать о перегрузке системы рассмотрения обращений, о невозможности дать содержательный ответ или своевременно устранить нарушения. Данная категория предполагает указание сроков устранения нарушений и принимаемых мер до их реального исполнения. Посредством промежуточного ответа срок для устранения нарушений может быть увеличен. В результате запрет задержек в ответах, отписок и прочих форм неисполнения мер по устранению нарушений в связи с перегрузкой органов власти может компенсироваться активизацией выдачи промежуточных ответов, что тем самым приблизит функционирование института к исходному виду.

¹⁴ См.: Правительство Санкт-Петербурга. Комитет имущественных отношений Санкт-Петербурга. Распоряжение от 21 сентября 2016 года № 113-р «О рассмотрении сообщений, поступающих на портал “Наш Санкт-Петербург”». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/456016780> (дата обращения: 01.11.2024).

В распределении жалоб, поступивших от лидеров, доля промежуточных ответов оказывается в разы меньше. Такая особенность позволяет предположить, что посредством выявления лидеров и верификации их деятельности показателем кооперации других жителей удастся отсечь те жалобы, которые могут быть проявлением институционального злоупотребления. Также данный механизм помогает выявлять наиболее острые проблемы, требующие оперативного реагирования со стороны администрации города.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Практика создания электронных государственных платформ привела к изменениям в функционировании института административных жалоб. При сохранении основной составляющей жалобы как способа восстановления нарушенного права трансформацию правил можно наблюдать в смежных институтах: в идентификации сторон коммуникации, в способах взаимодействия, в определении значимости проблемы, в правилах рассмотрения заявлений и др.

Портал «Наш Санкт-Петербург» обеспечил встраивание органов власти в коммуникацию жителей и управляющих компаний. В результате произошло разделение жалоб-обращений¹⁵ на два подвида. В одном случае жители адресуют обращение напрямую управляющей организации. В случае с электронным порталом органы власти непосредственно участвуют в рассмотрении проблем жителей в роли модератора и контролера сроков исполнения. В результате форма жалоб-обращений, поданных через портал, в значительной мере становится схожей с жалобами-сигналами¹⁶ в связи с тем, что в обоих случаях органы власти выступают в роли главного регулятора коммуникации и источника санкций. Подобные изменения привели к час-

¹⁵ В соответствии с концепцией О.Э. Бессоновой жалобы-обращения адресуются напрямую нарушителю (в данном случае – управляющей организации). Жалобы-обращения составляют первый уровень иерархии. Предполагается, что в модели идеальной коммуникации все проблемы должны разрешаться посредством данной формы жалоб.

¹⁶ В соответствии с концепцией О.Э. Бессоновой, жалобы-сигналы являются вторым уровнем в иерархии коммуникации и ориентированы на восстановление справедливости в случае, если жалобы-обращения оказались неэффективны.

тичному разрушению сложившейся концепции иерархичности жалоб, предложенной О.Э. Бессоновой [4], к снижению у жителей мотивации к тому, чтобы решать возникшие проблемы напрямую с управляющей организацией.

Упрощение процедуры подачи жалоб, связанное с преодолением бюрократических барьеров (установленная форма обращения, приемное время ответственных лиц и др.), спровоцировало поток жалоб, потребовавший выработки альтернативных правил взаимодействия. Количество граждан, прибегающих к жалобам в сфере ЖКХ, увеличивается не настолько интенсивно, насколько растет общий объем обращений. Данная особенность связана с тем, что относительно узким кругом пользователей портала генерируется аномально большое число жалоб: на 16% пользователей приходится более 80% от общего числа обращений. В результате администрацией города были предусмотрены дневные лимиты и обязательная авторизация пользователей на электронном портале. Однако эти меры не позволили полностью остановить поток избыточных обращений.

Практика создания избыточного числа жалоб не может интерпретироваться как целенаправленная попытка обратить внимание на конкретную проблему. Этот довод можно обосновать пространственной рассредоточенностью жалоб, поданных с одного аккаунта. Число жалоб на отдельных аккаунтах достигает нескольких тысяч, что позволяет предполагать наличие мимикрии в понимании Д.Б. Литвинцева [10]. Однако мимикрия состоит не в подмене механизмов самого института жалоб, а в изменении смежных с ним институтов, отвечающих за формат коммуникации акторов. Жалобы в электронной форме дают возможность общественным правозащитным организациям и управляющим организациям – конкурентам встраиваться в процесс подачи обращений под видом аккаунта единичного пользователя, что в действительности подрывает логику коммуникации и рассмотрения обращений на портале (отсутствует понимание, какой актер выступает в роли заявителя). В результате среда портала, ориентированная на взаимодействие с отдельными гражданами-пользователями, с высокой вероятностью будет трансформироваться, создавая альтернативные статусы для организаций, коллективов собственников, общественных представителей для сокращения общего объема обращений и снижения затрат на модерацию и обработку заявок.

Кооперация как способ создания однородного потока обращений для разрешения проблемы является малораспространенной практикой на электронном портале. Это можно связать с модерацией обращений, а также с отсутствием коммуникации между собственниками жилья, столкнувшимися с одинаковой проблемой. Портал не предусматривает возможности взаимодействия жителей, присоединения к существующим заявкам без участия модератора. Реализована функция наблюдения, позволяющая следить за статусом сторонних обращений. Данные особенности портала выступают альтернативным бюрократическим барьером, верифицирующим масштабы проблемы. В случае если вопрос затрагивает нескольких жителей, они аналогично с заявителем должны пройти авторизацию и подать обращение на портале по возникшей проблеме.

Однако был выявлен альтернативный способ верификации наличия проблемы и ее актуальности для граждан. Этот инструмент предполагает не генерирование множества жалоб от единичных пользователей, а создание на портале альтернативы коллективному обращению. Верификация группой лиц одного обращения (кооперация вокруг лидера) имеет связь с более высоким уровнем удовлетворенности рассмотрением жалобы, чем в случае отдельно взятых обращений активиста либо массовой отправкой обращений о различных проблемах группой лиц. В перспективе подобный подход может стать способом защиты от злоупотребления институтом жалоб в электронном виде жителями и рыночными игроками.

В последующем для верификации полученных результатов на примере зарубежных исследований [15; 17; 18; 20] будут оценены факторы, влияющие на количество жалоб по вопросам ЖКХ. Дополнительно будет оценена связь с неформальными практиками игроков [16], рассмотрены особенности городской среды как поля взаимодействия и пространства распределения капитала [19].

*Исследование выполнено в рамках проекта
«Повседневные поведенческие практики россиян в условиях
внешних шоков» Программы фундаментальных исследований
НИУ ВШЭ в 2024 году*

Список источников

1. Балацкий Е.В. Мутации и мимикрия экономических институтов // Экономика образования. – 2007. – № 2. – С. 47–60.
2. Бессонова О.Э. Институциональная природа жалоб в рыночной и раздаточной средах // Экономическая социология. – 2022. – Т. 23, № 5. – С. 133–144. DOI: 10.17323/1726-3247-2022-5-133-144.
3. Бессонова О.Э. Результаты трансформации советской жилищной модели // Экономическая социология. – 2011. – Т. 12, № 5. – С. 14–29.
4. Бессонова О.Э. Роль института жалоб в формировании новой реальности в России // Экономическая социология. – 2023. – Т. 24, № 5. – С. 148–157. DOI: 10.17323/1726-3247-2023-5-148-157.
5. Бессонова О.Э. Трансформация института административных жалоб в гражданские формы // Экономическая социология. – 2021. – Т. 22, № 2. – С. 11–25. DOI: 10.17323/1726-3247-2021-2-11-25.
6. Жучкова С.В., Ротмистров А.Н. Автоматическое извлечение текстовых и числовых веб-данных для целей социальных наук // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). – 2020. – № 50-51. – С. 141–183.
7. Запорожец О., Багина Я. Власть надежд: отстаивание инфраструктуры в новых городских районах // Журнал исследований социальной политики. – 2021. – Т. 19, № 2. – С. 269–284. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-2-269-284.
8. Корнай Я. Дефицит: Пер. с венг. – М.: Наука, 1990. – 607 с.
9. Кузьминов Я.И., Радаев В.В., Яковлев А.А., Ясин Е.Г. Институты: от заимствования к выращиванию (опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений) // Вопросы экономики. – 2005. – № 5. – С. 5–27. DOI: 10.32609/0042-8736-2005-5-5-27.
10. Литвинцев Д.Б. Жалобы – не подарок: дисфункциональность института жалоб в сфере жилищно-коммунального хозяйства в России // Экономическая социология. – 2022. – Т. 23, № 4. – С. 110–121. DOI: 10.17323/1726-3247-2022-4-110-121.
11. Лихтин А.А., Муфтахова А.Н. Государственная классификация жилой недвижимости: Управленческий подход // Управленческое консультирование. – 2022. – № 3. – С. 80–86. DOI: 10.22394/1726-1139-2022-3-80-86.
12. Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. – 1999. – Т. 35, вып. 2. – С. 3–20.
13. Хиришман А.О. Выход, голос и верность: реакция на упадок фирм, организаций и государств. – М.: Фонд Либеральная миссия, 2009. – 153 с.
14. Bogdanova E. Complaints to the Authorities in Russia: A Trap Between Tradition and Legal Modernization. – Routledge, 2021. – 250 p. DOI: 10.4324/9781315143088.
15. Cagney K.A. et al. Urban mobility and activity space // Annual Review of Sociology. – 2020. – Vol. 46, No. 1. – P. 623–648.
16. Minbaeva D.B., Ledeneva A., Muratbekova-Touron M., Horak, S. Explaining the persistence of informal institutions: The role of informal networks // Academy of Management Review. – 2023. – Vol. 48 (3). – P. 556–574. DOI: 10.5465/amr.2020.0224.

17. *Tavares A.F., Pires S.M., Teles F.* Voice, responsiveness, and alternative policy venues: An analysis of citizen complaints against the local government to the national ombudsman // *Public Administration*. – 2021. – Vol. 100 (1). DOI: 10.1111/padm.12787.

18. *Tong H., Kang J.* Relationships between noise complaints and socio-economic factors in England // *Sustainable Cities and Society*. – 2021. – Vol. 65 (4). – 102573. DOI: 10.1016/j.scs.2020.102573.

19. *Wacquant L.* Rethinking the city with Bourdieu's trialectic // *City*. – 2022. – Vol. 26. – P. 1–11. DOI:10.1080/13604813.2022.2125181.

20. *Wichowsky A., Shah P., Heideman A.* Call and response? Neighborhood inequality and political voice // *Urban Affairs Review*. – 2022. – Vol. 58, No. 4. – P. 1182–1197. DOI: 10.1177/10780874211021327.

Информация об авторе

Абдулаев Арсен Джанпарович (Россия, Москва) – аспирант, стажер-исследователь Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ (101000, Москва, ул. Мясницкая, 11). E-mail: arsen.abdulaev@yandex.ru.

DOI: 10.15372/REG20250204

Region: Economics & Sociology, 2025, No. 2 (126), p. 84–112

A.D. Abdulaev

TRANSFORMATION OF THE INSTITUTION OF ADMINISTRATIVE COMPLAINTS: ACTIVISM AND COOPERATION ON DIGITAL PORTALS IN SOLVING HOUSING AND COMMUNAL SERVICES PROBLEMS

In recent years, in Russia one observes an increase in the number of administrative complaints about housing and communal services. The increase in the number of appeals may be caused by various factors not directly related to the state of housing: institutional contradictions, new forms of competition in the market, public sentiments, etc. The communication component of the complaint remains unchanged. However, the transition to a new form of interaction through digital state portals may have affected the ways of information delivery and the rules of communication between complainants and responsible persons.

The purpose of this article is to identify changes in the institution of administrative complaints during the transition to state digital portals. Using the program written by the author, an automated data collection of 670,000 complaints about housing and communal services in 17,000 apartment buildings on the portal “Our St. Petersburg” was conducted. It was established that the simplification of filing complaints on the digital portal led to the formation of a “gray mass” of appeals, for which there is no clear geographic focus and unity of issues. The gray mass includes complaints of “activists” and residents with non-typical single appeals. The main increase in the number of complaints is not due to new users of the portal, but due to the increase in appeals from activists, who account for up to 80% of the total number of complaints.

A transformation of the rules of filing and reviewing complaints has been revealed, which allows the institution of administrative complaints to function in a relatively new environment. The portal administration develops new mechanisms to curb the flow of appeals, filtering contentless complaints, focusing on the most problematic issues. Residents instead of generating an excessive volume of complaints cooperate around previously submitted appeals, confirming the relevance of the problems. This mechanism greatly increases the level of satisfaction of residents with solving the reported problems.

The results of the study allow us to identify the transforming elements of the institution of administrative complaints, new drivers and barriers to developing this communication tool in the present-day Russia.

Keywords: administrative complaint; institutional transformation; housing and communal services; civil infrastructure; activism

For citation: *Abdulaev, A.D. (2025). Transformatsiya instituta administrativnykh zhalob: aktivizm i kooperatsiya na elektronnykh portalakh pri reshenii problem ZhKKh [Transformation of the institution of administrative complaints: activism and cooperation on digital portals in solving housing and communal services problems]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (126), 84–112. DOI: 10.15372/REG20250204.*

*The study was carried out within the framework of the project
“Russians’ Daily Social Practices under Exogenous Shocks”
of the HSE Basic Research Program in 2024*

References

1. *Balatsky, E.V.* (2007). Mutatsii i mimikriya ekonomicheskikh institutov [Mutations and mimicry of economic institutions]. *Ekonomika obrazovaniya* [Economics of Education], 2, 47–60.
2. *Bessonova, O.E.* (2022). Institutionalnaya priroda zhalob v rynochnoy i razdatochnoy sredakh [The institutional nature of complaints in market and distributional environments]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], Vol. 12, No. 5, 133–144. DOI: 10.17323/1726-3247-2022-5-133-144.
3. *Bessonova, O.E.* (2011). Rezultaty transformatsii sovetskoj zhilishchnoy modeli [Results of the transformation of the Soviet housing model]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], Vol. 12, No. 5, 14–29.
4. *Bessonova, O.E.* (2023). Rol instituta zhalob v formirovanii novoy realnosti v Rossii [The role of the institution of complaints in the formation of a new reality in Russia]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], Vol. 24, No. 5, 148–157. DOI: 10.17323/1726-3247-2023-5-148-157.
5. *Bessonova, O.E.* (2021). Transformatsiya instituta administrativnykh zhalob v grazhdanskie formy [Transformation of the institution of administrative complaints in civilian uniforms]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], Vol. 22, No. 2, 11–25. DOI: 10.17323/1726-3247-2021-2-11-25.
6. *Zhuchkova, S.V. & A.N. Rotmistrov.* (2020). Avtomaticheskoe izvlechenie tekstovykh i chislovykh veb-dannykh dlya tseley sotsialnykh nauk [Automatic extraction of text and numeric web data for social science purposes]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie (Sotsiologiya: 4M)* [Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sociology: 4M)], 50-51, 141–183.
7. *Zaporozhets, O. & Ya. Bagina.* (2021). Vlast nadezhd: otstaivanie infrastruktury v novykh gorodskikh rayonakh [How hopes build the civic infrastructure of new residential areas]. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [Journal of Social Policy Research], Vol. 19, No. 2, 269–284. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-2-269-284.
8. *Kornai, J.* (1990). Defitsit [Deficit]. Transl. from Hung. Moscow, Nauka Publ., 607.
9. *Kuzminov, Ya.I., V.V. Radaev, A.A. Kuzminov, A.A. Yakovlev & E.G. Yasin.* (2005). Instituty: ot zaimstvovaniya k vyrashchivaniyu (opyt rossiyskikh reform i vozmozhnosti kultivirovaniya institutsionalnykh izmeneniy) [Institutions: From import to raising (lessons from the Russian reforms and opportunities for cultivation of institutional change)]. *Voprosy ekonomiki* [Problems of Economics], 5, 5–27. DOI: 10.32609/0042-8736-2005-5-5-27.
10. *Litvintsev, D.B.* (2022). Zhaloby – ne podarok: disfunktsionalnost instituta zhalob v sfere zhilishchno-kommunalnogo khozyaystva v Rossii [Complaints are not gifts: Dysfunctionality of the institution of complaints in the field of housing and communal services in Russia]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], Vol. 23, No. 4, 110–121. DOI: 10.17323/1726-3247-2022-4-110-121.
11. *Likhtin, A.A. & A.N. Muftakhova.* (2022). Gosudarstvennaya klassifikatsiya zhiloy nedvizhimosti: Upravlencheskiy podkhod [Government classification of residential property: Management approach].

dential real estate: Managerial approach]. *Upravlencheskoe konsultirovanie [Management Consulting]*, 3, 80–86. DOI: 10.22394/1726–1139-2022-3-80-86.

12. *Polterovich, V.M.* (1999). *Institutsionalnye lovushki i ekonomicheskie reformy [Institutional traps and economic reforms]. Ekonomika i matematicheskie metody [Economics and Mathematical Methods]*, Vol. 35, Iss. 2, 3–20.

13. *Hirshman, A.O.* (2009). *Vykhod, golos i vernost: reaktsiya na upadok firm, organizatsiy i gosudarstv [Exit, Voice and Fidelity: Reaction to the Decline of Firms, Organizations and States]*. Moscow, Liberal Mission Foundation, 153.

14. *Bogdanova, E.* (2021). *Complaints to the Authorities in Russia: A Trap Between Tradition and Legal Modernization*. Routledge, 250. DOI: 10.4324/9781315143088.

15. *Cagney, K.A. et al.* (2020). *Urban mobility and activity space*. *Annual Review of Sociology*, Vol. 46, No. 1, 623–648.

16. *Minbaeva, D.B., A. Ledeneva, M. Muratbekova-Touron & S. Horak.* (2023). *Explaining the persistence of informal institutions: The role of informal networks*. *Academy of Management Review*, 48 (3), 556–574. DOI: 10.5465/amr.2020.0224.

17. *Tavares, A.F., S.M. Pires & F. Teles.* (2021). *Voice, responsiveness, and alternative policy venues: An analysis of citizen complaints against the local government to the national ombudsman*. *Public Administration*, 100 (1). DOI: 10.1111/padm.12787.

18. *Tong, H. & J. Kang.* (2021). *Relationships between noise complaints and socio-economic factors in England*. *Sustainable Cities and Society*, 65 (4), 102573. DOI: 10.1016/j.scs.2020.102573.

19. *Wacquant, L.* (2022). *Rethinking the city with Bourdieu's trialectic*. *City*, 26, 1–11. DOI:10.1080/13604813.2022.2125181.

20. *Wichowsky, A., P. Shah & A. Heideman.* (2022). *Call and response? Neighborhood inequality and political voice*. *Urban Affairs Review*, Vol. 58, No. 4, 1182–1197. DOI: 10.1177/10780874211021327.

About Author

Abdulaev, Arsen Dzhaparovich (Moscow, Russia) – postgraduate student, intern researcher at the HSE Laboratory of Economic and Sociological Research (11, Myasnitckaya Str., Moscow, 101000, Russia). E-mail: arsen.abdulaev@yandex.ru.

Поступила в редколлегию 09.09.2024.

После доработки 13.11.2024.

Принята к публикации 20.11.2024.

© Абдулаев А.Д., 2025

УДК 330.332.21

Регион: экономика и социология, 2025, № 2 (126), с. 113–140

И.В. Митрофанова, О.А. Чернова, М.В. Плешакова

**ВЛИЯНИЕ ИНВЕСТИЦИЙ В ОСНОВНОЙ
КАПИТАЛ НА ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ
РЕГИОНАЛЬНОГО СОЦИОХОЗЯЙСТВЕННОГО
КОМПЛЕКСА
(НА ПРИМЕРЕ ЮЖНОГО МАКРОРЕГИОНА)**

До настоящего времени остается дискуссионным вопрос о том, являются ли инвестиции драйвером инновационного развития, какие факторы и условия обеспечивают достижение ожидаемых инновационных эффектов. Цель данного исследования состоит в изучении взаимосвязи между инвестициями в основной капитал и показателями инновационного развития региона. Объектом исследования являются регионы Юга России. Источником информации послужили панельные данные Федеральной службы государственной статистики по регионам ЮФО за период с 2005 по 2022 г. В работе использованы сравнительный и корреляционный анализ.

Авторами выдвигаются гипотезы: 1) инвестиционно-инновационная деятельность в условиях кризисов активизируется в тех регионах, которые имеют высокие показатели социально-экономического развития; 2) существует положительная взаимосвязь между инвестициями и инновациями на уровне регионов, при этом для субъектов, имеющих более высокие показатели социально-экономического развития, данная связь выражается сильнее.

Результаты исследования в целом подтвердили гипотезу о том, что связь между инвестициями в основные фонды и инновационной деятельностью сильнее проявляется в регионах, характеризующихся высоким уровнем социально-экономического развития. В отношении второй гипотезы полученные результаты проведенного анализа неоднозначны, что

не позволяет полностью подтвердить или опровергнуть предположение о наличии положительной взаимосвязи между инвестициями в основные фонды и показателями инновационного развития регионов. Различия в силе и направленности связи между показателями инвестиционной и инновационной деятельности объясняются отраслевой спецификой социохозяйственных комплексов регионов, а также спецификой региональных факторов и условий. Сделан вывод о том, что для стимулирования инновационных процессов в регионах необходима государственная поддержка технологического обновления производства за счет инвестиций в новые высокоэффективные технологии.

Ключевые слова: инвестиционная деятельность; инновации; региональное развитие; технологическое обновление; инвестиции в основные фонды; инвестиционная политика; Юг России

Для цитирования: Митрофанова И.В., Чернова О.А., Плешакова М.В. Влияние инвестиций в основной капитал на инновационное развитие регионального социохозяйственного комплекса (на примере Южного макрорегиона) // Регион: экономика и социология. – 2025. – № 2 (126). – С. 113–140. DOI: 10.15372/REG20250205.

ВВЕДЕНИЕ

Сложившийся геополитический ландшафт ставит перед российской экономикой задачи повышения технологической независимости и наращивания инновационного потенциала отечественной промышленности. С учетом капиталоемкого характера современных технологий для решения этих задач требуются значительные инвестиции в производственные мощности. Инвестиции служат двигателем инновационного роста, создавая мультипликативный эффект и стимулируя развитие смежных отраслей [7]. Инновационное развитие экономики, как подчеркивает Л.-Д. Раду, должно поддерживаться государственными и частными инвестициями [36]. Однако, как показывают исследования, рост инвестиций не всегда ведет к повышению инновационного потенциала.

За последние 10 лет объемы инвестиций в российской экономике выросли более чем в 2 раза. Однако доля инновационных товаров, работ и услуг за этот же период изменилась незначительно: с 4,8%

в 2010 г. до 5,1% в 2022 г.¹ Некоторые исследователи предполагают, что инвестиции вытесняют расходы на научные исследования и разработки, ослабляя инновационные возможности предприятий, поскольку из-за высокорискового характера инноваций инвестиции осуществляются в расширение, а не в обновление производства [13; 25]. Затраты на научные исследования также не гарантируют технологическое обновление и генерирование новых знаний, если процесс создания и ввода новых технологий организован неэффективно [11]. Соответственно, возникает вопрос о том, существует ли корреляция между инвестициями в основной капитал и показателями инновационной деятельности. Ответ на этот вопрос важен при поиске направлений эффективного развития региональных социальноэкономических комплексов, поскольку позволяет понять взаимосвязи между факторами, определяющими такое развитие.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Достаточно много ученых исследуют взаимосвязи между инвестициями и инновациями, а также факторы и условия, которые обеспечивают положительное влияние инвестиций на инновации [7; 17; 32; 33]. Так, Р. Чжан и Б. Ли уделяют внимание личностным качествам членов совета директоров, определяющих инновационную стратегию компании [43]. Р. Дэн, Ц. Ло и Б. Хэ считают, что государственные субсидии являются эффективным инструментом стимулирования инвестиций в инновации, особенно в контексте смягчения негативного воздействия факторов, ограничивающих конкурентные отношения [16].

В то же время ученые выражают обеспокоенность тем, что инвестиции в инновации, осуществляемые государством, ведут к созданию «инновационных пузырей», – чрезмерно оптимистическими прогнозами относительно потенциала новых продуктов [11; 42]. Поэтому ожидается, что инновационный эффект от частных инвестиций будет более значительным, однако государственные инвестиции в образование могли бы способствовать развитию региональных инновационных сетей [29].

¹ См.: *Регионы России: Социально-экономические показатели. 2023: Стат. сб.* / Росстат. – М., 2023. – 1126 с.

Согласно Ш. Лю, эффективность инвестиций в инновации зависит от распределения финансовых активов [28]. Причем преобладание краткосрочных финансовых активов сдерживает инвестиции в инновации, тогда как долгосрочные активы способствуют инновациям, повышая их устойчивость к риску [44]. Т. Гао и его соавторы утверждают, что инвестиции крупных технологических компаний всегда связаны с инновациями, объясняя это стремлением таких компаний к технологической синергии и наличием накопленных знаний [19].

Некоторые ученые считают, что в периоды экономических кризисов ослабление финансовых возможностей предприятий и значительный предпринимательский риск препятствуют инвестициям в инновации [20; 31; 39]. И наоборот, другие исследователи отмечают, что компании предпочитают инвестировать в инновации в период кризисов, чтобы обеспечить долгосрочную жизнеспособность своей деятельности и адаптироваться к изменяющимся рыночным условиям, что было очевидно, например, во время пандемии COVID-19 [15; 26; 30].

Рассматривая взаимосвязь между инновациями и инвестициями, ученые предлагают различные методические подходы к ее оценке. Например, Ц. Се и К. Чжоу используют метод *difference in differences* (разность разностей) для анализа изменений в инновационных результатах воздействий инвестиций, осуществляемых в разные периоды времени [40]. Сравнительный анализ с использованием методов описательной статистики используется Ю.С. Пиньковецкой и В.В. Слеповой при рассмотрении влияния инвестиций в основной капитал на инновационную деятельность малых и средних предприятий [34]. Ф. Гатто, С. Даниотти и И. Ре для оценки влияния инвестиций на региональные инновации применяют многокритериальный анализ принятия решений, измеряя данное влияние в проекции оказания экономических, социальных и технологических воздействий [21].

Исследователи используют и более сложные подходы для изучения региональных инновационных тенденций. Так, М.Л. Кричевский и Ю.А. Мартынова применяют методы машинного обучения для оценки инвестиционной активности в различных регионах и выявления влияющих на нее факторов [23].

Однако чаще всего исследователи используют методы корреляционно-регрессионного анализа, поскольку они позволяют количественно оценить связь между инвестициями и инновациями, отражая силу влияния отдельных факторов, а также прогнозировать результаты принимаемых инвестиционных решений. Так, И.А. Баев и И.А. Соловьева формируют корреляционное поле зависимости между показателями инновационной и инвестиционной активности, рассчитываемыми как интегральные индексы, отмечая при этом значительную дифференциацию регионов по характеру проявляемых связей [1]. Корреляционный анализ для исследования взаимосвязи инвестиций и инноваций использует А.А. Хасанова, считая, что, согласно теории контрактов, ее отражают контракты на финансирование НИОКР [12]. И.Л. Беилин применяет методы регрессионного анализа при изучении структуры и динамики инвестирования в основной капитал организаций нефтегазовых регионов для поиска путей их инновационного развития [2]. Используя методы оценки панельных данных, И. Попеску и ее соавторы исследуют, в какой мере инвестиции генерируют региональные инновации в регионах ЕС [35].

Ученые отмечают сильное влияние контекстуальных факторов на характер связей инвестиций и инноваций [3; 22; 41], придавая особое значение инфраструктурной подсистеме социальноэкономического комплекса региона, поскольку она обеспечивает развитие сетевых взаимодействий для реализации отношений промышленного симбиоза [5; 6; 27; 37].

Существующее многообразие точек зрения на взаимосвязь между инвестициями и инновациями, а также на роль различных факторов в этой взаимосвязи указывает на отсутствие ясности в данном вопросе и предполагает необходимость проведения дальнейших исследований.

Цель настоящей статьи состоит в изучении взаимосвязи между инвестициями в основной капитал и показателями инновационного развития региона. Под региональным социальноэкономическим комплексом понимается социально-экономическая система, сформированная сосредоточенными в пространственных рамках региона ресурсами, а также объектами производственной и социальной инфраструктуры, взаимосвязи и взаимодействия между которыми обеспечивают региональное развитие [9; 38]. Объектом исследования являются регионы

Юга России, инновационное развитие которых имеет важное стратегическое значение для укрепления технологического суверенитета страны в силу их географического положения.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В большинстве теоретических концепций доминирует идея о том, что инвестиции оказывают значительное влияние на показатели инновационного развития социоэкономического комплекса региона. Поддерживая это утверждение, мы предполагаем, что инвестиционная и инновационная деятельность активизируется во время кризисов в регионах с высоким уровнем социально-экономического развития. Регионы с низкими социально-экономическими показателями характеризуются более низким уровнем инвестиций и инноваций. Это первая гипотеза, представленная в данном исследовании.

Вторая гипотеза заключается в том, что существует положительная взаимосвязь между инвестициями в основные фонды и показателями инновационного развития регионов. Однако сила этой связи зависит от социально-экономического положения региона.

Для проверки первой гипотезы были использованы методы сравнительного анализа и анализа временных рядов. Для характеристики уровня социально-экономического и инвестиционно-инновационного развития южнороссийских регионов были проанализированы показатели рейтингов регионов по итогам 2022 г.², а также данные Росстата³.

² См.: *Рейтинг* социально-экономического положения регионов по итогам 2022 года. – URL: <https://riarating.ru/infografika/20230515/630241787.html> ; *Рейтинг* инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 8. / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, С.В. Бредихин и др.; под ред. Л.М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2023. – 260 с.; *X Ежегодная оценка инвестиционной привлекательности регионов России*. – URL: https://www.ra-national.ru/wp-content/uploads/2022/12/region_invest_2022.pdf ; *Инвестиционная привлекательность регионов: рокировка позиции в новых условиях*. – URL: https://gaexpert.ru/researches/regions/invest_regions_2023/ .

³ См.: *Регионы России: Социально-экономические показатели. 2023: Стат. сб.* / Росстат. – М., 2023. – 1126 с.

Для проверки второй гипотезы проведен корреляционный анализ. При этом в качестве показателей, характеризующих уровень инновационного развития регионов, рассматривались износ основных фондов, внутренние затраты на НИР, инновационная активность, затраты на инновации, объем инновационных товаров. Данные показатели традиционно используются исследователями для оценки результативности инновационных процессов в регионе [8; 10].

При проведении анализа использованы данные по регионам Южного федерального округа за период 2005–2022 гг., который включает как годы относительной стабильности, так и годы финансового кризиса 2008–2009 гг. и коронакризиса, что позволяет изучить взаимосвязь инвестиций и инноваций в различных экономических условиях.

Для исключения влияния цены использован алгоритм, предложенный М. Ли с соавторами, согласно которому скорректированные показатели инвестиций в основные фонды, а также затраты на НИР и на инновации рассчитывались как номинальное значение показателя, деленное на соответствующий индекс-дефлятор [24]. За базовый был взят 2005 г.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Общая характеристика уровня социально-экономического и инвестиционно-инновационного развития южнороссийских регионов.

Регионы Юга России различаются по уровню социально-экономического развития, что отражено в ежегодных рейтингах, данные по которым представлены в табл. 1.

Несмотря на некоторые различия в оценках, очевидно, что Краснодарский край и Ростовская область с агропромышленной специализацией и высоким уровнем диверсифицированности экономики занимают лидирующие позиции в рейтингах регионов России. Показатели социально-экономического положения старопромышленных регионов – Волгоградской и Астраханской областей, Республики Крым несколько ниже. Аграрные регионы – Республика Адыгея и Республика Калмыкия демонстрируют самые низкие показатели соци-

Таблица 1

**Положение южнороссийских регионов в рейтингах
социально-экономического развития регионов России за 2022 г.**

Регион	Место в рейтинге			
	Рейтинг социально-экономического положения регионов	Рейтинг инновационного развития регионов	Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов (НРА)	Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов («Эксперт РА»)
Республика Адыгея	74	64	53 (IC5)	Очень низкий уровень (С)
Астраханская обл.	57	60	37 (IC4)	Умеренный уровень (В3)
Республика Калмыкия	83	76	84 (IC9)	Очень низкий уровень (С)
Краснодарский край	7	34	28 (IC4)	Умеренно высокий уровень (А1)
Республика Крым	38	65	67 (IC6)	Умеренно низкий уровень (В2)
Волгоградская обл.	30	43	56 (IC5)	Низкий уровень (В1)
Ростовская обл.	15	21	35 (IC4)	Умеренно низкий уровень (В2)

Источник: составлено авторами на основе данных рейтинговых агентств.

ально-экономического развития и инновационно-инвестиционной активности.

Анализируя показатели инвестиционной и инновационной деятельности в южнороссийских регионах за период с 2005 по 2022 г., можно отметить, что всем регионам присущ относительно стабильный рост объемов инвестиций в основные фонды (рис. 1). Резкий рост инвестиций в Краснодарском крае в 2013 г. связан с подготовкой и проведением Олимпийских игр. Можно отметить, что кризисные

Влияние инвестиций в основной капитал на инновационное развитие регионального социоэкономического комплекса (на примере Южного макрорегиона)

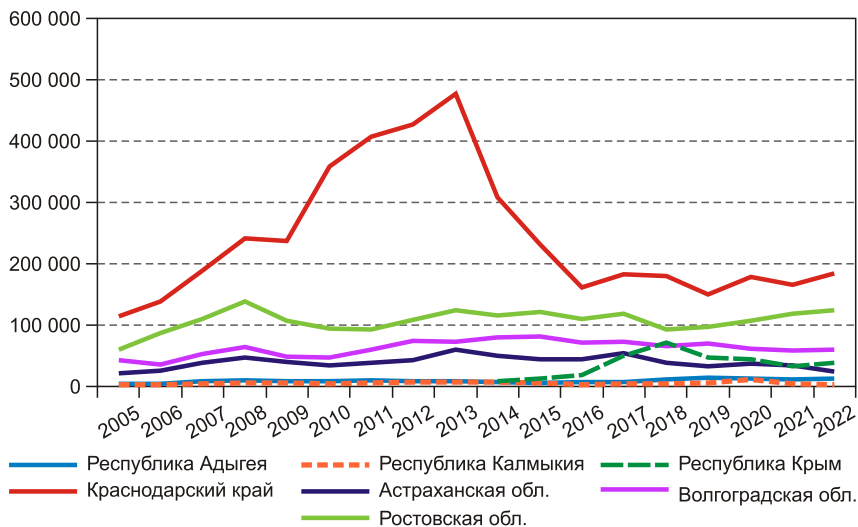

Рис. 1. Инвестиции в основной капитал в регионах ЮФО (в ценах, приведенных к 2005 г.), млн руб.

Источник: составлено авторами по данным Росстата

явления не оказали существенного влияния на инвестиционную активность предприятий и организаций Юга России.

Однако в отношении инвестиций в технологические инновации наблюдается другая тенденция (рис. 2). Как видно из рис. 2, последствия мирового финансового кризиса привели (с учетом временного лага) к росту инвестиций в инновационные технологии в южнороссийских регионах с высоким социально-экономическим потенциалом. Несмотря на значительные колебания объемов инвестиций в течение рассматриваемого периода, тем не менее наблюдается четкая тенденция роста затрат на инновации в периоды кризисов, вызванных введением экономических санкций и пандемией COVID-19. Для Астраханской области, республик Адыгея, Калмыкия и Крым в целом характерны стабильно низкие затраты на инновации. Стоит также отметить снижение инвестиционно-инновационной активности в Волгоградской области начиная с 2014 г.

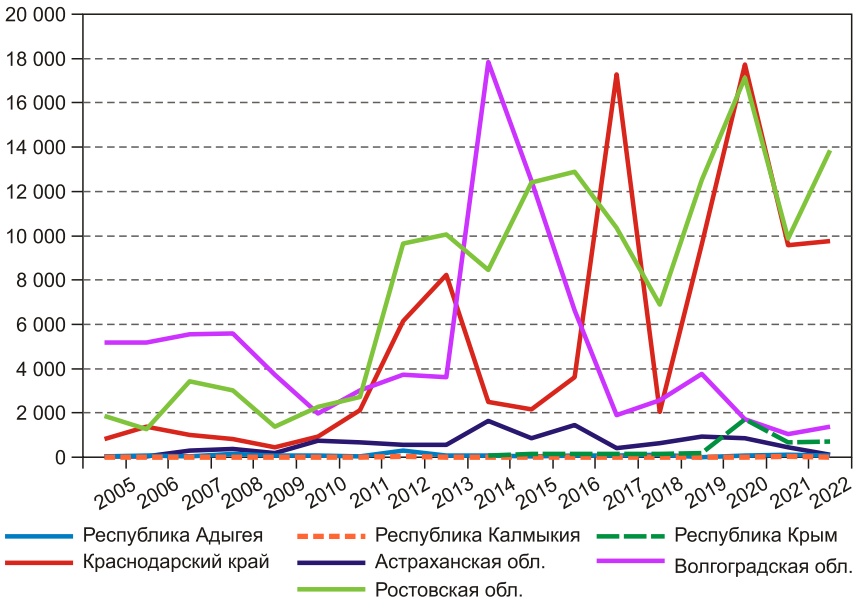

Рис. 2. Затраты на инновации в регионах ЮФО (в ценах, приведенных к 2005 г.), млн руб.

Источник: составлено авторами по данным Росстата

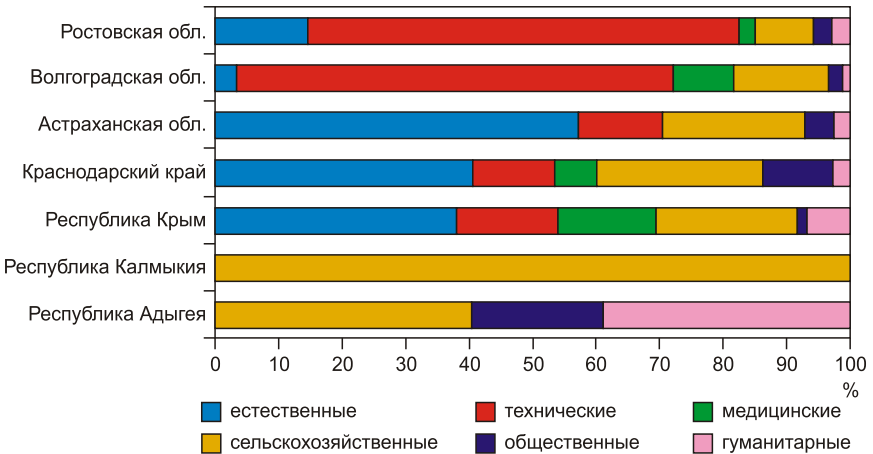

Рис. 3. Структура затрат на научные исследования и разработки по областям науки в регионах ЮФО в 2022 г., %

Источник: составлено авторами по данным Росстата

Значительные различия в регионах существуют и в отношении структуры затрат на научные исследования и разработки (рис. 3). Регионы с более высоким уровнем социально-экономического развития, как правило, имеют более широкий спектр направлений научных исследований с преобладанием естественной и технической сфер. Регионы с более низким социально-экономическим потенциалом инвестируют в сельскохозяйственное направление, что связано с их отраслевой специализацией.

Анализ взаимосвязи между инвестициями и инновациями в экономике южнороссийских регионов⁴. Для каждого региона ЮФО для получения представления о силе и направлении связи между инвестициями в основные фонды (независимой переменной) и показателями инновационной деятельности (зависимыми переменными) был рассчитан коэффициент корреляции Пирсона. Результаты расчетов (табл. 2) указывают на значительные различия в силе взаимосвязей между исследуемыми параметрами в разных регионах. Ожидается в большинстве регионов наблюдается обратная связь между инвестициями в основные фонды и уровнем их износа, и наиболее сильно она проявляется в Республике Калмыкии.

За исключением Астраханской области, для остальных регионов ЮФО характерна довольно сильная зависимость между инвестициями в основные фонды и внутренними затратами на НИР. Однако в отношении других показателей имеется существенный разброс в оценках силы и направления связи. В частности, хотя, по-видимому, существует обратная зависимость между объемом инвестиций в основные фонды и величиной внутренних затрат на НИР, эти инвестиции довольно сильно взаимосвязаны с другими показателями инновационной деятельности.

Аналогично в Ростовской области наблюдается взаимосвязь между инвестициями в основные фонды и показателями затрат на инновации, а также объемом производимых инновационных товаров и услуг. Между тем для Волгоградской области, у которой относительно высокая зависимость показателей инвестиционной и инновационной деятельности, существует ярко выраженная обратная связь

⁴ Расчеты для Республики Крым не проводились по причине недостаточности данных для выполнения анализа.

Таблица 2

Коэффициент корреляции Пирсона, характеризующий взаимосвязи между показателем инвестиций в основные фонды и показателями инновационной деятельности в регионах ЮФО

Регион	Износ основных фондов	Внутренние затраты на НИР	Инновационная активность	Затраты на инновации	Объем инновационных товаров
Республика Адыгея	-0,230	0,396	-0,003	-0,003	-0,168
Республика Калмыкия	0,464	0,458	0,232	0,195	0,002
Краснодарский край	-0,282	0,168	-0,089	-0,147	-0,399
Астраханская обл.	0,040	-0,372	0,447	0,431	0,380
Волгоградская обл.	0,249	0,528	-0,758	0,433	-0,312
Ростовская обл.	0,082	0,214	0,146	0,414	0,520

Источник: рассчитано авторами.

инвестиций в основные фонды и уровня инновационной активности, а также значимая обратная связь с объемом производимых товаров и услуг.

Результаты корреляционного анализа, отражающие связи между показателями инвестиционной и инновационной деятельности в регионах ЮФО, приведены в табл. 3. Для характеристики силы связи использовалась традиционно применяемая экономистами шкала Чеддока [18]. Сильная связь идентифицировалась при значении коэффициента корреляции выше 0,70, при значении коэффициента корреляции от 0,31 до 0,69 – как средняя, при значении коэффициента корреляции ниже 0,30 – как незначительная. Знак «+» или «-» отражает направление связи.

Проведенный анализ показал, что прямые значимые связи между инвестициями в основные фонды и объемом производства инновационной продукции существуют только в Астраханской и Ростовской областях. Причем в Ростовской области связь инвестиций с показателем инновационной активности предприятий и организаций незначительна, тогда как в Астраханской области она довольно заметна.

Таблица 3

Взаимосвязи между инвестиционной и инновационной деятельностью в регионах ЮФО

Показатель	Инвестиции в основной капитал	Износ основных фондов	Внутренние затраты на НИР	Инновационная активность	Затраты на инновации	Объем инновационных товаров
<i>Республика Адыгея</i>						
Инвестиции в основной капитал	1					
Износ основных фондов	-0,230	1				
Внутренние затраты на НИР	0,396	-0,147	1			
Инновационная активность	-0,003	-0,029	-0,178	1		
Затраты на инновации	-0,003	-0,376	0,080	-0,029	1	
Объем инновационных товаров	-0,168	0,122	0,244	-0,159	-0,208	1
<i>Республика Калмыкия</i>						
Инвестиции в основной капитал	1					
Износ основных фондов	0,464	1				
Внутренние затраты на НИР	0,458	-0,289	1			
Инновационная активность	0,232	0,516	-0,335	1		
Затраты на инновации	0,194	0,288	0,005	0,232	1	
Объем инновационных товаров	0,002	0,383	-0,284	0,530	0,414	1

Продолжение табл. 3

Показатель	Инвестиции в основной капитал	Износ основных фондов	Внутренние затраты на НИР	Инновационная активность	Затраты на инновации	Объем инновационных товаров
<i>Краснодарский край</i>						
Инвестиции в основной капитал	1					
Износ основных фондов	-0,282	1				
Внутренние затраты на НИР	0,168	0,179	1			
Инновационная активность	-0,089	-0,172	-0,033	1		
Затраты на инновации	-0,147	0,460	0,163	0,191	1	
Объем инновационных товаров	-0,399	0,260	-0,252	0,663	0,555	1
<i>Астраханская обл.</i>						
Инвестиции в основной капитал	1					
Износ основных фондов	0,040	1				
Внутренние затраты на НИР	-0,372	-0,370	1			
Инновационная активность	0,447	-0,241	-0,408	1		
Затраты на инновации	0,431	0,140	-0,375	0,320	1	
Объем инновационных товаров	0,380	-0,060	-0,222	0,471	0,777	1

Влияние инвестиций в основной капитал на инновационное развитие регионального
социальноэкономического комплекса (на примере Южного макрорегиона)

Окончание табл. 3

Показатель	Инвестиции в основной капитал	Износ основных фондов	Внутренние затраты на НИР	Инновационная активность	Затраты на инновации	Объем инновационных товаров
<i>Волгоградская обл.</i>						
Инвестиции в основной капитал	1					
Износ основных фондов	0,249	1				
Внутренние затраты на НИР	0,528	0,080	1			
Инновационная активность	-0,758	-0,174	-0,322	1		
Затраты на инновации	0,433	-0,014	0,543708	-0,140	1	
Объем инновационных товаров	-0,312	-0,536	-0,128	0,010	-0,202	1
<i>Ростовская обл.</i>						
Инвестиции в основной капитал	1					
Износ основных фондов	0,082	1				
Внутренние затраты на НИР	0,214	0,296	1			
Инновационная активность	0,146	0,674	-0,185	1		
Затраты на инновации	0,414	0,774	0,421	0,411	1	
Объем инновационных товаров	0,520	0,668	0,314	0,432	0,852	1

Примечание: зеленым цветом выделены сильные связи, серым – несущественные связи, желтым – средневыраженные связи.

Источник: рассчитано авторами.

В Волгоградской области имеется обратная связь между инвестициями в основные фонды и объемом производства инновационных товаров, а также инновационной активностью, причем для последней она ярко выраженная. Для Краснодарского края, отличающегося высоким уровнем социально-экономического развития и инновационной активности, связь инвестиций в основной капитал и инновационной деятельности является несущественной.

Еще один неожиданный вывод заключается в том, что во всех регионах отсутствует значимая связь между инвестициями в основные фонды и уровнем их износа, тогда как предполагалось, что внедрение инноваций приведет к использованию более новых технологий и замене устаревшего оборудования. Более того, в Республике Калмыкии и Ростовской области связь между инвестициями и износом фондов является прямой.

Среди всех рассматриваемых факторов наиболее значимыми являются связи между затратами на инновации и объемом производимой инновационной продукции. Связь между внутренними затратами на НИР и объемом производимых инновационных товаров заметна только в Ростовской области. Связь между инновационной активностью и инновационным производством отмечается только в Республике Калмыкии, Астраханской и Ростовской областях.

ОБСУЖДЕНИЕ

Первая гипотеза – о том, что инвестиционная и инновационная деятельность в условиях кризисов активизируется в тех регионах, которые имеют высокие показатели социально-экономического развития, в целом подтвердилась, о чем свидетельствуют данные, характеризующие динамику показателей инвестиционно-инновационной деятельности в регионах ЮФО. По мнению авторов, такая тенденция обусловлена тем, что в условиях кризиса регионы активизируют инновационные процессы, чтобы ограничить негативное влияние внешних факторов на производственные процессы, одновременно повышая их эффективность. Регионы с низким социально-экономическим потенциалом испытывают нехватку ресурсов, необходимых для инноваций, и, чтобы выжить в кризисные времена, направляют свои инвестиции на поддержание текущей деятельности и решение крат-

косрочных проблем. При этом инвестиции в инновации для этих регионов могут оказаться неэффективными, поскольку низкий уровень технологической зрелости производства может привести к отвлечению дефицитных ресурсов на нежизнеспособные зомби-проекты, еще более ухудшая региональную бизнес-среду [14].

Что касается второй гипотезы, то результаты анализа являются неоднозначными, и это не позволяет полностью подтвердить или опровергнуть предположение о наличии положительной взаимосвязи между инвестициями в основные фонды и инновационными процессами, а также о том, что сила данной взаимосвязи определяется уровнем социально-экономического развития региона. Так, анализ парной корреляции не выявил такой взаимосвязи в большинстве регионов ЮФО. Это было справедливо как для регионов с высоким уровнем инвестиционной привлекательности и инновационного развития, так и для регионов с более низким социально-экономическим статусом. Однако в случае Ростовской области связь инвестиционных и инновационных показателей развития оказалась существенной. Кроме того, в ряде регионов наблюдаются обратные связи между показателями инвестиций и инноваций. Наиболее существенная взаимосвязь прослеживается между затратами на инновации и объемом производимой инновационной продукции.

Таким образом, можно констатировать, что инвестиции в основные фонды не обязательно будут оказывать существенное влияние на инновационное развитие, что можно объяснить следующими причинами.

Во-первых, эти инвестиции могут быть не интегрированными с передовыми технологиями или не быть направлены на инновационное развитие предприятия. Так, для ряда отраслей экономики характерно быстрое устаревание основных фондов, что приводит к инвестициям в их капитальный ремонт, техническое обслуживание, а не к инновациям. Процесс обновления фондов обусловлен не внедрением новых технологий, а необходимостью замены устаревшего оборудования на близкого типа технику. Соответственно, высокая доля таких отраслей в социально-экономических комплексах регионов приводит к низкой зависимости инвестиций в основные фонды и показателей инновационного развития.

Во-вторых, существует временной лаг между инвестиционными вложениями и их отдачей в виде получения эффектов от инновационной деятельности. Следует отметить, что на скорость проявления данной связи будет влиять также отраслевая специфика регионов, поскольку некоторые отрасли, требуя больших капиталовложений, имеют длительный период их окупаемости [2]. Одновременно стоит заметить, что наблюдаемая в большинстве регионов обратная связь между показателями затрат на научные исследования и инновационной деятельностью также может быть отражением наличия временного лага, необходимого для проявления результатов инвестиций.

Наконец, третьей причиной может являться неразвитость в регионе факторов и условий для осуществления инновационной деятельности. В частности, как отмечает А.Ц. Долгунова, формальное стратегическое планирование, которое не в полной мере учитывает имеющийся в регионе ресурсный потенциал, приводит к тому, что инвестиционные планы не соответствуют целям инновационного развития, закрепляя устаревшие технологии [4].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты данного исследования позволяют по-новому взглянуть на проблему взаимосвязи инвестиций и инноваций и сформулировать следующий вывод, имеющий важное значение для региональных правительств. В условиях низкого уровня технологического развития производственных мощностей предприятий социохозяйственного комплекса региона и их низкой инвестиционной привлекательности дефицитные региональные ресурсы направляются на реализацию проектов, которые поддерживаются не за счет их собственной эффективности, а за счет государственных субсидий и займов. В этом контексте представляется необходимым государственное стимулирование (налоговое, кредитное и др.) региональных компаний к осуществлению проектов технологического обновления производства, а политика субсидирования инвестиций в основные фонды может оказать контрпродуктивное влияние на инновационное развитие социохозяйственных комплексов регионов.

Основным ограничением настоящего исследования является то, что анализ влияния инвестиций в основные фонды на инновационное

развитие регионов проведен на небольшом числе регионов с преимущественно аграрно-промышленной специализацией. Возможно, для регионов другого типа результаты анализа были бы иными. Тем не менее данное исследование имеет важное теоретическое и практическое значение. Оно позволяет глубже понять сложную взаимосвязь между инвестиционными решениями и инновационными процессами в регионе. С практической точки зрения полученные выводы могут помочь в установлении приоритетов реализации региональной инвестиционной политики.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Минобрнауки России (Соглашение № 075-15-2024-528 от 24.04.2024 г. на реализацию КНИП по приоритетным направлениям научно-технологического развития)

Список источников

1. Баев И.А., Соловьева И.А. Эмпирический анализ взаимосвязи инвестиционной и инновационной активности регионов России // Экономика региона. – 2014. – № 1. – С. 147–155.
2. Беллин И.Л. Инвестиции в основной капитал нефтегазового региона как индикатор его готовности к финансовому эмбарго и трансформации глобального энергетического баланса // Финансы: теория и практика. – 2024. – № 28 (3). – С. 157–173. DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-3-157-173.
3. Вязкина И.В. Инвестиционное обеспечение социально-экономического развития в контексте рыночных преобразований российской экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2017. – Т. 13, № 11. – С. 2132–2151. DOI: 10.24891/ni.13.11.2132.
4. Долгунова А.Ц. Оценка влияния инвестиций в основной капитал на экономический рост северных субъектов Российской Федерации // Статистика и экономика. – 2023. – № 20 (6). – С. 35–47. DOI: 10.21686/2500-3925-2023-6-35-47.
5. Дорошенко Ю.А., Малыгина И.О., Широкий И.В. Формирование инновационной инфраструктуры региона как основа его эффективного развития // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2023. – № 2 (99). – С. 45–54. DOI: 10.21295/2223-5639-2023-2-45-54.
6. Дорошенко Ю.А., Павлова И.Г. Инновационная инфраструктура как драйвер развития региона // Экономический вектор. – 2021. – № 4 (27). – С. 87–92. DOI: 10.36807/2411-7269-2021-4-27-87-92.
7. Малыгина И.О. Исследование взаимосвязи и взаимозависимости инновационной и инвестиционной деятельности // Вестник УрФУ. Сер.: Экономика и управление. – 2019. – Т. 18, № 6. – С. 854–873. DOI: 10.15826/vestnik.2019.18.6.041.

8. *Минат В.Н.* Инновационный потенциал и инновационная активность региональных инновационных систем штатов Юга США // Вестник НГУЭУ. – 2021. – № 2. – С. 153–167. DOI: 10.34020/2073-6495-2021-2-153-167.
9. *Монархов Д.О.* Теоретические основы социально-экономической системы региона // Научные исследования и разработки. Экономика. – 2021. – № 2 (50). – С. 11–14. DOI: 10.12737/2587-9111-2021-9-2-11-14.
10. *Резнакова М., Стефанова С.* Новые показатели инновационной активности в моделях экономического роста // Конкурентоспособность. – 2022. – № 14 (3). – С. 153–172. DOI: 10.7441/joc.2022.03.09.
11. *Сухарев О.С.* Управление технологическим замещением: основные режимы // Управление. – 2024. – Т. 15, № 2. – С. 66–78. DOI: 10.29141/2218-5003-2024-15-2-5.
12. *Хасанова А.А.* Взаимосвязь инвестиций и инноваций: микро-, макро- и мегауровни // Вестник Омского университета. Сер.: Экономика. – 2013. – № 2. – С. 79–88.
13. *Cai G., Zhang X., Yang H.* Capacity utilization shifting or resource-seeking? Benefits for Chinese enterprises participating in the Belt and Road Initiative // Emerging Markets Review. – 2023. – Vol. 54. – 100997. DOI: 10.1016/j.ememar.2023.100997.
14. *Chen S., Ren M., Li Ch.* The value discovery of foreign direct investment: Based on the study of the crowding-out effect of zombie enterprises on investment // Journal of Innovation & Knowledge. – 2024. – Vol. 9, iss. 1. – 100461. DOI: 10.1016/j.jik.2024.100461.
15. *Dejardin M., Raposo M.L., Ferreira J.J., Fernandes C.I., Veiga P.M., Farinha L.* The impact of dynamic capabilities on SME performance during COVID-19 // Review of Managerial Science. – 2023. – Vol. 17, No. 5. – P. 1703–1729. DOI: 10.1007/s11846-022-00569-x.
16. *Deng R., Luo J., He B.* Enterprise innovation efficiency and government subsidies: Perspectives based on international investment rules // Finance Research Letters. – 2024. – Vol. 65. – 105604. DOI: 10.1016/j.frl.2024.105604.
17. *Drapkin I., Vasilyeva R., Kandalintseva A.* Determinants of high-tech export: evidence from a crosscountry analysis // R-Economy. – 2024. – Vol. 10 (1). – P. 41–54. DOI: 10.15826/recon.2024.10.1.003.
18. *Floyd J.E.* Statistics for Economists: A Beginning. – Toronto: University of Toronto, 2010. – 292 p.
19. *Gao T., Wang Sh., Chen B., Yang L.* The impact of big tech corporate venture capital investments on innovation: Evidence from the equity investment market // China Economic Review. – 2024. – Vol. 83. – 102111. DOI: 10.1016/j.chieco.2023.102111.
20. *Garrido-Prada P., Romero-Jordán D., Delgado-Rodríguez M.* Exploring SMEs' innovation investment strategy to increase innovation output in economic crises // Journal of Engineering and Technology Management. – 2024. – Vol. 72. – 101816. DOI: 10.1016/j.jengtecman.2024.101816.
21. *Gatto F., Daniotti S., Re I.* Driving green investments by measuring innovation impacts: Multi-criteria decision analysis for regional bioeconomy growth // Sustainability. – 2021. – Vol. 13. – 11709. DOI: 10.3390/su132111709.

22. *Kijek T., Kijek A., Matras-Bolibok A.* Innovation and regional development // *Innovation and Regional Technological Convergence*. – Cham: Springer, 2023. DOI: 10.1007/978-3-031-24531-2_2.

23. *Krichevsky M., Martynova J.* Assessment of investment activity in the regions // *TEM Journal*. – 2020. – Vol. 9, iss. 3. – P. 844–851. DOI: 10.18421/TEM93-02.

24. *Li M., Hao Zh., Luan M., Li H., Cao G.* The impact of innovation investment volatility on technological innovation of enterprises in different life cycles // *Mathematical Problems in Engineering*. – 2021. – Vol. 2021, iss. 1. – 2442071. DOI: 10.1155/2021/2442071.

25. *Liang W., Wang Y., Hou L.* Does private equity investment influence enterprise innovation strategy? // *Finance Research Letters*. – 2023. – Vol. 58, part D. – 104593. DOI: 10.1016/j.frl.2023.104593.

26. *Lim K., Morris D.* Business optimism and the innovation-profitability nexus: Introducing the COVID-19 adaptable capacity framework // *Research Policy*. – 2023. – Vol. 52, iss. 1. – 104623. DOI: 10.1016/j.respol.2022.104623.

27. *Liu H., Li W., Jiang J., Zhang Q.* Regional innovation ecosystem and local firms' outward foreign direct investment: an empirical study based on symbiosis perspective. 2024. DOI: 10.1080/09537325.2024.2304224. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09537325.2024.2304224> (дата обращения: 03.02.2025).

28. *Liu Sh.* The influence of financial asset allocation on the innovation and investment of high-tech enterprises // *Finance Research Letters*. – 2024. – Vol. 62, part A. – 105138. DOI: 10.1016/j.frl.2024.105138.

29. *Liu Z., Chen Sh., Tang T., Luo H., Guan Q.* How public education investment and advanced human capital structure affect regional innovation: A spatial econometric analysis from the perspective of innovation value chain // *Socio-Economic Planning Sciences*. – 2024. – Vol. 91. – 101800. DOI: 10.1016/j.seps.2023.101800.

30. *Magrinos S., Harris L.* Crisis induced CSR innovation: CSR implementation in B2B firms before and after COVID-19 // *Industrial Marketing Management*. – 2023. – Vol. 115. – P. 44–56.

31. *Naumov I.V., Krasnykh S.S.* Scenario forecasting of the dynamics of Russian production technologies using spatial SAR models // *R-Economy*. – 2024. – Vol. 10 (1). – P. 5–20. DOI: 10.15826/recon.2024.10.1.001.

32. *Nikitaeva A.Yu., Chernova O.A., Molapisi L.* Smart territories as a driver for the transition to sustainable regional development and green economy // *R-Economy*. – 2022. – Vol. 8 (2). – P. 120–134. DOI: 10.15826/recon.2022.8.2.010.

33. *O'Connell V., AbuGhazaleh N., Tahat Y., Whelan G.* The impact of R&D innovation success on the relationship between R&D investment and financial leverage // *Journal of Open Innovation Technology Market and Complexity*. – 2022. – Vol. 8, iss. 3. – 129. DOI: 10.3390/joitmc8030129.

34. *Pinkovetskaia I., Slepova V.* Estimation of fixed capital investment in SMEs: the existing differentiation in the Russian Federation // *Business Systems Research Journal*. – 2018. – Vol. 9, No. 1. – P. 65–78. DOI: 10.2478/bsrj-2018-0006.

35. *Popescu I.A., Reis Mourao P., Bilan Y.* Innovation, cooperation and spillover effects in European regions // *Journal of Business Economics and Management*. – 2023. – Vol. 24 (5). – P. 818–840. DOI: 10.3846/jbem.2023.19890.
36. *Radu L.-D.* Investments in technological innovations: A literature review of organization determinants // *European Scientific Journal*. – 2015. – Vol. 1. – P. 52–59.
37. *Sheng Y., Yang X., Chih Y.-Y., Zhang J.* Foreign direct investment spillovers and regional innovation in China: The spatial moderating role of absorptive capacity // *Review of Development Economics*. – 2024. – Vol. 28, iss. 4. – P. 1803–1837. DOI: 10.1111/rode.13122.
38. *Sonis M.* Complex socio-economic systems in regional science // *Tool Kits in Regional Science: Advances in Spatial Science* / Ed. by M. Sonis, G. Hewings. – Berlin; Heidelberg: Springer, 2009. – P. 5–68. DOI: 10.1007/978-3-642-00627-2_2.
39. *Trunschke M., Peters B., Czarnitzki D., Rammer C.* Pandemic effects: Do innovation activities of firms suffer from long COVID? // *Research Policy*. – 2024. – Vol. 53, iss. 7. – 105024. DOI: 10.1016/j.respol.2024.105024.
40. *Xie J., Zhou K.* Investments and innovation with non-rival inputs: Evidence from Chinese artificial intelligence startups // SSRN. – 2022. – URL: <https://ssrn.com/abstract=4570164> (дата обращения: 03.02.2025).
41. *Yun T.* Review of science and technology innovation policies in major innovative-oriented countries in response to the COVID-19 pandemic // *Biosafety and Health*. – 2023. – Vol. 5, iss. 1. – P. 8–13. DOI: 10.1016/j.bsheal.2022.12.001e.
42. *Zhang J., Jiang J.* Investment deregulation and innovation performance of Chinese private firms // *Journal of Financial Stability*. – 2024. – Vol. 70. – 101207. DOI: 10.1016/j.jfs.2023.101207.
43. *Zhang R., Li B.* Board team faultlines and enterprise innovation investment // *Finance Research Letters*. – 2024. – Vol. 66. – 105601. DOI: 10.1016/j.frl.2024.105601.
44. *Zheng P., Li Zh., Zhuang Z.* The impact of COVID-19 on corporate digital innovation in China: A study based on the DDD model // *Finance Research Letters*. – 2024. – Vol. 59. – 104754. DOI: 10.1016/j.frl.2023.104754.

Информация об авторах

Митрофанова Инна Васильевна (Россия, Ростов-на-Дону, Волгоград) – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Лаборатории региональной экономики ФИЦ ЮНЦ РАН (344006, Ростов-на-Дону, просп. Чехова, 41); профессор кафедры экономической теории, региональной экономики и предпринимательства Волгоградского государственного университета (400062, Волгоград, просп. Университетский, 100). E-mail: mitrofanova@volsu.ru.

Чернова Ольга Анатольевна (Россия, Ростов-на-Дону) – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры информационной

экономики Южного федерального университета (344002, Ростов-на-Дону ул. М. Горького, 88). E-mail: chernova.olga71@yandex.ru.

Плешакова Марина Владимировна (Россия, Москва) – кандидат экономических наук, доцент департамента экономики и управления Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета (115191, Москва, 2-й Тульский пер., 4). E-mail: pmv23@list.ru.

DOI: 10.15372/REG20250205

Region: Economics & Sociology, 2025, No. 2 (126), p. 113–140

I.V. Mitrofanova, O.A. Chernova, M.V. Pleshakova

**THE IMPACT OF INVESTMENTS IN FIXED CAPITAL
ON THE INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE REGIONAL
SOCIO-ECONOMIC COMPLEX (USING THE EXAMPLE
OF THE SOUTHERN MACROREGION)**

To date, the question of whether investments are a driver of innovative development, what factors and conditions ensure the achievement of the expected innovative effects remains debatable. The purpose of this study is to investigate the relationship between investment in fixed assets and indicators of innovation development in the region. The object of the study is the regions of the South of Russia. The source of information was panel data from the Federal State Statistics Service for the regions of the Southern Federal District for the period from 2005 to 2022. The research employs comparative and correlation analysis.

The authors put forward the following hypotheses: 1) investment and innovation activities in times of crisis are activated in those regions that have high indicators of socio-economic development; 2) there is a positive relationship between investments and innovations at the regional level, while for entities with higher indicators of socio-economic development, this relationship is expressed more strongly.

The results of the study generally confirmed the hypothesis that the relationship between investments in fixed assets and innovation is manifested more strongly in regions with a high level of socio-economic development. With regard to the second hypothesis, the results of the analysis are ambiguous,

which does not allow us to fully confirm or refute the assumption that there is a positive relationship between investments in fixed assets and indicators of innovative development of regions. The difference in strength and orientation between the indicators of investment and innovation activity is explained by the sectoral specifics of the socio-economic complexes of the regions, as well as the specifics of regional factors and conditions. It is concluded that in order to stimulate innovative processes in the regions, state support for the technological renewal of production through investments in new highly effective technologies is necessary.

Keywords: investment activity; innovation; regional development; technological renewal; investments in fixed assets; investment policy; South of Russia

For citation: *Mitrofanova, I.V., O.A. Chernova & M.V. Pleshakova. (2025). Vliyanie investitsiy v osnovnoy kapital na innovatsionnoe razvitiye regionalnogo sotsiohozyaystvennogo kompleksa (na primere Yuzhnogo makroregiona) [The impact of investments in fixed capital on the innovative development of the regional socio-economic complex (using the example of the Southern macroregion)]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (126), 113–140. DOI: 10.15372/REG20250205.*

The publication was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Agreement No. 075-15-2024-528 of 24.04.2024 on the implementation of large-scale research projects within the priority areas of scientific and technological development)

References

1. *Bayev, I.A. & I.A. Solovyova. (2014). Empiricheskiy analiz vzaimosvyazi investitsionnoy i innovatsionnoy aktivnosti regionov Rossii [Empirical analysis of the relationship of investment and innovative activity of regions of Russia]. Ekonomika regiona [Economy of Regions], 1, 147–155.*
2. *Beilin, I.L. (2024). Investitsii v osnovnoy kapital neftegazovogo regiona kak indikator ego gotovnosti k finansovomu embargo i transformatsii globalnogo energeticheskogo balansa [Investment in fixed capital of the oil and gas region as an indicator of its readiness for the financial embargo and transformation of the global energy balance]. Finansy: teoriya i praktika [Finance: Theory and Practice], 28 (3), 157–173. DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-3-157-173.*

3. *Vyakina, I.V.* (2017). Investitsionnoe obespechenie sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya v kontekste rynochnykh preobrazovaniy rossiyskoy ekonomiki [Investment support to social and economic development in the context of market-oriented reforms of Russia's economy]. *Natsionalnye interesy: priority i bezopasnost* [National Interests: Priorities and Security], Vol. 13, No. 11, 2132–2151. DOI: 10.24891/ni.13.11.2132.

4. *Dolgunova, A.Ts.* (2023). Otsenka vliyaniya investitsiy v osnovnoy kapital na ekonomicheskoy rost severnykh subyektov Rossiyskoy Federatsii [Assessment of the impact of investments in fixed capital on the economic growth of the northern regions of the Russian Federation]. *Statistika i ekonomika* [Statistics and Economics], 20 (6), 35–47. DOI: 10.21686/2500-3925-2023-6-35-47.

5. *Doroshenko, Yu.A., I.O. Malykhina & I.V. Shirokiy.* (2023). Formirovanie innovatsionnoy infrastruktury regiona kak osnova ego effektivnogo razvitiya [Formation of innovative infrastructure of the region as the basis of its effective development]. *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava* [Herald of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law], 2 (99), 45–54. DOI: 10.21295/2223-5639-2023-2-45-54.

6. *Doroshenko, Yu.A. & I.G. Pavlova.* (2021). Innovatsionnaya infrastruktura kak drayver razvitiya regiona [Innovative infrastructure as a driver of regional development]. *Ekonomicheskyy vektor* [Economic Vector], 4 (27), 87–92. DOI: 10.36807/2411-7269-2021-4-27-87-92.

7. *Malykhina, I.O.* (2019). Issledovanie vzaimosvyazi i vzaimozavisimosti innovatsionnoy i investitsionnoy deyatel'nosti [Research of interrelation and interdependence of innovative and investment activities]. *Vestnik UrFU. Ser.: Ekonomika i upravlenie* [Bulletin of Ural Federal University. Series: Economics and Management], Vol. 18, No. 6, 854–873. DOI: 10.15826/vestnik.2019.18.6.041.

8. *Minat, V.N.* (2021). Innovatsionnyy potentsial i innovatsionnaya aktivnost regionalnykh innovatsionnykh sistem shtatov Yuga SShA [Innovative capacity and innovative activity of regional systems of the southern states of the USA]. *Vestnik NGUEU* [Vestnik NSUEM], 2, 153–167. DOI: 10.34020/2073-6495-2021-2-153-167.

9. *Monarkhov, D.O.* (2021). Teoreticheskie osnovy sotsialno-ekonomicheskoy sistemy regiona [Theoretical foundations of the socio-economic system of the region]. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Ekonomika* [Economic Development Research Journal], 2 (50), 11–14. DOI: 10.12737/2587-9111-2021-9-2-11-14.

10. *Reznakova, M. & S. Stefanova.* (2022). Novye pokazateli innovatsionnoy aktivnosti v modelyakh ekonomicheskogo rosta [New indicators of innovation activity in economic growth models]. *Konkurentosposobnost* [Competitiveness], 14 (3), 153–172. DOI: 10.7441/joc.2022.03.09.

11. *Sukharev, O.S.* (2024). Upravlenie tekhnologicheskim zameshcheniem: osnovnye rezhimy [Technological substitution: The key control models]. *Upravlenets* [The Manager], Vol. 15, No. 2, 66–78. DOI: 10.29141/2218-5003-2024-15-2-5.

12. *Khasanova, A.A.* (2013). Vzaimosvyaz investitsiy i innovatsiy: mikro-, makro- i megaurovni [The relationship of investment and innovation: Micro-, macro- and mega-level]. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser.: Ekonomika* [Vestnik of Omsk University. Economics Series], 2, 79–88.

13. *Cai, G., X. Zhang & H. Yang.* (2023). Capacity utilization shifting or resource-seeking? Benefits for Chinese enterprises participating in the Belt and Road Initiative. *Emerging Markets Review*, 54. 100997. DOI: 10.1016/j.ememar.2023.100997.

14. *Chen, S., M. Ren & Ch. Li.* (2024). The value discovery of foreign direct investment: Based on the study of the crowding-out effect of zombie enterprises on investment. *Journal of Innovation & Knowledge*, Vol. 9, Iss. 1, 100461. DOI: 10.1016/j.jik.2024.100461.

15. *Dejardin, M., M.L. Raposo, J.J. Ferreira, C.I. Fernandes, P.M. Veiga & L. Farinha.* (2023). The impact of dynamic capabilities on SME performance during COVID-19. *Review of Managerial Science*, Vol. 17, No. 5, 1703–1729. DOI: 10.1007/s11846-022-00569-x.

16. *Deng, R., J. Luo & B. He.* (2024). Enterprise innovation efficiency and government subsidies: Perspectives based on international investment rules. *Finance Research Letters*, 65, 105604. DOI: 10.1016/j.frl.2024.105604.

17. *Drapkin, I., R. Vasilyeva & A. Kandalintseva.* (2024). Determinants of high-tech export: evidence from a crosscountry analysis. *R-Economy*, 10 (1), 41–54. DOI: 10.15826/recon.2024.10.1.003.

18. *Floyd, J.E.* (2010). *Statistics for Economists: A Beginning*. Toronto, University of Toronto, 292.

19. *Gao, T., Sh. Wang, B. Chen & L. Yang.* (2024). The impact of big tech corporate venture capital investments on innovation: Evidence from the equity investment market. *China Economic Review*, 83, 102111. DOI: 10.1016/j.chieco.2023.102111.

20. *Garrido-Prada, P., D. Romero-Jordán & M. Delgado-Rodríguez.* (2024). Exploring SMEs' innovation investment strategy to increase innovation output in economic crises. *Journal of Engineering and Technology Management*, 72, 101816. DOI: 10.1016/j.jengtecman.2024.101816.

21. *Gatto, F., S. Daniotti & I. Re.* (2021). Driving green investments by measuring innovation impacts: Multi-criteria decision analysis for regional bioeconomy growth. *Sustainability*, 13, 11709. DOI: 10.3390/su132111709.

22. *Kijek, T., A. Kijek & A. Matras-Bolibok.* (2023). Innovation and regional development. In: *Innovation and Regional Technological Convergence*. Cham, Springer. DOI: 10.1007/978-3-031-24531-2_2.

23. *Krichevsky, M. & J. Martynova.* (2023). Assessment of investment activity in the regions. *TEM Journal*, Vol. 9, Iss. 3, 844–851. DOI: 10.18421/TEM93-02.

24. *Li, M., Zh. Hao, M. Luan, H. Li & G. Cao.* (2021). The impact of innovation investment volatility on technological innovation of enterprises in different life cycles. *Mathematical Problems in Engineering*, Vol. 2021, Iss. 1, 2442071. DOI: 10.1155/2021/2442071.

25. *Liang, W., Y. Wang & L. Hou.* (2023). Does private equity investment influence enterprise innovation strategy? *Finance Research Letters*, Vol. 58, Part D, 104593. DOI: 10.1016/j.frl.2023.104593.

26. *Lim, K. & D. Morris.* (2023). Business optimism and the innovation-profitability nexus: Introducing the COVID-19 adaptable capacity framework. *Research Policy*, Vol. 52, Iss. 1, 104623. DOI: 10.1016/j.respol.2022.104623.

27. *Liu, H., W. Li, J. Jiang & Q. Zhang.* (2024). Regional innovation ecosystem and local firms' outward foreign direct investment: an empirical study based on symbiosis perspective. DOI: 10.1080/09537325.2024.2304224. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09537325.2024.2304224> (date of access: 03.02.2025).

28. *Liu, Sh.* (2024). The influence of financial asset allocation on the innovation and investment of high-tech enterprises. *Finance Research Letters*, Vol. 62, Part A, 105138. DOI: 10.1016/j.frl.2024.105138.

29. *Liu, Z., Sh. Chen, T. Tang, H. Luo & Q. Guan.* (2024). How public education investment and advanced human capital structure affect regional innovation: A spatial econometric analysis from the perspective of innovation value chain. *Socio-Economic Planning Sciences*, Vol. 91, 101800. DOI: 10.1016/j.seps.2023.101800.

30. *Magrizos, S. & L. Harris.* (2023). Crisis induced CSR innovation: CSR implementation in B2B firms before and after COVID-19. *Industrial Marketing Management*, 115, 44–56.

31. *Naumov, I.V. & S.S. Krasnykh.* (2024). Scenario forecasting of the dynamics of Russian production technologies using spatial SAR models. *R-Economy*, 10 (1), 5–20. DOI: 10.15826/recon.2024.10.1.001.

32. *Nikitaeva, A.Yu., O.A. Chernova & L. Molapisi.* (2022). Smart territories as a driver for the transition to sustainable regional development and green economy. *R-Economy*, 8 (2), 120–134. DOI: 10.15826/recon.2022.8.2.010.

33. *O'Connell, V., N. AbuGhazaleh, Y. Tahat & G. Whelan.* (2022). The impact of R&D innovation success on the relationship between R&D investment and financial leverage. *Journal of Open Innovation Technology Market and Complexity*, Vol. 8, Iss. 3, 129. DOI: 10.3390/joitmc8030129.

34. *Pinkovetskaia, I. & V. Slepova.* (2018). Estimation of fixed capital investment in SMEs: the existing differentiation in the Russian Federation. *Business Systems Research Journal*, Vol. 9, No. 1, 65–78. DOI: 10.2478/bsrj-2018-0006.

35. *Popescu, I.A., P. Reis Mourao & Y. Bilan.* (2023). Innovation, cooptation and spillover effects in European regions. *Journal of Business Economics and Management*, 24 (5), 818–840. DOI: 10.3846/jbem.2023.19890.

36. *Radu, L.-D.* (2015). Investments in technological innovations: A literature review of organization determinants. *European Scientific Journal*, 1, 52–59.

37. *Sheng, Y., X. Yang, Y.-Y. Chih & J. Zhang.* (2024). Foreign direct investment spillovers and regional innovation in China: The spatial moderating role of absorptive capacity. *Review of Development Economics*, Vol. 28, Iss. 4, 1803–1837. DOI: 10.1111/rode.13122.

38. *Sonis, M.* (2009). Complex socio-economic systems in regional science. In: M. Sonis, G. Hewings (Eds.). *Tool Kits in Regional Science: Advances in Spatial Science*. Berlin & Heidelberg, Springer, 5–68. DOI: 10.1007/978-3-642-00627-2_2.

39. *Trunschke, M., B. Peters, D. Czarnitzki & C. Rammer.* (2024). Pandemic effects: Do innovation activities of firms suffer from long COVID? *Research Policy*, Vol. 53, Iss. 7, 105024. DOI: 10.1016/j.respol.2024.105024.

40. Xie, J. & K. Zhou. (2022). Investments and innovation with non-rival inputs: Evidence from Chinese artificial intelligence startups. SSRN. Available at: <https://ssrn.com/abstract=4570164> (date of access: 03.02.2025).

41. Yun, T. (2023). Review of science and technology innovation policies in major innovative-oriented countries in response to the COVID-19 pandemic. *Biosafety and Health*, Vol. 5, Iss. 1, 8–13. DOI: 10.1016/j.bsheal.2022.12.001e.

42. Zhang, J. & J. Jiang. (2024). Investment deregulation and innovation performance of Chinese private firms. *Journal of Financial Stability*, 70, 101207. DOI: 10.1016/j.jfs.2023.101207.

43. Zhang, R. & B. Li. (2024). Board team faultlines and enterprise innovation investment. *Finance Research Letters*, 66, 105601. DOI: 10.1016/j.frl.2024.105601.

44. Zheng, P., Zh. Li & Z. Zhuang. (2024). The impact of COVID-19 on corporate digital innovation in China: A study based on the DDD model. *Finance Research Letters*, 59, 104754. DOI: 10.1016/j.frl.2023.104754.

About Authors

Mitrofanova, Inna Vasilievna (Rostov-on-Don, Volgograd, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher at the Laboratory of Regional Economics, Federal Research Centre Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (SSC RAS) (41, Chekhov Ave., Rostov-on-Don, 344006, Russia); Professor at the Department of Economic Theory, Regional Economics and Entrepreneurship, Volgograd State University (100, Universitetsky Ave., Volgograd, 400062, Russia). E-mail: mitrofanova@volsu.ru.

Chernova, Olga Anatolyevna (Rostov-on-Don, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Docent, Professor at the Department of Informational Economics, Southern Federal University (88, Maxim Gorky St., Rostov-on-Don, 344007, Russia). E-mail: chernova.olga71@yandex.ru.

Pleshakova, Marina Vladimirovna (Moscow, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor at the Department of Economics and Management, Institute of Economics, Management and Law, Moscow City Pedagogical University (4, 2nd Tulsy Lane, Moscow, 115191, Russia). E-mail: pmv23@list.ru.

Поступила в редколлегию 01.10.2024.

После доработки 03.02.2025.

Принята к публикации 07.02.2025.

УДК 336.132.11

Регион: экономика и социология, 2025, № 2 (126), с. 141–163

Д.А. Шатохин, Э.А. Титов, И.В. Петрова

СТРАТЕГИЯ И СЦЕНАРИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ИНИЦИАТИВНОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Цель исследования заключается в определении ключевых направлений и возможных путей внедрения цифровых инструментов в процесс инициативного бюджетирования в контексте повышения его эффективности, прозрачности и доступности для граждан и органов власти. В ходе исследования использовались системный подход, методы классификации и систематизации, методы оценок и научных абстракций, а также методы анализа и синтеза информации, метод глубинного интервью.

На основе российского опыта представлены результаты исследования в области цифровизации механизмов гражданского участия в государственном и муниципальном управлении. Рассмотрены цифровые решения, приводящие к преобразованиям в рамках инициативного бюджетирования, выявлены существующие барьеры и предложены методы их преодоления. Определены практические шаги к успешному внедрению цифровых технологий в эту сферу, а также разработана основа для формирования стратегических сценариев цифровизации. Рассмотрены и проанализированы ошибки, допускаемые при разработке стратегии развития цифровых решений в инициативах бюджетирования, с целью оптимизации будущих процессов и повышения их эффективности.

Главной задачей в области цифровизации инициативного бюджетирования в настоящее время является формирование стратегических подходов к его осуществлению с последовательной доработкой функционала порталов инициативного бюджетирования на основе федеральных и региональных стандартов цифровизации, инклюзии, безопасности данных

и эффективности цифровых решений. Материал исследования может быть использован при разработке подходов к согласованию отраслевых стратегических и программных документов, при составлении программных документов развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации, при внедрении цифровых решений в работу региональных центров компетенций по инициативному бюджетированию.

Ключевые слова: инициативное бюджетирование; цифровизация инициативного бюджетирования; порталы инициативного бюджетирования; стратегия цифровизации инициативного бюджетирования

Для цитирования: Шатохин Д.А., Титов Э.А., Петрова И.В. Стратегия и сценарии цифровизации инициативного бюджетирования в Российской Федерации // Регион: экономика и социология. – 2025. – № 2 (126). – С. 141–163. DOI: 10.15372/REG20250206.

ВВЕДЕНИЕ

Успешные практики вовлечения жителей в решение территориальных вопросов через цифровые платформы имеются в Российской Федерации, в странах Европы (преимущественно в городах-мегаполисах), в Республике Узбекистан (на национальном уровне), в Бразилии (на федеральном уровне), в Японии (на городском уровне). Есть примеры вовлечения отдельных категорий граждан (например, студентов) в практику партисипаторного бюджетирования с использованием цифровых платформ (Франция). Наиболее распространенной практикой реализации нескольких форм гражданского вовлечения на одной цифровой платформе является формирование экосистемы гражданского участия. Примеры таких экосистем – платформы вовлечения Парижа, Барселоны, Мадрида, в Российской Федерации это цифровые платформы Москвы, Ханты-Мансийского автономного округа и др.

Также имеются примеры цифровых платформ вовлечения, на которых реализуются исключительно практики инициативного бюджетирования. В Российской Федерации это платформы Новгородской области, Санкт-Петербурга, Республики Коми, Алтайского края и др.

Наиболее успешными среди таких платформ в других странах мира являются портал OpenBudget Республики Узбекистан, на котором реализуется национальная практика инициативного бюджетирования, платформы Хельсинки и Лиссабона, где реализуются практики городского партисипаторного бюджетирования.

Несмотря на прогресс в области цифровизации инициативного бюджетирования, остаются нерешенные проблемы, требующие дальнейших исследований и разработок. Опираясь на мнения и выводы различных авторов, можно утверждать, что развитие технологий в этой области будет базироваться на решении текущих проблем и на постоянной адаптации к новейшим техническим достижениям.

Интеграция и стандартизация цифровых инструментов остаются одними из ключевых вызовов. Различные государственные платформы сегодня предоставляют множество услуг и сервисов, при этом нет единых подходов и общих принципов, что путает граждан, подрывает их доверие к цифровым решениям. Необходимы унификация данных и формирование стандартов для обеспечения беспрепятственного обмена информацией на всех уровнях управления. Это не только повысит эффективность и прозрачность процессов, но и облегчит аналитическую работу, что приведет к более обоснованным и точным решениям.

Важной задачей для будущего развития цифровизации инициативного бюджетирования является повышение безопасности данных и конфиденциальности. Современные технологии, такие как блокчейн, предлагают многообещающие решения благодаря своей децентрализованной и защищенной природе. Однако даже при использовании таких инструментов необходимо выработать и имплементировать строгие нормы конфиденциальности, чтобы защитить личные данные граждан от несанкционированного доступа и использования. Это требует не только технических инноваций, но и правовых изменений на национальном уровне.

Настоящая статья является частью исследования, посвященного цифровизации взаимодействия граждан и органов власти за рубежом и в Российской Федерации.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В мире активно ведутся прикладные и теоретические исследования по вопросам развития цифровых платформ партисипаторного бюджетирования. И. Синтомер и его соавторы, выполнив сравнительный анализ практик партисипаторного бюджетирования в странах Европы, в том числе с использованием цифровых инструментов, пришли к выводу, что цифровые платформы повышают вовлеченность граждан, но их эффективность зависит от уровня цифровой грамотности населения и доступности технологий [17]. Б. Уомплер, исследовав кейсы партисипаторного бюджетирования в разных странах, включая использование цифровых технологий, подчеркивает, что цифровые платформы увеличивают географический охват, но могут снижать качество общественных дискуссий из-за отсутствия личного взаимодействия участников [18].

Исследование Б. Шина и его коллег представляет собой результат систематического анализа применяемых в разных странах цифровых инструментов для участия граждан в государственных инициативах. Авторы приходят к выводу, что цифровые инструменты имеют значительный потенциал для подобного рода гражданской инициативы, но их внедрение требует тщательного планирования и учета местных условий [16]. Дж. Лернер и Д. Секондо, исследуя опыт развития партисипаторного бюджетирования в Северной Америке, говорят о том, что для успешного применения цифровых инструментов в партисипаторном бюджетировании рекомендуется проводить обучение граждан для повышения их цифровой грамотности и обеспечения равного доступа к цифровым платформам [14]. В. Паласин с соавторами подчеркивают важность адаптации наиболее популярных цифровых инструментов под местные условия и потребности граждан и рекомендуют сочетать цифровые и традиционные методы участия для достижения максимальной инклюзивности [15].

Исследование Дж. Янга и его коллег основано на анализе существующих теорий и практик, связанных с цифровыми системами голосования и их ролью в партисипаторном бюджетировании [19]. Авторы акцентируют внимание на том, что цифровые системы голосования должны быть спроектированы с учетом принципов справедливости и легитимности, чтобы обеспечить доверие граждан. По их

мнению, цифровые платформы повышают прозрачность процессов партисипаторного бюджетирования, предоставляя гражданам доступ к информации о бюджете и проектах.

Масштабная работа «Civic Tech in the Global South: Assessing Technology for the Public Good», опубликованная Всемирным банком и медиакомпанией Personal Democracy Press, представляет собой сборник исследований, посвященных использованию гражданских технологий (civic tech) в странах Африки, Азии и Латинской Америки. Исследования основаны на анализе множества кейсов, где применялись цифровые инструменты для вовлечения граждан, с помощью методов сравнения различных подходов к использованию гражданских технологий. Материалы этих исследований дают возможность увидеть, что цифровые инструменты играют важную роль в вовлечении граждан в процессы принятия решений, особенно в странах с ограниченными ресурсами, где цифровые платформы позволяют участвовать в этих процессах гражданам, которые традиционно исключены из политических процессов (например, молодежь, женщины, малоимущие) [13].

Инициативное бюджетирование как один из элементов феномена развития гражданских финансов и его осмысление, в том числе с точки зрения цифровизации, рассматриваются В.В. Вагиным и В.А. Паксиваткиной [2]. И.В. Бегтин и его соавторы анализируют потенциал искусственного интеллекта и машинного обучения в обработке заявок и предложений от граждан, а также выделяют безопасность данных как одну из ключевых проблем [12]. В.В. Дербенева исследует цифровые процессы инициативного бюджетирования в России и предлагает механизмы улучшения их эффективности посредством внедрения блокчейн-технологий [4].

По мнению И.И. Смотрицкой и С.И. Черныха [10], а также С.А. Ревякина [9], интерактивные элементы цифровых технологий позволяют гражданам более активно участвовать в общественных обсуждениях и инициативах. С.А. Ревякин [8], А.Л. Гуринская и И.А. Мещерякова [3], К.И. Аубакирова и ее соавторы [1] подчеркивают, что высокая степень прозрачности государственных онлайн-платформ повышает доверие граждан к государственным институтам и мотивирует их к участию в различных формах гражданской активности. В дополнение к этому, исследования Д.Р. Муха-

метова [7] и С.А. Ивановой [5] показывают, что интерактивные инструменты, такие как онлайн-опросы и онлайн-голосования, делают процесс принятия решений более открытым и доступным для широких слоев населения, что в конечном итоге ведет к большей гражданской вовлеченности.

МЕТОДОЛОГИЯ И МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирической базой исследования послужили результаты опроса организаторов инициативного бюджетирования (144 респондента из 36 субъектов Российской Федерации, из них женщин – 76,4%, мужчин – 23,6%), а также глубинные интервью с 12 экспертами (представители власти – семь экспертов, государственных организаций – два, общественных организаций – два, научного сообщества – один). Опрос и интервью были проведены в феврале – марте 2024 г. Выборка респондентов – целевая, критериями отбора стали уровень компетентности и практический опыт в цифровой трансформации государственного управления и инициативного бюджетирования. Для проведения количественного опроса использовалась база контактов Центра инициативного бюджетирования НИФИ Минфина России. Онлайн-анкета была не анонимной и включала пять обязательных и три необязательных вопроса. Всего было получено 240 ответов, в итоговую выборку отобрано 144 респондента. Отсев поступивших ответов был произведен по следующим признакам: не полностью указаны ФИО и регион (11,7%), а также если респондентом дано больше 20% ответов «затрудняюсь ответить» (28,3%). Определение барьеров и мер осуществлялось через выражение экспертами согласия/несогласия с предложенными утверждениями, указание важности/неважности предлагаемых некоторых сценариев.

В исследовании были использованы законодательные и нормативные акты федерального и регионального уровней¹.

¹ См.: *Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»*. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/?ysclid=mls07jprpm424672343; *Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информа-*

Основой для исследования стали материалы Минцифры России², Минфина России³, портала государственных услуг Российской Федерации («Госуслуги») ⁴, портала «Моифинансы.рф»⁵, региональных порталов инициативного бюджетирования⁶ (всего проанализировано 24 портала), портала «Активный гражданин»⁷, Доклад о лучших

ционных технологиях и о защите информации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ ; *Федеральный закон* от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/?ysclid=m1s0k9x61h17695703 ; *Федеральный закон* от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023/?ysclid=m1s0sbfxlf974474734 ; *Указ* Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/?ysclid=m1s0u01ijc926481179 ; *Постановление* Правительства РФ от 10.10.2020 № 1646 (ред. от 18.03.2025) «О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий, финансовое обеспечение которых осуществляется (планируется осуществить) за счет средств федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов» (вместе с «Положением о формировании и введении реестра ИТ-расходов на создание, развитие, ввод в эксплуатацию, эксплуатацию и вывод из эксплуатации ИТ-активов, финансовое обеспечение которых осуществляется (планируется осуществить) за счет средств федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов», «Положением о ведомственных программах цифровой трансформации»). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_364874/ ; *Распоряжение* Правительства Российской Федерации от 16.03.2024 № 637-р «О стратегическом направлении в области цифровой трансформации государственного управления». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1305259154?marker=6540IN> ; и др.

² URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/> .

³ URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/budget/policy/proactive_bud?ysclid=m1s19j66m4668782859 .

⁴ URL: <https://www.gosuslugi.ru/?ysclid=lshr3gn6w9805150750> .

⁵ URL: <https://xn--80apaohbc3aw9e.xn--p1ai/iniativnoe-byudzhetrovanie/> .

⁶ URL: <https://xn--80adblbabq1bk1bi8r.xn--p1ai/?ysclid=m1s1nmpchb154236855> .

⁷ URL: <https://ag.mos.ru/home> .

практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях за 2023 г.⁸

В процессе исследования были применены системный подход, методы классификации и систематизации, методы оценивания и научной абстракции, а также методы анализа и синтеза данных.

ЦИФРОВЫЕ РЕШЕНИЯ В ИНИЦИАТИВНОМ БЮДЖЕТИРОВАНИИ

По данным, полученным в рамках мониторинга развития инициативного бюджетирования в Российской Федерации за 2024 г., имеется 29 интернет-порталов инициативного бюджетирования (среди них два интернет-портала по школьному инициативному бюджетированию и один интернет-портал молодежного инициативного бюджетирования), 36 страниц об инициативном бюджетировании в социальной сети «ВКонтакте», восемь Telegram-каналов, шесть страниц в «Одноклассниках», одна страница на блог-платформе «Дзен». Также в практике Алтайского края имеется мобильное приложение.

Представители 442 практик указали на использование различных цифровых решений (e-mail-рассылки, онлайн-календари, сервисы организации онлайн-опросов и проч.) в организации процессов инициативного бюджетирования. Так, практики с цифровыми решениями в процентном отношении к общему количеству практик инициативного бюджетирования составили 80,4% в 2023 г. При этом прямое участие граждан в инициативном бюджетировании через цифровые технологии остается на относительно низком уровне. В 2023 г. всего 57 региональных и муниципальных практик собирали проектные заявки с помощью цифровых решений и в 87 практиках проводились электронные голосования.

Имеющиеся цифровые решения в большинстве случаев направлены на информирование участников инициативного бюджетирования

⁸ URL: https://www.nifi.ru/images/FILES/IB/2024/Doklad_IB_2024_rus.pdf.

ния. Это подтвердили эксперты, участвовавшие в глубинных интервью. *«Сегодня наш сайт – это точка сборки нашего сопровождающего комплекса. Есть там отдельный раздел, где люди знают, что точно найдут необходимые формы документов, шаблонов, разъяснений. И все это в одном месте»*, – заявил один из респондентов, непосредственно работающий с интернет-порталом инициативного бюджетирования в субъекте Российской Федерации. Один из региональных экспертов отметил: *«Без системы (портала. – Прим. авт.), честно, даже себе не представляю, как бы мы сейчас сработали. Мне кажется, у нас вообще все на ней сосредоточено. Она максимально помогает нам информировать граждан»*.

Сотрудники Центра инициативного бюджетирования НИФИ Минфина России провели оценку зарубежных и российских интернет-порталов инициативного (партиципаторного) бюджетирования [11]. Был сделан вывод, что по удобству и имеющемуся функционалу российские интернет-порталы отстают от зарубежных аналогов. Также только восемь из 24 оцененных российских интернет-порталов инициативного бюджетирования превысили медианное значение оценки.

По мнению экспертов, для информирования широкой аудитории и повышения доверия граждан к инструменту лучше всего подходят социальные сети. Совокупная аудитория специализированных страниц об инициативном бюджетировании в социальной сети «ВКонтакте» составила 77 942 подписчика (на 12 июня 2024 г.).

На федеральном уровне информационной площадкой инициативного бюджетирования является портал «Моифинансы.рф» (раздел «Инициативное бюджетирование»). В 2024 г. посредством сервиса портала впервые осуществлялся мониторинг развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях. Также на портале проводится Всероссийский конкурс проектов инициативного бюджетирования.

Представители трех муниципальных практик инициативного бюджетирования (Уссурийского городского округа, городского окру-

га Спасск-Дальний Приморского края и городского округа Феодосия Республики Крым) заявили в анкете мониторинга о применении сервисами Платформы обратной связи (ПОС) на портале «Госуслуги» для проведения электронного голосования. В конце 2023 – начале 2024 г. состоялась пилотная апробация модуля «Инициативные проекты» в трех субъектах Российской Федерации: Ивановской, Калининградской областях и Красноярском крае.

Практики внедрения цифровых решений в процессы инициативного бюджетирования находятся на стадии раннего развития и обусловлены прежде всего развитием цифровых технологий и изменяющимися трендами в государственном и муниципальном управлении. Между тем предпринимаемые действия хаотичны, нет общепринятых рамок, принципов и правил, которые бы отражали специфику инструмента и способствовали достижению наибольшей эффективности при цифровизации инициативного бюджетирования.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ИНИЦИАТИВНОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ: БАРЬЕРЫ И МЕРЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Исходя из результатов, полученных в рамках количественного опроса, можно выделить пять суждений о цифровизации инициативного бюджетирования, которые стали наиболее популярными среди респондентов: высокие первоначальные затраты на внедрение цифровых технологий; недостаточное финансирование; отсутствие общих (единых) стандартов цифрового участия граждан в государственном и муниципальном управлении; сложность в межведомственном взаимодействии при разработке платформенных решений; неразвитая инфраструктура работы с цифровыми технологиями и нормативно-правовая неопределенность в сфере регулирования вопросов цифрового участия граждан в управлении.

Второй блок вопросов был связан с согласием/несогласием респондентов с предложенными суждениями о процессах цифровизации

инициативного бюджетирования. У респондентов преобладало мнение, что помимо цифрового участия граждан должны сохраняться альтернативные способы взаимодействия. Также популярными были суждения, связанные с тем, что появление платформенных решений упростит участие граждан в инициативном бюджетировании и повысится эффективность управления процессами инициативного бюджетирования.

Третий блок вопросов отразил мнение респондентов о распределении ответственности между уровнями органов власти и частными компаниями при разработке платформенных решений. Участники опроса делегируют ответственность в сфере разработки платформенных решений в большей степени федеральным органам власти. В особенности это касается вопросов обеспечения безопасности данных и разработки стандартов цифрового участия граждан. Региональным органам власти респонденты больше доверяют разработку архитектуры цифрового портала, а муниципальным органам власти – разработку дизайна цифрового портала. Однако суждение о разработке дизайна цифрового портала также лидирует в категории «Бизнес». Анализ ответов показал, что респонденты меньше всего готовы делегировать ответственность частным компаниям.

Далее респондентам были представлены суждения, которые связаны с мерами по развитию платформенных решений в инициативном бюджетировании. Самыми необходимыми стали меры по обеспечению безопасности сбора и обработки данных и по обучению сотрудников навыкам работы с цифровыми технологиями.

Последний блок вопросов был связан с определением значимости возможных барьеров при внедрении платформенных решений в инициативном бюджетировании. К самым значимым барьерам, исходя из ответов респондентов, можно отнести: дефицит в специалистах высокой квалификации – как внутренних, так и внешних; зависимость от российских разработчиков программного обеспечения и технологий; зависимость от поставок оборудования и технологий.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ШАГИ ПО ЗАПУСКУ ЦИФРОВЫХ РЕШЕНИЙ В ИНИЦИАТИВНОМ БЮДЖЕТИРОВАНИИ

Предложения на федеральном уровне. Общероссийский уровень предполагает формирование институциональных условий для внедрения цифровых инструментов в процессы инициативного бюджетирования. Прежде всего федеральный центр может внести дополнения и изменения в нормативные правовые акты, в документы стратегического характера, а также разработать и утвердить систему национальных стандартов (методических рекомендаций) в сфере цифрового (электронного) участия граждан в бюджетном процессе, внедрения цифровых решений в инициативное бюджетирование.

Для поддержки региональных и муниципальных проектов в области цифровизации инициативного бюджетирования может быть запущена программа предоставления субсидий (грантов) из федерального бюджета. Это позволит ускорить процессы и оперативнее приступить к цифровой трансформации инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации.

Одним из способов поддержки могут выступить содействие государственно-частному партнерству и создание федеральным центром условий для него – вовлечение частных компаний, занимающихся разработкой цифровых решений, в деятельность практик инициативного бюджетирования субъектов Российской Федерации. Например, к таким компаниям могут быть в последующем применены инструменты налогового стимулирования или льготного кредитования. Еще одним способом привлечения дополнительных финансовых средств для проведения цифровой трансформации могут выступить краудфандинговые механизмы и вовлечение самих жителей в создание новых инструментов для участия в инициативном бюджетировании [6].

Другим возможным решением в поддержке субъектов Российской Федерации может стать разработка сервиса для создания и технического обслуживания цифровых платформ инициативного бюджетирования (сервис с открытым исходным кодом). Сервис направлен на упрощение организации интернет-порталов региональных и (или) муниципальных практик инициативного бюджетирования. Прообразом сервиса может стать программа для автоматизации

деятельности предприятий «1С». Сервис должен предоставлять набор готовых компонентов, которые организаторы на местах могут адаптировать под свои модели и на их основе создавать условия для электронного участия граждан в инициативном бюджетировании. К основным конструируемым компонентам можно отнести:

- 1) подачу гражданином или инициативной группой проектного предложения;
- 2) отслеживание статуса проекта инициативного бюджетирования;
- 3) обсуждение проектных предложений;
- 4) онлайн-голосование, онлайн-опросы;
- 5) проведение онлайн-собраний, прямых эфиров;
- 6) публикацию новостных и информационных материалов;
- 7) мониторинг проектов инициативного бюджетирования;
- 8) поисковые системы.

Предложения на региональном и муниципальном уровнях.

Отправной точкой во внедрении цифровых решений в местных практиках инициативного бюджетирования можно считать разработку и утверждение документов стратегического характера, позволяющих осмыслить, структурировать и спланировать предпринимаемые действия, направленные на цифровизацию. К таким документам можно отнести стратегии цифровой трансформации, программы цифровизации, планы мероприятий (дорожные карты) по внедрению цифровых решений в инициативное бюджетирование и др. Содержание этих документов должно отражать стратегическое видение (цели, задачи, миссию), основные направления развития, пути достижения указанных в документах целей и выполнения соответствующих задач. Рекомендуется придерживаться инкрементального подхода, т.е. постепенно, пошагово наращивать сложность цифровых решений, направленных на цифровизацию инициативного бюджетирования. Это позволит снизить риски и легче адаптироваться к происходящим трансформациям.

Подготовка стратегических документов должна сопровождаться проведением ряда мероприятий с участием заинтересованных лиц, и прежде всего вовлекаемых в инициативное бюджетирование гражд-

дан. Это могут быть форсайт-сессии и научные исследования (экспертные интервью, опросы, эксперименты и проч.).

Кроме того, следует внести изменения в существующую нормативную правовую базу либо принять ряд новых документов, регулирующих внедрение цифровых решений в области инициативного бюджетирования и стимулирующих его организаторов их внедрять.

РАЗРАБОТКА ОСНОВЫ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ СЦЕНАРИЕВ ЦИФРОВИЗАЦИИ ИНИЦИАТИВНОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ

Следует обратить внимание на ошибки при формировании стратегии развития цифровых решений в сфере инициативного бюджетирования. Одна из серьезных ошибок на этапе формирования такой стратегии – ожидание, что цифровые решения способны полностью заменить многосоставный процесс коммуникации между гражданами и органами власти. При внедрении цифровых решений в сферу инициативного бюджетирования такая ошибка неизбежна. Уменьшить ее последствия позволят следующие способы:

1) сбалансированный подход при внедрении цифровых решений. Необходимо внедрять цифровые решения как дополнение к живой коммуникации, а не как ее замену. Они должны дополнять традиционные методы, а не подменять их;

2) пилотные проекты. Прежде чем масштабировать цифровое решение, можно выполнить пилотные проекты, с тем чтобы оценить его влияние на процесс коммуникации и участие граждан;

3) обучение и поддержка. Важно, чтобы у граждан были возможности «проб и ошибок», тестирования и обучения работе с цифровыми решениями. Это позволит сформировать интерес к использованию цифровых решений, доверие к ним и к тем, кто предлагает их использовать;

4) сочетание онлайн- и офлайн-форматов. Необходимо продолжать и в отдельных случаях активизировать живые встречи, дискуссии и общественные слушания наряду с онлайн-платформами для сбора предложений и голосования.

Второй ошибкой при формировании стратегии развития цифровых решений в сфере инициативного бюджетирования является отсутствие поставленных целей и задач внедрения (развития) цифровых решений, оценки рисков и последствий внедрения (развития) цифровых решений. Для минимизации последствий отсутствия целей и задач при внедрении или развитии цифровых решений, а также для эффективной оценки рисков и последствий на этапе их использования рекомендуется сформировать следующую систему шагов:

- 1) определить контрольный срок, по истечении которого необходимо будет провести анализ текущего состояния цифровых решений в сфере инициативного бюджетирования;
- 2) по результатам выполнения первого шага сформулировать цели и задачи внедрения или развития цифровых решений в сфере инициативного бюджетирования;
- 3) организовать запуск пилотного проекта цифровых решений, соответствующих сформулированным на втором шаге целям и задачам;
- 4) сформировать и реализовать систему мероприятий по управлению изменениями, которые произойдут в результате внедрения или развития цифровых решений в сфере инициативного бюджетирования.

Третьей ошибкой при формировании стратегии развития цифровых решений в сфере инициативного бюджетирования может стать отсутствие ясности в том, кто является пользователем цифровых решений в сфере инициативного бюджетирования. Эта ошибка может быть следствием того, что разработчики цифровых решений ориентируются на их технические возможности, не учитывая, какой функционал важен для пользователей. Данная ошибка может привести к тому, что будет создана система, с технической точки зрения функционирующая корректно и эффективно, однако при этом плохо воспринимаемая гражданами и, как следствие, не используемая ими. Не всегда при разработке цифровых решений существует возможность спрогнозировать идеальный портрет пользователя. Для минимизации последствий отсутствия знаний о пользователях цифровых

решений рекомендуется на этапе подведения итогов анализа текущего состояния цифровых решений в сфере инициативного бюджетирования определять целевую аудиторию. Такими пользователями могут быть граждане, представители органов власти, эксперты и консультанты в сфере инициативного бюджетирования, представители бизнес-сообщества.

Для формирования портрета пользователя ценным материалом могут послужить отзывы и комментарии, оставленные при использовании имеющихся цифровых решений или решений, сходных по функционалу и используемых в других сферах. На этом шаге также целесообразно взаимодействовать с потенциальными пользователями и сформировать тестовую группу, которая позволит на раннем этапе выявить слабые места или недочеты.

Четвертой ошибкой в формировании стратегии развития цифровых решений в сфере инициативного бюджетирования становится игнорирование возможности интеграции с существующими информационными системами и цифровыми решениями в смежных сферах. Это практически затрудняет связь с цифровыми решениями в смежных сферах, с информационными базами данных, и возможности, которые открываются при интеграции, могут оказаться невостребованными.

Пятая ошибка при формировании стратегии развития цифровых решений в сфере инициативного бюджетирования – отсутствие должного внимания к вопросам безопасности данных. Если рассматривать интеграцию цифровых решений в сфере инициативного бюджетирования с платежными системами, этот вопрос требует особой проработки на этапе стратегирования.

Шестой ошибкой при формировании стратегии развития цифровых решений в сфере инициативного бюджетирования является недостаточная гибкость цифровых решений. Это может привести к тому, что использование таких решений может стоить необоснованно дорого, а сами решения могут быстро устаревать на фоне сходных по функционалу решений в других сферах. В условиях высокой скорости старения технологий важным является создание гибких и поддающихся адаптации под новые условия цифровых решений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цифровизация инициативного бюджетирования создает возможности для повышения прозрачности и открытости бюджетного процесса, в реализацию которого вовлечены граждане. Использование цифровых решений помогает значительно ускорить обработку проектных заявок инициативных групп граждан и вывести взаимодействие различных органов управления и граждан на новый уровень. Цифровые решения обеспечивают новые возможности для получения гражданами информации о способах участия в планировании и расходовании бюджетных средств, для участия в обсуждениях, слушаниях и голосованиях.

Цифровые решения в сфере инициативного бюджетирования позволяют организовать более эффективную систему управления бюджетными ресурсами при автоматизации процессов анализа данных и мониторинга проектов инициативного бюджетирования. Это может способствовать более рациональному распределению средств и повышению ответственности за их использование.

Одновременно при рассмотрении вопросов внедрения или развития цифровых решений в сфере инициативного бюджетирования нельзя игнорировать ряд рисков, а именно связанных с такими аспектами, как:

- 1) последовательный характер осуществления разработки или доработки цифровых решений в сфере инициативного бюджетирования;
- 2) обеспечение защиты персональных данных пользователей цифровых решений в сфере инициативного бюджетирования при их участии в планировании и распределении бюджетных средств;
- 3) обучение пользователей работе с цифровыми решениями.

Разработка стратегии цифровизации инициативного бюджетирования не может не затронуть представления о подходах к минимизации влияния названных рисков на развитие инициативного бюджетирования. Соответственно, при разработке сценариев цифровизации инициативного бюджетирования следует учитывать социально-экономические особенности субъекта Российской Федерации, уровень цифровой и финансовой грамотности граждан, технологическую инфраструктуру в регионе.

В целом, переход к цифровизации инициативного бюджетирования открывает большие возможности для повышения качества управления бюджетным процессом с точки зрения открытости бюджетных данных и вовлечения граждан в этот процесс. Вместе с тем он требует аккуратного подхода к планированию этапов цифровизации и управлению ими.

Статья подготовлена по плану НИР «Теоретические и практические подходы к цифровизации практик инициативного бюджетирования» Центра инициативного бюджетирования НИФИ Минфина России в 2024 году

Список источников

1. Аубакирова К.И., Голубева А.А., Соколова Е.В. Мотивация электронного участия граждан в развитии города (на примере портала «Наш Санкт-Петербург») // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 263–290.
2. Вагин В.В., Паксиваткина В.А. Гражданские финансы // Финансовый журнал. – 2023. – Т. 15, № 1. – С. 45–57. DOI: 10.31107/2075-1990-2023-1-45-57.
3. Гуринская А.Л., Мецеракова И.А. Государственные платформенные сервисы: гражданское участие и институциональное доверие // Государство и граждане в электронной среде: Тр. XXIII Междунар. объединен. науч. конф. «Интернет и современное общество», IMS-2020, Санкт-Петербург, 17–20 июня 2020 г. – СПб.: Университет ИТМО, 2020. – Вып. 4. – С. 20–31. DOI: 10.17586/2541-979X-4-20-31.
4. Дербенева В.В. Электронное общественное участие как вектор развития инициативного бюджетирования // ЭКО. – 2020. – № 9 (555). – С. 90–113. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2020-9-90-113.
5. Иванова С.А. Анализ использования умных технологий для вовлечения населения в управление городскими процессами // Социально-экономический и гуманитарный журнал. – 2022. – № 2 (24). – С. 89–104. DOI: 10.36718/2500-1825-2022-2-89-104.
6. Казакова Н.Д., Денисова Ж.А. Технология краудсорсинга в государственном региональном управлении (на примере краудсорсинг-проектов правительства города Москвы) // Власть. – 2016. – Т. 24, № 4. – С. 21–28.
7. Мухаметов Д.Р. Модели платформ вовлечения граждан для создания в России умных городов нового поколения // Вопросы инновационной экономики. – 2020. – Т. 10, № 3. – С. 1605–1622. DOI: 10.18334/vinec.10.3.110683.
8. Ревякин С.А. О рекомендациях по конфигурации электронных платформ общественного участия: обзор российского и международного опыта // Вестник

Омского университета. Сер.: Экономика. – 2018. – № 3 (63). – С. 213–225. DOI: 10.25513/1812-3988.2018.3.213-225.

9. *Ревякин С.А.* Функциональность электронных платформ общественного участия: причем здесь социальные сети? // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2019. – № 3. – С. 88–106.

10. *Смотрницкая И.И., Черных С.И.* Современные тенденции цифровой трансформации государственного управления // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2018. – № 5. – С. 22–36. DOI: 10.24411/2073-6487-2018-00002.

11. *Тумов Э.А., Паксиваткина В.А.* Цифровые платформы участия граждан: российский и зарубежный опыт // *Ars Administrandi* (Искусство управления). – 2025. – Т. 17, № 1. – С. 111–132.

12. *Этика и «цифра»:* Этические проблемы цифровых технологий. – М.: РАНХиГС, 2020. – 207 с.

13. *Civic Tech in the Global South: Assessing Technology for the Public Good* / Ed. by T.S. Peixoto, L.S. Micah. – Washington, DC: World Bank and Personal Democracy Press, 2017. – 300 p. DOI: 10.1596/27947.

14. *Lerner J., Secondo D.* By the people, for the people: Participatory budgeting from the bottom up in North America // *Journal of Public Deliberation*. – 2012. – Vol. 8 (2). DOI: 10.16997/jdd.148.

15. *Palacin V., McDonald S., Aragón P., Nelimarkka M.* Configurations of digital participatory budgeting // *ACM Transactions of Computer-Human Interaction*. – 2024. – Vol. 31, iss. 2. – Article 28. DOI: 10.1145/3635144.

16. *Shin B., Floch J., Rask M., Baeck P., Edgar C., Berditchevskaia A., Mesure P., Branlat M.* A systematic analysis of digital tools for citizen participation // *Government Information Quarterly*. – 2024. – Vol. 41 (3). DOI: 10.1016/j.giq.2024.101954.

17. *Sintomer Y., Röcke A., Herzberg C.* Participatory Budgeting in Europe: Democracy and Public Governance. – Routledge, 2016. – 268 p. DOI: 10.4324/9781315599472.

18. *Wampler B.* Participatory budgeting: Core principles and key impacts // *Journal of Public Deliberation*. – 2012. – Vol. 8 (2). DOI: 10.16997/jdd.138.

19. *Yang J., Hausladen C., Peters D., Pournaras E., Hnggli Fricker R., Helbing D.* Designing digital voting systems for citizens: Achieving fairness and legitimacy in participatory budgeting // *Digital Government: Research and Practice*. – 2024. – Vol. 5, iss. 3. – Article 26. DOI: 10.1145/3665332.

Информация об авторах

Шатохин Дмитрий Александрович (Россия, Москва) – руководитель Дирекции инициативного бюджетирования в государственных программах НИФИ Минфина России (125375, Москва, Настасьинский пер., 3, стр. 2). E-mail: shatohin@nifi.ru.

Титов Эдуард Александрович (Россия, Москва) – эксперт Центра инициативного бюджетирования НИФИ Минфина России (125375, Москва, Настасьинский пер., 3, стр. 2). E-mail: etitov@nifi.ru.

Петрова Ирина Вениаминовна (Россия, Москва) – кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра инициативного бюджетирования НИФИ Минфина России (125375, Москва, Настасьинский пер., 3, стр. 2). E-mail: petrova@nifi.ru.

DOI: 10.15372/REG20250206

Region: Economics & Sociology, 2025, No. 2 (126), p. 141–163

D.A. Shatohin, E.A. Titov, I.V. Petrova

**STRATEGY AND SCENARIOS OF DIGITALIZATION
OF PARTICIPATORY BUDGETING
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

The purpose of the study is to identify key areas and possible ways to introduce digital tools in the process of participatory budgeting in order to improve its efficiency, transparency and accessibility for citizens and authorities. The research used a systematic approach, methods of classification and systematization, methods of assessments and scientific abstractions, as well as methods of analysis and synthesis of information and in-depth interview method.

Based on the Russian experience, the research results in the field of digitalization of mechanisms of civic participation in state and municipal governance are presented. Digital solutions leading to transformations in the framework of participatory budgeting are considered, existing barriers are identified and methods to overcome them are proposed. Practical steps to a successful implementation of digital technologies in this sphere are identified, and the basis for strategic scenarios of digitalization is developed. The authors reviewed and analyzed the mistakes made in developing a strategy for the development of digital solutions in budgeting initiatives in order to optimize future processes and improve their efficiency.

The main task in the field of digitalization of participatory budgeting at present is the formation of strategic approaches to its implementation, with consistent improvement of the functionality of portals of participatory budgeting based on federal and regional standards of digitalization, inclusion,

data security and efficiency of digital solutions. The research material can be used in the development of approaches to harmonize sectoral strategic and program documents, drafting program documents for the development of participatory budgeting in the constituent entities of the Russian Federation and implementing digital solutions in the work of regional competence centers for participatory budgeting.

Keywords: participatory budgeting; digitalization of participatory budgeting; portals of participatory budgeting; strategy of digitalization of participatory budgeting

For citation: *Shatohin, D.A., E.A. Titov & I.V. Petrova. (2025). Strategiya i stsenarii tsifrovizatsii initsiativnogo byudzhetrovaniya v Rossiyskoy Federatsii [Strategy and scenarios of digitalization of participatory budgeting in the Russian Federation]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (126), 141–163. DOI: 10.15372/REG20250206.*

*The article was prepared according to the research plan
“Theoretical and practical approaches to digitalization of proactive
budgeting practices” of the Participatory Budgeting Center of Financial
Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation
in 2024*

References

1. *Aubakirova, K.I., A.A. Golubeva & E.V. Sokolova. (2021). Motivatsiya elektronno go uchastiya grazhdan v razvitii goroda (na primere portala “Nash Sankt-Peterburg”)* [Motivation for citizen e-participation in urban development: The case of “Our St. Petersburg” portal]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Menedzhment. [Vestnik of Saint Petersburg University. Management], Vol. 20, No. 2, 263–290.*
2. *Vagin, V.V. & V.A. Paksivatkina. (2023). Grazhdanskie finansy [Civil finance]. Finansovyy zhurnal [Financial Journal], Vol. 15, No. 1, 45–57. DOI: 10.31107/2075-1990-2023-1-45-57.*
3. *Gurinskaya, A.L. & I.A. Meshcheryakova. (2020). Gosudarstvennye platformen nye servisy: grazhdanskoe uchastie i institutsionalnoe doverie [State platform services: institutional trust and civic participation]. In: Gosudarstvo i grazhdane v elektronnoy srede: Tr. XXIII Mezhdunar. obyedinen. nauch. konf. “Internet i sovremennoe obshchestvo”, IMS-2020. Sankt-Peterburg, 17–20 iyunya 2020 g. [State and Citizens in the Electronic Environment: Proceedings of the XXIII International Joint Scientific Conference “Internet and Modern Society”, IMS-2020, St. Petersburg, 2020, June 17–20], Iss. 4. St. Petersburg, ITMO University Publ., 20–31. DOI: 10.17586/2541-979X-4-20-31.*

4. *Derbeneva, V.V.* (2020). Elektronnoe obshchestvennoe uchastie kak vektor razvitiya initsiativnogo byudzhetrovaniya [E-participation as a vector of developing proactive budgeting]. *EKO [ECO]*, 9 (555), 90–113. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-9-90-113.

5. *Ivanova, S.A.* (2022). Analiz ispolzovaniya umnykh tekhnologiy dlya вовлечeniya naseleniya v upravlenie gorodskimi protsessami [The smart technologies' use analysis to involve the population in the urban processes management]. *Sotsialno-ekonomicheskiy i gumanitarnyy zhurnal [Socio-Economic and Humanitarian Journal]*, 2 (24), 89–104. DOI: 10.36718/2500-1825-2022-2-89-104.

6. *Kazakova, N.D. & Zh.A. Denisova.* (2016). Tekhnologiya kraudsorsinga v gosudarstvennom regionalnom upravlenii (na primere kraudsorsing-proektov pravitelstva goroda Moskvy) [Technology of crowdsourcing in the government regional management (on example of the crowdsourcing projects of the Moscow government)]. *Vlast [The Authority]*, Vol. 24, No. 4, 21–28.

7. *Mukhametov, D.R.* (2020). Modeli platform вовлечeniya grazhdan dlya sozdaniya v Rossii umnykh gorodov novogo pokoleniya [Models of citizen engagement platforms for creating a new generation of smart cities in Russia]. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki [Russian Journal of Innovation Economics]*, Vol. 10, No. 3, 1605–1622. DOI: 10.18334/vinec.10.3.110683.

8. *Revyakin, S.A.* (2018). O rekomendatsiyakh po konfiguratsii elektronnykh platform obshchestvennogo uchastiya: obzor rossiyskogo i mezhdunarodnogo opyta [E-participation platforms features and design recommendations: A review of Russian and best-in-class examples]. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser.: Ekonomika [Herald of Omsk University. Series: Economics]*, 3 (63), 213–225. DOI: 10.25513/1812-3988.2018.3.213-225.

9. *Revyakin, S.A.* (2019). Funktsionalnost elektronnykh platform obshchestvennogo uchastiya: prichem zdes sotsialnye seti? [Functionality of e-participation platforms: Why social networks?]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya [Public Administration Issues]*, 3, 88–106.

10. *Smotrinskaya, I.I. & S.I. Chernykh.* (2018). Sovremennye tendentsii tsifrovoy transformatsii gosudarstvennogo upravleniya [Modern trends in the digital transformation of public administration]. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]*, 5, 22–36. DOI: 10.24411/2073-6487-2018-00002.

11. *Titov, E.A. & V.A. Paksivatkina.* (2025). Tsifrovye platformy uchastiya grazhdan: rossiyskiy i zarubezhnyy opyt [Digital platforms of citizens participation: Russian and foreign experience]. *Ars Administrandi*, Vol. 17, No. 1, 111–132.

12. *Etika i "tsifra": Eticheskie problemy tsifrovyykh tekhnologiy [Ethics and "Digital": Ethical Problems of Digital Technologies]*. (2020). Moscow, RANEPА Publ., 207.

13. *Peixoto, T.S. & L.S. Micah* (Eds.). (2017). *Civic Tech in the Global South: Assessing Technology for the Public Good*. Washington, DC, World Bank and Personal Democracy Press, 300. DOI: 10.1596/27947.

14. *Lerner, J. & D. Secondo.* (2012) By the people, for the people: participatory budgeting from the bottom up in North America. *Journal of Public Deliberation*, 8 (2). DOI: 10.16997/jdd.148.

15. *Palacin, V., S. McDonald, P. Aragón & M. Nelimarkka.* (2024). Configurations of digital participatory budgeting. *ACM Transactions of Computer-Human Interaction*, Vol. 31, Iss. 2, Article 28. DOI: 10.1145/3635144.

16. *Shin, B., J. Floch, M. Rask, P. Baeck, C. Edgar, A. Berditchevskaia, P. Mesure, & M. Branlat.* (2024). A systematic analysis of digital tools for citizen participation. *Government Information Quarterly*, 41 (3). DOI: 10.1016/j.giq.2024.101954.

17. *Sintomer, Y., A. Röcke & C. Herzberg.* (2016). *Participatory Budgeting in Europe: Democracy and Public Governance*. Routledge, 268 p. DOI: 10.4324/9781315599472.

18. *Wampler, B.* (2012) Participatory budgeting: Core principles and key impacts. *Journal of Public Deliberation*, 8 (2). DOI: 10.16997/jdd.138.

19. *Yang, J., C. Hausladen, D. Peters, E. Pournaras, R. Hnggli Fricker & D. Helbing.* (2024). Designing digital voting systems for citizens: Achieving fairness and legitimacy in participatory budgeting. *Digital Government: Research and Practice*, Vol. 5, Iss. 3, Article 26. DOI: 10.1145/3665332.

About Authors

Shatohin, Dmitriy Alexandrovich (Moscow, Russia) – Head of the Directorate of Participatory Budgeting in Government Programs, Financial Research Institute, Ministry of Finance of the Russian Federation (3, b. 2, Nastasyinsky Lane, Moscow, 125375, Russia). E-mail: shatohin@nifi.ru.

Titov, Eduard Alexandrovich (Moscow, Russia) – Expert at the Participatory Budgeting Center, Financial Research Institute, Ministry of Finance of the Russian Federation (3, b. 2, Nastasyinsky Lane, Moscow, 125375, Russia). E-mail: etitov@nifi.ru.

Petrova, Irina Veniaminovna (Moscow, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Researcher at the Participatory Budgeting Center, Financial Research Institute, Ministry of Finance of the Russian Federation (3, b. 2, Nastasyinsky Lane, Moscow, 125375, Russia). E-mail: petrova@nifi.ru.

Поступила в редколлегию 07.11.2024.

После доработки 03.02.2025.

Принята к публикации 07.02.2025.

С.Н. Калюгина, О.А. Мухорьянова, А.И. Пьянов

УСТОЙЧИВОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕХОДА К ОДНОУРОВНЕВОЙ МОДЕЛИ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

В России переход территориальной организации и местного самоуправления на одноуровневую систему управления направлен на повышение уровня и качества исполнения региональными и муниципальными органами власти своих полномочий по решению вопросов местного значения. Реформа должна обеспечить комплексное и устойчивое развитие муниципальных территорий, создать условия для преодоления неравномерности их социально-экономического развития. Однако сегодня в российском научном сообществе еще не сложилось однозначного понимания результатов проведенных преобразований двухуровневой системы территориальной организации местного самоуправления, так как недостаточно исследованы вопросы оценки их социальных, экономических, правовых и управленческих последствий, знание о которых в дальнейшем целесообразно использовать региональным органам власти для выработки управленческих решений в процессе создания муниципальных и городских округов.

В статье анализируются предварительные итоги проведения административно-территориальной реформы местного самоуправления на примере Ставропольского края, который выступает пилотным регионом по ее осуществлению. В основе методики данного исследования лежат общенаучные методы, которые объединяют институциональные, экономические и социологические подходы для анализа проблем и возможностей развития местного самоуправления в России. Результатом исследования является подтверждение выдвинутой гипотезы о том, что административно-территориальная реформа местного самоуправ-

ления, проведенная в Ставропольском крае, на настоящий момент в полной мере не повлияла на повышение устойчивости социально-экономического развития региона в целом и преодоление асимметрии развития его муниципальных образований, а также на повышение эффективности деятельности муниципальных служащих и активизацию функционирования территориального общественного самоуправления.

Ключевые слова: местное самоуправление; институт гражданского общества; устойчивое развитие; реформа; двух- и одноуровневая модели; государственная политика в сфере местного самоуправления; финансово-бюджетная база; инициативное бюджетирование

Для цитирования: *Калюгина С.Н., Мухорьянова О.А., Пьянов А.И.* Устойчивое социально-экономическое развитие региона в контексте перехода к одноуровневой модели организации местного самоуправления // Регион: экономика и социология. – 2025. – № 2 (126). – С. 164–185. DOI: 10.15372/REG20250207.

Сфера жизнедеятельности общества представляет собой сложную открытую социальную суперсистему, которая включает в себя неразрывно связанные между собой четыре подсистемы: экологическую, социальную, экономическую и управленческую. Согласование функционирования и развития этих подсистем и их перевод на язык конкретных политических решений – очень сложная задача. Ее сложность обусловлена тем обстоятельством, что все эти подсистемы должны развиваться сбалансированно, обеспечивая тем самым устойчивость всей суперсистемы к внутренним и внешним вызовам.

Данная система может стать более эффективной, если в управленческой иерархии по всем трем уровням власти будут грамотно распределены полномочия и ответственность, а ключевым элементом будет выступать местное самоуправление. Исходя из этого управленческие решения, принимаемые органами региональной власти в сфере реформирования местного самоуправления, должны, безусловно, повышать качество исполнения органами власти своих полномочий по решению вопросов местного значения. В данной статье успех проведения административно-территориальной реформы анализируется

на примере Ставропольского края. Цель исследования состоит в изучении влияния промежуточных итогов формирования одноуровневой системы муниципального управления на социально-экономическое развитие муниципальных образований региона, эффективность деятельности муниципальных служащих и социальную активность населения.

ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ РЕФОРМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Современное научное сообщество в целом уже определилось с высоким уровнем влияния органов местного самоуправления на устойчивость социально-экономического развития регионов, основанную на тесном взаимодействии с населением и поощрении гражданских инициатив [3]. Однако пока еще остается нерешенным вопрос совмещения институциональности данной формы публичной власти с преобладанием государственной власти над обществом и с принципами демократии, декларируемыми в отношении органов местного самоуправления. Кроме того, «условия федеративного устройства государства уже изначально предполагают специфику его развития» [13] как баланс регулятивных начал, идущих от федерального центра и субъектов Федерации [7]. Средством осуществления данных регуляторных принципов является государственная политика, ориентированная на совершенствование местного самоуправления. Сегодня этот обновленный подход особенно актуален для обеспечения устойчивого социально-экономического развития регионов Российской Федерации [13].

Одной из целей государственной территориальной политики является обеспечение устойчивого социально-экономического развития входящих в состав региона территорий муниципальных образований, для чего регулярно проводится реформирование данных институтов власти. Возникающие в результате территориальных преобразований проблемы находятся в фокусе исследовательских интересов как оте-

чественных, так и зарубежных ученых (правоведов, политологов, экономистов, социологов).

Теоретические и методологические аспекты содержания понятия «местное самоуправление» исследовались в работах Е.М. Бухвальда, рассматривающего основы государственной политики в сфере развития местного самоуправления в России [3], Е.М. Ларичева, изучающего местное самоуправление через корпоративную управленческую модель [8], и др. Модели организации местного самоуправления в унитарных и федеративных государствах анализировались в работах зарубежных авторов: Г. Алдерфера, Н. Линна [13], М. Рако, Дж. Флинта и др. Исследования предварительных итогов внедрения одноуровневой модели местного самоуправления в отдельных регионах России представлены в публикациях Р.В. Бабейкина, а также В.В. Мищенко, В.Г. Лякишевой и В.В. Юдина [9].

В то же время в доступных для общего пользования исследованиях отечественных авторов тема последствий реформирования системы местного самоуправления для устойчивого социально-экономического развития муниципалитетов практически не освещена.

Актуальность нашего исследования заключается в анализе проблем соблюдения и сохранения единства трехуровневой структуры публичной власти в Российской Федерации, что необходимо для устойчивого социально-экономического развития муниципальных образований, входящих в состав регионов страны. Это связано с тем, что недостаток координации между органами государственной власти и местного самоуправления отрицательно сказывается на эффективности работы общегосударственной системы управления.

В содержательном аспекте понятие «местное самоуправление» характеризует сложный социальный феномен. Дефиниции содержания данного понятия «должны исходить из наличия двух оснований организации общественной жизни. Во-первых, учета своего, местного интереса... стремления править вместе с населением, используя все формы прямой демократии. Во-вторых, местное самоуправление должно быть проводником общего интереса... должно действовать в единой связке с центром и быть вписанным в структуру власти»

[2, с. 138]. Данное утверждение указывает на двойственную природу местного самоуправления как социального феномена [11].

Систему местного самоуправления необходимо рассматривать как инструмент управления, объединяющий усилия исполнительных органов государственной власти и местного самоуправления (органов публичной власти) для достижения устойчивого социального, экономического и политического развития страны [5].

В российской нормативно-правовой базе, касающейся решения вопросов местного самоуправления, наметилась тенденция формирования одноуровневой модели, сопровождаемого сокращением числа муниципальных образований в стране [4]. За 2008–2023 гг. количество муниципальных образований в России уменьшилось на 6 404 единицы, или на 26,6%. Одновременно количество муниципальных районов сократилось на 25,2%, или на 453 единицы, а количество поселений – на 29,9%, или на 6 451 единицу. В структуре поселений в 2008 г. 92% составляли сельские поселения, а 8% – городские. В 2024 г. их соотношение составило соответственно 92,5 и 7,5%. В рамках реформы в 2021 г. появилось 100 муниципальных округов, а в 2024 г. их количество составило уже 399 единиц.

Основой для дальнейшего развития местного самоуправления в России стали изменения, внесенные в Конституцию РФ в 2020 г., а также законопроект «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», представленный 25 января 2022 г. в Государственную Думу под № 40361-8. Этот законопроект, прошедший два чтения, предусматривает юридическое закрепление одноуровневой модели организации местного самоуправления в виде двух типов муниципальных образований: городского округа и муниципального округа. По мнению сторонников этого закона, данная модель позволит повысить компетентность муниципальных служащих, увеличить эффективность деятельности муниципальных органов власти, сократить финансовые затраты на их содержание, а также повысить гражданскую активность населения [1; 10].

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕХОДА К ОДНОУРОВНЕВОЙ МОДЕЛИ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ

Изменения, внесенные в региональное законодательство о территориально-административном устройстве региона, привели к тому, что уже в 2020 г. все муниципальные районы в Ставропольском крае, а также подчинявшиеся им городские и сельские поселения были упразднены и преобразованы в городские и муниципальные округа. По состоянию на 1 января 2021 г. вместо 230 муниципальных образований в составе региона в соответствии с новым территориальным устройством находилось всего 14 муниципальных округов и 19 городских округов. В 2022 г. переход к одноуровневой модели организации местного самоуправления полностью завершился, и в настоящее время территориальная структура региона включает семь городских и 26 муниципальных округов.

Процесс преобразования муниципальных районов Ставропольского края в муниципальные округа носил механический характер, не всегда учитывались специфика их территорий и мнение населения. В результате не был достигнут предполагаемый положительный эффект в плане расширения и укрепления финансово-бюджетной базы как отдельных муниципальных единиц региона, так и в целом Ставропольского края, несмотря на позитивную динамику роста доходной части бюджета, в основном связанного, к сожалению, с инфляционными процессами. Динамика показателей доходной части бюджета, валового регионального продукта и дотаций из федерального бюджета, направляемых на выравнивание бюджетной обеспеченности Ставропольского края, за период 2020–2023 гг. представлена на рис. 1.

Как можно увидеть из рис. 1, наиболее интенсивная динамика наблюдается по показателю валового регионального продукта: рост составляет 63,0% за период исследования. Доходы консолидированного бюджета увеличились на 34,4% за четыре года, однако при этом объем дотаций вырос лишь на 20,6%. С одной стороны, это свидетельствует о том, что экономика края относительно устойчива к влиянию внешних и внутренних негативных воздействий. С другой стороны, это указывает на то, что в функционировании экономи-

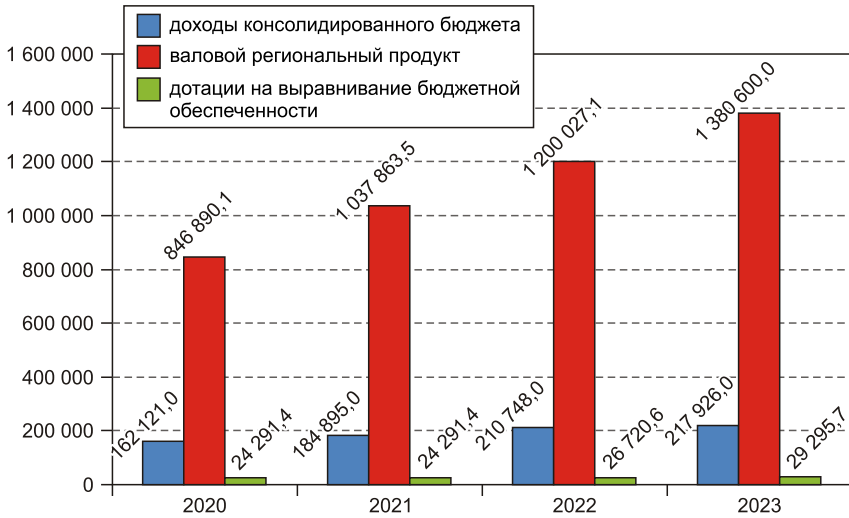

Рис. 1. Динамика доходов консолидированного бюджета, валового регионального продукта и дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности Ставропольского края за 2020–2023 гг. (в сопоставимых ценах), млн руб.

Источник: данные Министерства финансов Ставропольского края (URL: <https://mfsk.ru/>), Управления Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу (URL: <https://26.rosstat.gov.ru/folder/138324>)

ческой системы региона отсутствует тенденция к развитию и использованию внутреннего потенциала территорий. Имея уникальные природно-климатические условия и благоприятную экологическую обстановку, обладая богатыми сельскохозяйственными угодьями, Ставропольский край остается дотационным субъектом Российской Федерации. В 2024 г. он вошел в первую десятку самых дотационных регионов страны с суммой дотаций в 32,8 млрд руб., в то время как, например, в Краснодарском крае величина дотаций составляет 12,7 млрд руб., а в Новгородской области – всего 1,09 млрд руб.*

* URL: <https://top-rf.ru/places/564-dotatsionnye-regiony.html> (дата обращения: 05.10.2024).

Существующий дисбаланс в доходах бюджета муниципальных и городских округов Ставропольского края указывает на нехватку финансовых возможностей, необходимых для обеспечения равномерного социально-экономического развития местных муниципалитетов (табл. 1).

Таблица 1

Показатели, характеризующие территорию муниципальных и городских округов Ставропольского края в 2022 г.

Муниципальные образования Ставропольского края	Площадь, кв. км	Население, тыс. чел.	Величина средней з/пл., тыс. руб.	Собственные доходы бюджета, млн руб.	Иные доходы, млн руб.
Александровский МО	2 014	46,4	35 845,8	374,9	1 434
Андроповский МО	2 388	33,5	34 491,8	240,5	1 013
Апанасенковский МО	3 584	30,8	35 473,5	355,5	1 007
Арзгирский МО	3 383	24,8	33 679,1	263,3	960
Благодарненский МО	2 471	56,9	38 716,4	405,9	2 042
Буденновский МО	3 130	10,7	41 414,6	1 867,7	2 898
Георгиевский МО	1 945	160,2	36 686,7	828,7	4 568
Грачевский МО	1 794	37,4	35 931,8	337,5	1 349
Изобильненский МО	1 935	105,6	51 146,3	777,2	2 670
Ипатовский МО	4 035	58,0	37 701,9	499,9	1 673
Кировский МО	1 386	71,2	35 852,3	368,9	2 102
Кочубеевский МО	2 363	76,6	40 964,1	1 121,7	2 473
Красногвардейский МО	2 236	35,8	45 908,5	556,1	1 070
Курский МО	3 694	54,0	36 744,7	382,2	1 945
Левокумский МО	4 687	40,4	35 018,8	286,4	1 483
Минераловодский МО	1 495	31,7	46 313,6	1 132,7	3 667
Нефтекумский МО	3 800	60,3	40 254,0	357,1	2 232

Окончание табл. 1

Муниципальные образования Ставропольского края	Площадь, кв. км	Население, тыс. чел.	Величина средней з/пл., тыс. руб.	Собственные доходы бюджета, млн руб.	Иные доходы, млн руб.
Новоалександровский МО	2 017	63,2	41 315,1	622,4	1 785
Новоселицкий МО	1 724	26,7	36 832,7	261,2	1 006
Петровский МО	2 741	69,7	38 690,8	649,0	1 981
Предгорный МО	2 008	110,6	40 583,5	1 043,0	3 092
Советский МО	2 089	57,9	38 573,7	598,9	1 835
Степновский МО	1 887	21,3	34 364,0	191,3	825
Труновский МО	1 685	32,5	41 675,3	376,6	941
Туркменский МО	2 611	22,9	34 189,5	197,6	1 172
Шпаковский МО	2 363	155,5	44 325,2	1 648,2	4 281
ГО г. Ставрополь	280	550,2	50 979,3	6 336,2	11 680
ГО г. Лермонтов	33	25,3	43 178,0	234,3	778
ГО г. Невинномысск	99	115,8	52 496,8	1 240,7	3 727
ГО город-курорт Ессентуки	54	121,5	44 554,2	976,7	2 768
ГО город-курорт Железноводск	93	52,4	44 081,1	525,7	1 738
ГО город-курорт Кисловодск	72	135,5	46 245,1	1 048,3	4 206
ГО город-курорт Пятигорск	104	213,9	48 553,8	2 223,0	4 370

Примечание: МО – муниципальный округ, ГО – городской округ.

Источник: составлено авторами по данным Управления Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу (URL: <https://26.rosstat.gov.ru/folder/138324>).

Анализ данных табл. 1 показывает, что Андроповский, Арзгирский, Благодарненский, Георгиевский, Кировский, Нефтекумский,

Степновский и Туркменский муниципальные округа имеют схожие площади и численность населения, но их показатели ниже, чем у других округов Ставропольского края. Например, в Андроповском муниципальном округе собственные доходы бюджета на одного человека составили 7,1 тыс. руб., а на 1 кв. км – 100,7 тыс. руб., тогда как в Буденновском муниципальном округе такие показатели составили соответственно 174,6 и 596,7 тыс. руб. Характерно, что Александровский, Грачевский, Изобильненский, Курский и Левокумский муниципальные округа, несмотря на наличие большого числа агропромышленных предприятий, развитой транспортно-логистической инфраструктуры и высококвалифицированных кадров, неэффективно используют свой социальный и экономический потенциал.

В качестве основных инструментов, позволяющих устранить неравномерность развития территорий в крае, используются федеральные и региональные субсидии и субвенции. Так, только в 2023 г. трансферты из бюджета Ставропольского края в бюджеты муниципальных образований составили 8 017,3 млн руб.

Одним из наиболее эффективных путей, способствующих формированию доходов муниципального бюджета и, как следствие, нивелированию асимметрии в развитии территорий муниципальных образований региона, являются проекты поддержки местных инициатив [6]. В 2007 г. Ставропольский край одним из первых регионов запустил проект Программы поддержки местных инициатив. Этот проект осуществляется при партнерстве между Министерством финансов Российской Федерации и Всемирным банком. В Ставропольском крае впервые была реализована гражданская инициатива, направленная на формирование бюджетного процесса муниципалитетов с участием местных жителей.

В 2014 г. в регионе вступила в действие губернаторская программа «Поддержка местных инициатив на территории Ставропольского края», которая финансируется из средств бюджета края на основе софинансирования бюджетов муниципалитетов, жителей и предпринимателей. Реализация в Ставропольском крае Программы поддержки местных инициатив предусматривает свои временные этапы и имеет свои территориальные особенности (рис. 2).

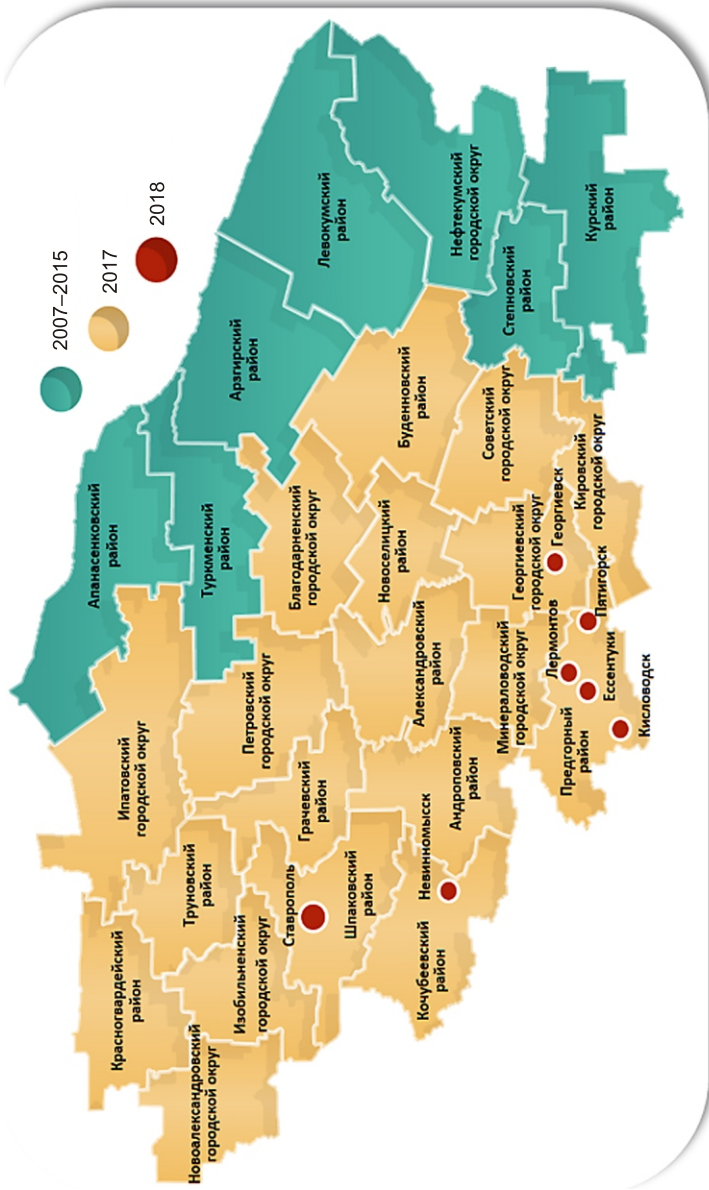

Рис. 2. Этапы реализации Программы поддержки местных инициатив в Ставропольском крае
Источник: составлено авторами по данным Министерства финансов Ставропольского края
(URL: <https://mfsk.ru/>)

В период 2007–2015 гг. программа была реализована в девяти восточных муниципальных образованиях Ставропольского края, для которых характерны наиболее низкие показатели социально-экономического развития. Это позволило оказать финансовую поддержку проблемным территориям и построить на них 292 новых объекта социальной инфраструктуры. На втором этапе (2017–2024 гг.) губернаторская программа поддержки местных инициатив распространилась на весь край.

Результаты выполнения губернаторской программы поддержки местных инициатив в Ставропольском крае за 2017–2023 гг., представленные через показатели количества проектов и объемов финансирования, приведены в табл. 2. Следует отметить, что колебание количества проектов и объемов их финансирования, представленных в табл. 2, связано с итогами проведения ежегодных конкурсов проектов Программы поддержки местных инициатив, в которых могут участвовать все муниципальные образования края и по результатам которых отбираются проекты, рекомендованные к реализации. При этом чем больше запрашиваемая сумма по каждому проекту-побе-

Таблица 2

Результаты реализации губернаторской Программы поддержки местных инициатив в Ставропольском крае за период 2017–2023 гг.

Год	Количество проектов, ед.	Общий объем финансирования проектов, млн руб.
2017	125	200
2018	157	300
2019	222	695
2020	270	300
2021	304	405
2022	178	250
2023	281	360

Источник: данные Министерства финансов Ставропольского края (URL: <https://mfsk.ru/>).

дителю, тем меньшее их количество реализуется, так как общий объем финансовых средств, выделяемых на программу из бюджета края, планируется ежегодно еще на этапе его утверждения и его увеличение возможно в исключительных случаях по решению губернатора Ставропольского края.

Всего за 16 лет, в период с 2007 по 2023 г., в рамках программы в регионе было реализовано 1845 проектов, общая стоимость которых превысила 4,8 млрд руб. Финансирование распределилось следующим образом: из краевого бюджета поступило около 60% средств, из муниципальных бюджетов – 23%, от индивидуальных предпринимателей и бизнес-организаций – 14%, от жителей муниципалитетов – 3%. При этом, как показывает практика, низкую активность участия в конкурсе проявляют отстающие муниципальные образования, имеющие наименьшую величину собственных доходов бюджета.

В качестве одной из основных целей перехода на одноуровневую систему обозначалось повышение эффективности решения проблем жизнеобеспечения населения, поэтому нами был проведен социологический опрос 1400 жителей сельских территорий Ставропольского края и муниципальных служащих, которые проживают на территориях новых городских и муниципальных округов, участвующих в пилотном проекте с 2020 г. Основной массив статистической выборочной совокупности респондентов был выделен по двум основным критериям: месту жительства и социальной принадлежности. В городской местности проживают 56% респондентов, в сельской местности – 44%. Разница между двумя этими группами респондентов составила 10 п.п, что практически отражает распределение городского и сельского населения Ставропольского края (59 и 40% соответственно). При этом метод простого случайного отбора респондентов по их принадлежности к социальным группам обусловил следующую их структуру: 55% – муниципальные служащие, 20% – работающие по найму, 11% – временно не работающие, 9% – пенсионеры, 4% – предприниматели.

Основные задачи опроса были направлены на выявление

- мнений различных социальных групп населения в отношении оценки положительных и отрицательных изменений, которые произошли в различных сферах жизнедеятельности местного сообщества в результате проведения административно-территориальной реформы в Ставропольском крае;
- позиций муниципальных служащих по оценке положительных и отрицательных изменений, которые произошли в функционировании органов муниципального управления и местного самоуправления после создания муниципальных и городских округов.

Анализ результатов исследования показал, что только 44% респондентов положительно оценили эффективность создания в крае муниципальных и городских округов, 32% отнесли к данному процессу отрицательно, а 25% затруднились с ответом. При этом 52% респондентов в той или иной степени ощутили на себе последствия проведения административно-территориальной реформы в Ставропольском крае (из них 32% респондентов однозначно ощутили, 20% в принципе ощутили), для 35% респондентов ничего не изменилось, а 13% респондентов затруднились с ответом.

Анализ полученных данных, касающихся распределения ответов респондентов на вопрос о том, в каких сферах жизнедеятельности местного сообщества произошли положительные изменения после создания муниципальных и городских округов, показал следующее их распределение: 43% респондентов указали на благоустройство территории, 17% отметили инфраструктуру, 14% – культуру и спорт, 13% – образование, 13% – здравоохранение, 12% – правовую сферу, 11% – социальную защиту, 9% – развитие предпринимательства, 8% – инвестиции, 42% респондентов затруднились с ответом. В то же время в ответах на вопрос о сферах, где произошли отрицательные изменения, анализ показал следующую градацию мнений респондентов: 17% респондентов отметили благоустройство территории, 14% – здравоохранение, 12% – инфраструктуру, 11% – правовую сферу, 10% – социальную защиту, 8% – культуру и спорт, 7% –

образование, 7% – развитие предпринимательства, 7% – инвестиции, 58% затруднились с ответом.

Таким образом, изменения, произошедшие в различных сферах жизнедеятельности населения после создания муниципальных и городских округов, 58% респондентов отметили как положительные, а 43% – как отрицательные.

Однако, несмотря на то что большая часть респондентов указали на улучшения в части благоустройства территории и развития инфраструктуры, на местах остается большое количество проблем локального характера. Речь идет о таких бытовых вопросах, как качество дорог, уборка мусора и снега. В рамках одноуровневой системы управления коммуникация с представителями органов власти становится более длительной, что снижает скорость мер реагирования.

Одной из целей реформы было повышение роли территориальных органов самоуправления (ТОС), однако на настоящий момент явной интенсификации их деятельности с одновременной легитимизацией пока не наблюдается. Кроме того, анализ социально-экономического положения округов в разрезе региона показал, что территории развиваются неравномерно, что не обеспечивает эффективность реализации данной цели.

Пока еще присутствует и противоречие в понятийном аппарате. Являясь одной из обязательных форм организации публичной власти, местное самоуправление осуществляется на всей территории России, в то время как понятие «самоорганизация граждан» подразумевает добровольность и собственную волю в отношении самостоятельной организации в рамках определенной структуры.

Анализ ответов муниципальных служащих относительно положительных изменений в функционировании органов муниципального управления и местного самоуправления, произошедших после проведения административно-территориальной реформы, показал следующее: 39% респондентов указали на устранение дублирования отдельных функций, 33% – на экономию бюджетных средств, 32% – на более четкое закрепление полномочий. При этом в качестве основных отрицательных изменений респонденты отметили увеличение объема работы у муниципальных служащих (39% респондентов), снижение

качества работы муниципальных служащих (33%), отсутствие роста заработной платы при увеличении интенсивности их труда (32%).

Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что заявляемые цели административно-территориальной реформы по повышению эффективности деятельности муниципальных органов власти на практике достигнуты не в полной мере, что является основанием для разработки региональными органами власти комплекса мер, которые нивелируют отрицательные последствия для населения и муниципальных служащих проводимой на территории региона административно-территориальной реформы.

Таким образом, наши исследования позволили выявить негативные последствия промежуточных результатов проведения в Ставропольском крае территориально-административной реформы, среди которых: неэффективное использование имеющегося социального и экономического потенциала территорий; углубление асимметрии финансового обеспечения и социально-экономического развития созданных округов в разрезе региона; снижение эффективности деятельности муниципальных служащих; низкая активность органов территориального общественного самоуправления. Представленные результаты исследования социально-экономического развития муниципальных и городских округов Ставропольского края формируют необходимость применения действенных инструментов стимулирования развития и регулирования взаимодействий населения, бизнеса и органов власти с целью устранения негативных последствий реформы и обеспечения выравнивания социально-экономического положения входящих в край муниципальных образований.

Одним из основных инструментов устранения выявленных проблем выступают адресные финансовые вливания в менее развитые округа через реализацию инфраструктурных проектов, поддержку малого и среднего бизнеса, способствующего созданию новых рабочих мест, увеличению доходов населения и, как следствие, улучшению качества жизни [12, p. 154].

Эффективная региональная политика должна учитывать и специфику каждого округа, опираться на его уникальные ресурсы и возможности. Это может включать поддержку определенных отраслей

промышленности, создание новых кластеров, развитие сельского хозяйства или туризма в зависимости от потенциала территории. Благодаря такому подходу можно добиться более равномерного распределения ресурсов и возможностей, что положительно скажется на социально-экономическом состоянии всего региона.

Не менее важным аспектом является активная поддержка малого и среднего бизнеса. Как показывает практика, налоговые льготы, гранты и льготное кредитование позволяют стимулировать местные инициативы и развитие новых производств, что, в свою очередь, способствует созданию рабочих мест и повышению доходов населения в менее развитых округах.

Также важно учитывать принципы устойчивого развития: экологическую ответственность, социальную справедливость и экономическую эффективность. Внедрение этих подходов будет способствовать долгосрочному росту и обеспечению устойчивости, уменьшению разницы между округами в качестве жизни и созданию благоприятных условий для дальнейшего развития.

Таким образом, в рамках проводимой реформы важно не допустить возникновения территориальной удаленности населения от власти, сокращения для граждан возможности получать качественные услуги и оказывать влияние на местные органы управления в решении важных для них задач, уменьшения инфраструктурной взаимосвязи между населенными пунктами, а также избирательности при распределении финансовых ресурсов.

В конечном итоге комплексный и многогранный подход, учитывающий разнообразие факторов и потребностей каждого округа, является ключом к выравниванию социально-экономического положения территорий внутри региона.

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-28-10154, <https://rscf.ru/project/23-28-10154/>

Список источников

1. *Баженова О.И.* Поправка(и) к Конституции Российской Федерации: местное самоуправлению быть? // Местное право. – 2020. – № 3. – С. 17–26.

2. *Барабашев Г.В.* Идеалы самоуправления и российская действительность // Государство и право. – 1996. – № 11. – С. 137–142.
3. *Бухвальд Е.М.* Новые основы государственной политики в сфере развития местного самоуправления в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13, № 4. – С. 125–134. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.7.
4. *Гунина Т.Г.* Переход на одноуровневую систему муниципальных образований: последствия для местного самоуправления // Oeconomia et Jus. – 2022. – № 2. – С. 61–72. DOI: 10.47026/2499-96362022-2-61-72.
5. *Зазулина М.Р.* Встроиться в систему: местное самоуправление в условиях новой федеральной реформы // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2022. – Т. 7, № 3. – С. 275–284. DOI: 10.21603/2500-3372-2022-7-3-275-284.
6. *Захарчук Е.А., Некрасов А.А., Пасынков А.Ф.* Партисипаторное бюджетирование: международный и российский опыт // Финансы: теория и практика. – 2019. – № 23 (1). – С. 122–132. DOI: 10.26794/2587-5671-2019-23-1-122-132.
7. *Клисторин В.И.* Российский федерализм: программы и инициативы // Регион: экономика и социология. – 2005. – № 3. – С. 3–6.
8. *Ларичев А.А.* Основы государственной политики Российской Федерации в области развития местного самоуправления до 2030 года в контексте современных тенденций эволюции муниципальных институтов и динамики их конституционного регулирования // Местное право. – 2020. – № 2. – С. 21–28.
9. *Мищенко В.В., Лякишева В.Г., Юдина В.В.* О внедрении опыта регионов России при создании муниципальных округов в контексте совершенствования административно-территориального устройства Алтайского края // Экономика. Профессия. Бизнес. – 2020. – № 4. – С. 81–89. DOI: 10.14258/erb2019104.
10. *Пенизев М.В.* Концептуальные проблемы реформы местного самоуправления в России // Российское право: образование, практика, наука. – 2022. – № 4. – С. 63–71. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_4_63.
11. *Шалберкина М.Н.* Трансформация основ местного самоуправления в контексте реформы 2020 года: проблемные аспекты // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 7. – С. 80–84. DOI: 10.18572/1812-3767-2022-7-80-84.
12. *Bonnedahl K., Heikkurinen P., Paavola I.* Strongly sustainable development goals: Overcoming distances constraining responsible action // Environmental Science and Policy. – 2022. – Vol. 129. – P. 150–158. DOI: 10.1016/j.envsci.2022.01.004.
13. *Lynn N.J., Novikov A.V.* Federalizing Russia: Debates on the idea of federalism in Russia // The Journal of Federalism. – 1997. – Vol. 27, No. 2. – P. 187–203. DOI: 10.1093/oxfordjournals.pubjof.a029905.

Информация об авторах

Калюгина Светлана Николаевна (Россия, Ставрополь) – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры государствен-

ного, муниципального управления и экономики труда Института экономики и управления Северо-Кавказского федерального университета (355017, Ставрополь, ул. Пушкина, 1). E-mail: s.kalyugina@gmail.com.

Мухорьянова Оксана Анатольевна (Россия, Ставрополь) – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственного, муниципального управления и экономики труда Института экономики и управления Северо-Кавказского федерального университета (355017, Ставрополь, ул. Пушкина, 1). E-mail: belchenko@inbox.ru.

Пьянов Александр Иванович (Россия, Ставрополь) – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры государственного, муниципального управления и экономики труда Института экономики и управления Северо-Кавказского федерального университета (355017, Ставрополь, ул. Пушкина, 1). E-mail: alexpua2006@yandex.ru.

DOI: 10.15372/REG20250207

Region: Economics & Sociology, 2025, No. 2 (126), p. 164–185

S.N. Kalyugina, O.A. Mukhoryanova, A.I. Pyanov

**SUSTAINABLE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT
OF THE REGION IN THE CONTEXT OF TRANSITION
TO A ONE-LEVEL MODEL OF LOCAL GOVERNMENT
ORGANIZATION**

In Russia, the transition of territorial organization and local self-government to a one-level management system is aimed at improving the level and quality of performance by regional and municipal authorities of their powers to resolve issues of local importance. The reform should ensure the integrated and sustainable development of municipal territories, create conditions for overcoming the unevenness of their socio-economic development. However, to date, the Russian scientific community has not yet developed

an unambiguous understanding of the results of the transformations of the two-level system of the territorial organization of local self-government, because the issues of assessing their social, economic, legal and managerial consequences have not been sufficiently studied, knowledge of which should be used by regional authorities in the future to develop managerial decisions in the process of creating municipal and urban districts.

The article analyzes the preliminary results of the administrative-territorial reform of local self-government on the example of the Stavropol Krai, which acts as a pilot region for its implementation. The methodology of this research is based on general scientific methods that combine institutional, economic and sociological approaches to analyze the problems and opportunities for the development of local self-government in Russia. The result of the study confirms the submitted hypothesis that the administrative-territorial reform of local self-government carried out in Stavropol Krai, as of today, has not improved the sustainability of socio-economic development of the region as a whole. Also, the reform has not contributed to equalizing the asymmetry of development of its municipalities, improving the efficiency of municipal officials, and revitalizing the operation of territorial public self-government.

Keywords: local self-government; institution of civil society; sustainable development; reform; two-level and one-level models; state policy in the field of local self-government; financial and budgetary base; participatory budgeting

For citation: *Kalyugina, S.N., O.A. Mukhoryanova & A.I. Pyanov. (2025). Ustoychivoe sotsialno-ekonomicheskoe razvitie regiona v kontekste perekhoda k odnourovnevoy modeli organizatsii mestnogo samoupravleniya [Sustainable socio-economic development of the region in the context of transition to a one-level model of local government organization]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (126), 164–185. DOI: 10.15372/REG20250207.*

*The research was funded by the Russian Science Foundation grant
No. 23-28-10154, <https://rscf.ru/project/23-28-10154/>*

References

1. *Bazhenova, O.I.* (2020). Popravka(i) k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii: mestnomu samoupravleniyu byt? [Amendment(s) to the Russian Federation's Constitution: if local government to be?]. *Mestnoe pravo [Local Law]*, 3, 17–26.
2. *Barabashev, G.V.* (1996). Idealy samoupravleniya i rossiyskaya deystvitelnost [Ideals of self-government and Russian reality]. *Gosudarstvo i pravo [The State and the Law]*, 11, 137–142.
3. *Bukhvald, E.M.* (2020). Novye osnovy gosudarstvennoy politiki v sfere razvitiya mestnogo samoupravleniya v Rossii [New basic principles of the state policy in an area of local self-government development in Russia]. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*, Vol. 13, No. 4, 125–134. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.7.
4. *Gumina, T.G.* (2022). Perekhod na odnourovnevuyu sistemu munitsipalnykh obrazovaniy: posledstviya dlya mestnogo samoupravleniya [Transition to a single-level system municipalities: Consequences for local government]. *Oeconomia et Jus*, 2, 61–72. DOI: 10.47026/2499-96362022-2-61-72.
5. *Zazulina, M.R.* (2022). Vstroitsya v sistemu: mestnoe samoupravlenie v usloviyakh novoy federalnoy reformy [Integrating into the system: Local self-government in the context of the new federal reform]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University]*, Vol. 7, No. 3, 275–284. DOI: 10.21603/2500-3372-2022-7-3-275-284.
6. *Zakharchuk, E.A., A.A. Nekrasov & A.F. Pasyukov.* (2019). Partisipatornoe byudzhetirovanie: mezhdunarodnyy i rossiyskiy opyt [Participatory budgeting: international and Russian experience]. *Finansy: teoriya i praktika [Finance: Theory and Practice]*, 23 (1), 122–132. DOI: 10.26794/2587-5671-2019-23-1-122-132.
7. *Klistorin, V.I.* (2005). Rossiyskiy federalizm: programmy i initsiativy [Russian federalism: programs and initiatives]. *Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology]*, 3, 3–6.
8. *Larichev, A.A.* (2020). Osnovy gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti razvitiya mestnogo samoupravleniya do 2030 goda v kontekste sovremennykh tendentsiy evolyutsii munitsipalnykh institutov i dinamiki ikh konstitutsionnogo regulirovaniya [Fundamentals of the Russian Federation state policy in the field of local self-government development until 2030 in the context of modern trends in the evolution of municipal institutions and the dynamics of their constitutional regulation]. *Mestnoe pravo [Local Law]*, 2, 21–28.
9. *Mishchenko, V.V., V.G. Lyakisheva & V.V. Yudina.* (2020). O vnedrenii opyta regionov Rossii pri sozdanii munitsipalnykh okrugov v kontekste sovershenstvovaniya administrativno-territorialnogo ustroystva Altayskogo kraya [On the implementation of the experience of the regions of Russia in creating municipal districts in the administrative and territorial structure of the Altai region]. *Ekonomika. Professiya. Biznes [Economics, Profession, Business]*, 4, 81–89. DOI: 10.14258/epb2019104.

10. *Penizev, M.V.* (2022). Kontseptualnye problemy reformy mestnogo samoupravleniya v Rossii [Conceptual problems of local government reform in Russia]. Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka [Russian Law: Education, Practice, Researches], 4, 63–71. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_4_63.

11. *Shalberkina, M.N.* (2022). Transformatsiya osnov mestnogo samoupravleniya v kontekste reformy 2020 goda: problemnye aspekty [Transformation of bases of local self-government in the context of the 2020 reform: problematic aspects]. Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo [Constitutional and Municipal Law], 7, 80–84. DOI: 10.18572/1812-3767-2022-7-80-84.

12. *Bonnedahl, K., P. Heikkurinen & I. Paavola.* (2022). Strongly sustainable development goals: Overcoming distances constraining responsible action. Environmental Science and Policy, 129, 150–158. DOI: 10.1016/j.envsci.2022.01.004.

13. *Lynn, N.J & A.V. Novikov.* (1997). Federalizing Russia: Debates on the idea of federalism in Russia. The Journal of Federalism, Vol. 27, No. 2, 187–203. DOI: 10.1093/oxfordjournals.pubjof.a029905.

About Authors

Kalyugina, Svetlana Nikolaevna (Stavropol, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Professor at the Department of State, Municipal Management and Labor Economics, Institute of Economics and Management, North Caucasus Federal University (1, Pushkin Str., Stavropol, 355017, Russia). E-mail: s.kalyugina@gmail.com.

Mukhoryanova, Oksana Anatolyevna (Stavropol, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Docent, Associate Professor at the Department of State, Municipal Management and Labor Economics, Institute of Economics and Management, North Caucasus Federal University (1, Pushkin Str., Stavropol, 355017, Russia). E-mail: belchenko@inbox.ru.

Pyanov, Alexander Ivanovich (Stavropol, Russia) – Candidate of Sciences (Sociology), Docent, Associate Professor at the Department of State, Municipal Management and Labor Economics, Institute of Economics and Management, North Caucasus Federal University (1, Pushkin Str., Stavropol, 355017, Russia). E-mail: alexpya2006@yandex.ru.

Поступила в редколлегию 27.09.2024.

После доработки 27.01.2025.

Принята к публикации 30.01.2025.

УДК 332.02

Регион: экономика и социология, 2025, № 2 (126), с. 186–230

Сюй Полин, Сюй Цзяньхуэй

**ВЛИЯНИЕ СТРАТЕГИИ МАСШТАБНОГО
ОСВОЕНИЯ ЗАПАДНОГО МАКРОРЕГИОНА
НА ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ КИТАЯ:
ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ
И ПРОБЛЕМЫ¹**

Стратегия масштабного развития Западного макрорегиона КНР – это важная национальная стратегия регионального экономического развития, направленная на углубление мер политики реформ и открытости в период быстрого экономического развития Китайской Народной Республики. Данная Стратегия была официально представлена в 2000 г., после чего она прошла такие исторические этапы, как разработка внутривластных мер, ускорение строительства инфраструктуры, определение приоритетных ключевых областей, оптимизация охраны окружающей среды и повышение качества жизни населения. За более чем 20 лет реализации этой национальной стратегии Западный макрорегион Китая добился значительных успехов в увеличении совокупного объема экономики, в реорганизации структуры промышленности, в привлечении инвестиций, в строительстве инфраструктуры, в повышении степени открытости внешнему миру, в улучшении качества жизни людей и окружающей среды. Применяя систему индексов оценки качества регионального экономического развития, можно обнаружить, что эффект повышения качества регионального экономического развития

¹ Статья подготовлена по заказу журнала «Регион: экономика и социология», за что редколлегия издания выражает авторам искреннюю признательность. Перевод осуществлен Т.Г. Завьяловой и Яо Суном.

в Западном макрорегионе весьма значителен. Запад – это макрорегион КНР, обладающий обширными территориями. Вследствие действия географического фактора Западный макрорегион в ходе развития по-прежнему сталкивается с такими проблемами, как трудности трансформации и модернизации промышленности, слабый региональный потенциал технологических инноваций и тяжелое долговое бремя. Потребуется длительное время, чтобы этот макрорегион избавился от необходимости внешней финансовой поддержки и добился развития экономики за счет внутренних ресурсов. Пространственное развитие КНР требует поддержки государственными мерами и скоординированного развития передовых и отстающих регионов. В то же время формирование у Западного макрорегиона способности развиваться с опорой на собственные силы, а также возможности развиваться независимо является ключом к обеспечению конечного успеха Стратегии масштабного развития Западного макрорегиона КНР.

Ключевые слова: неравномерность пространственного развития Китая; Стратегия масштабного развития Западного макрорегиона КНР; Стратегия возрождения старопромышленной базы Северо-Востока КНР; модернизация; политика реформ и открытости КНР; индексы оценки качества экономического развития

Для цитирования: Сюй Полин, Сюй Цзяньхуэй. Влияние стратегии масштабного освоения Западного макрорегиона на пространственное развитие Китая: эффективность внутренней политики и проблемы // Регион: экономика и социология. – 2025. – № 2 (126). – С. 186–230. DOI: 10.15372/REG20250208.

Неравномерность развития экономики – естественная закономерность процессов социально-экономического развития. На определенных особых этапах развития даже для таких крупных стран, как США, Российская Федерация и КНР, необходим стратегический выбор, предполагающий расширение пространства развития экономики и раскрытие потенциала национального экономического развития. В свое время США следовали стратегии экспансии на запад, в истории России было несколько этапов освоения Сибири и Дальнего Востока. КНР – большая страна, обладающая обширной территорией

с неравномерным развитием регионов. В плане развития экономики Западный макрорегион КНР² относится к довольно отсталым, низкий уровень его экономического развития стал ключевым фактором, ограничивающим качественный рост экономики страны в целом.

Начиная с 2000 г., когда было положено начало претворению в жизнь Стратегии масштабного развития Западного макрорегиона КНР³, эта крупнейшая территория Китая пережила этап быстрого экономического роста, был достигнут определенный прогресс в социальной сфере, но все еще сохраняется большой разрыв в развитии по сравнению с прибрежными районами Восточного макрорегиона КНР. Исходя из этих соображений большое теоретическое и практическое значение имеет исследование того, как Стратегия масштабного развития Западного макрорегиона КНР может стимулировать высококачественное развитие региональных экономик, сокращение разрыва в их развитии и достижение сбалансированного роста национальной экономики. В данной статье будет дан обзор предпосылок, целей, государственных программ и процесса реализации данной Стратегии. На этой основе будут обобщены и проанализированы достижения в ее реализации, а также использована система индексов оценки качества экономического развития для анализа ее результативности. В заключительной части статьи будут рассмотрены вызовы, с которыми пришлось столкнуться при реализации Стратегии масштабного развития

² В КНР для целей государственного управления на межрегиональном уровне выделены четыре макрорегиона: Западный, Северо-Восточный, Центральный и Восточный прибрежный. В официальных документах для последнего используется название «Восточный» и все они называются регионами. Далее наряду с такими названиями мы будем употреблять термины «Запад КНР», «Северо-Восток КНР» и вместо термина «регион» применительно к таким крупным территориям страны будем использовать термин «макрорегион». – *Прим. науч. ред.*

³ В буквальном переводе с китайского языка данная Стратегия именуется как «Стратегия масштабного развития Западного региона». В настоящей статье далее мы будем использовать соответствующее российской терминологии название этого программного документа Китая «Стратегия масштабного развития Западного макрорегиона КНР» или для краткости «Стратегия развития Запада КНР». – *Прим. науч. ред.*

Западного макрорегиона КНР, а также описаны опыт и импульсы, сформированные под ее влиянием.

1. ОБЩЕЕ ОПИСАНИЕ СТРАТЕГИИ МАСШТАБНОГО РАЗВИТИЯ ЗАПАДНОГО МАКРОРЕГИОНА КНР: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ, ЦЕЛИ, ПЛАНЫ И ДИНАМИКА ПРЕТВОРЕНИЯ В ЖИЗНЬ

1.1. Исторические предпосылки формирования Стратегии масштабного развития Западного макрорегиона КНР

Масштабное развитие Западного макрорегиона и возрождение Северо-Восточного макрорегиона КНР – это важнейшие направления национальной стратегии пространственного развития, разработанные и реализованные центральным правительством КНР на определенном историческом этапе экономического развития страны и осуществления политики реформ и открытости. Возрождение Северо-Востока представляет собой институциональную реформу и стратегию открытости в региональном развитии, предложенные в ответ на тот факт, что темпы развития старой промышленной базы на Северо-Востоке постепенно отставали от темпов экономического роста развитых прибрежных восточных регионов, которые стали эпицентром реформ и модернизации китайской экономики. Масштабное развитие Западного макрорегиона представляет собой национальную стратегию регионального развития, реализуемую с учетом закона неравномерного экономического развития в целях интенсификации развития национальной экономики, сокращения разрыва в развитии отдельных регионов, создания более крупного внутреннего рынка и содействия устойчивому и здоровому росту национальной экономики.

Западный макрорегион богат природными ресурсами, но из-за ограничений, обусловленных природными, историческими, социальными и другими факторами, в плане экономического развития он относится к достаточно отсталым территориям. После начала осуществления политики реформ и открытости восточные прибрежные районы КНР извлекли выгоду из своих географических преимуществ, таких как близость к морскому побережью и международным рын-

кам, а кроме того, они получали приоритетную поддержку в рамках политики реформ и открытости, поэтому их экономики быстро развивались. В силу исторических, природных и социальных причин в первые два десятилетия реализации политики реформ и открытости экономическое развитие Западного макрорегиона отставало. К 2000 г. ВВП на душу населения в Западном макрорегионе составлял всего две трети от среднего показателя по стране и менее 40% от среднего показателя Восточного макрорегиона. Такая ситуация несбалансированного развития стала серьезным вызовом для долгосрочной стабильности и процветания страны. Чтобы провести модернизацию национальной экономики, необходимо было решить проблемы отсталости и медленного развития Западного макрорегиона. Таким образом, ускорение развития по западному вектору стало долгосрочной стратегией развития экономики КНР после вступления в XXI век.

Если рассматривать ситуацию с точки зрения тенденций развития мировой экономики, можно утверждать, что рубеж веков стал пиком экономической глобализации. На фоне процессов глобализации и региональной экономической интеграции участие КНР в глобальных экономических циклах непрерывно расширялось и углублялось, что неизбежно повлекло за собой дальнейшее повышение экономической открытости страны путем вступления в ВТО. Обстановка стала напряженной подобно состоянию стрелы на тетиве. Если же встать на точку зрения политики открытости и стратегического подхода в развитии национальной экономики, тогда необходимо адаптироваться к глобальной структурной перестройке посредством реализации Стратегии развития Запада КНР и дальнейшего расширения внутреннего экономического пространства для повышения международной конкурентоспособности национальной экономики.

С точки зрения социальной стабильности и национального единства быстрое развитие восточных прибрежных районов после объявления политики реформ и открытости, а также увеличивающийся разрыв в развитии между Востоком и Западом оказали влияние на социальную стабильность и национальную безопасность в Западном макрорегионе. Здесь компактно проживают многочисленные этнические меньшинства. Чтобы поддержать и сохранить стабильность

в районах проживания этнических меньшинств и не допустить раскола КНР враждебными силами, действующими как внутри страны, так и за рубежом, необходимо было ускорить экономическое развитие и социальный прогресс в этих районах. Реализация Стратегии масштабного развития Западного макрорегиона КНР является стратегической мерой по достижению общего процветания, укреплению национального единства, поддержанию социальной стабильности и безопасности границ.

Если рассматривать ситуацию с точки зрения увеличения внутреннего спроса и стимулирования экономического роста, Западный макрорегион представляет собой огромные территории, богатые ресурсами, но уровень его развития относительно низок, здесь скрыты огромные инвестиционные возможности и рыночный потенциал. Практика развития КНР показала, что необходимо придавать одинаковое значение использованию внешних рынков и развитию рынков внутренних. В условиях внедрения рыночных механизмов расширение производственных мощностей вскоре столкнется с проблемой недостаточного внутреннего платежеспособного спроса, что станет долгосрочным фактором, сдерживающим экономическое развитие Китая. Реализация Стратегии масштабного развития Западного макрорегиона КНР может увеличить внутренние инвестиции и повысить потребительский спрос, а также способствовать устойчивому и быстрому экономическому росту.

С точки зрения устойчивого развития Западный макрорегион богат ресурсами, обеспечивающими значительную поддержку экономического развития страны. Но в то же время экологическая обстановка в этом макрорегионе очень хрупкая, остро стоит проблема опустынивания. Ухудшение экологической обстановки на западе страны постепенно превратилось в серьезную проблему, угрожающую стабильному состоянию природной среды и устойчивому экономическому и социальному развитию всей страны. Реализация Стратегии развития Запада КНР будет способствовать улучшению экологической обстановки и достижению целей устойчивого развития.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что формирование Стратегии масштабного развития Западного макрорегиона

КНР основано на всестороннем рассмотрении многих факторов, включая несбалансированное экономическое развитие страны, общие тенденции модернизации, экономическую глобализацию, необходимость расширения внутреннего спроса, достижения социальной стабильности и национального единства, а также экологическую обстановку и состояние охраны окружающей среды. Реализация данной Стратегии имеет важное теоретическое и практическое значение для обеспечения качественного развития экономики макрорегиона, сокращения разрыва в региональном развитии и достижения сбалансированного роста национальной экономики.

1.2. Цели и практическое содержание Стратегии масштабного развития Западного макрорегиона КНР

Стратегия развития Запада КНР – это важный и масштабный программный документ, принятый правительством страны для содействия согласованному экономическому развитию регионов, сокращению разрыва в развитии восточных и западных регионов и достижению цели национальной модернизации. Основными целями данной Стратегии являются следующие:

во-первых, содействие согласованному экономическому развитию регионов. Стратегия направлена на оптимизацию пространственной экономической структуры КНР, обеспечение рационального распределения ресурсов и формирование новой модели скоординированного развития Востока, Центра и Запада КНР;

во-вторых, достижение общего процветания. За счет ускорения развития Западного макрорегиона и повышения уровня жизни местных жителей, постепенного сокращения разрыва в развитии с Восточным макрорегионом планируется добиться равного процветания всех регионов страны и процветания всего народа;

в-третьих, достижение социальной стабильности и этнического единства. Западный макрорегион – это территория компактного проживания множества этнических меньшинств. Необходимо ускорить экономическое развитие и социальный прогресс этих регионов, еще больше укрепить и развить социалистические межнациональные отношения, основанные на равенстве, единстве и взаимопомощи,

а также повысить сплоченность и центроостремительную силу всей китайской нации;

в-четвертых, защита окружающей среды. В ходе масштабного освоения региона для обеспечения устойчивого развития необходимо уделять внимание защите окружающей среды и созданию благоприятной экологической обстановки;

в-пятых, продолжение работы в сфере модернизации. К 2035 г. в Западном макрорегионе будет в основном завершена социалистическая модернизация; социальное обслуживание, доступность инфраструктуры и уровень жизни людей будут примерно такими же, как в Восточном макрорегионе.

Реализация Стратегии развития Запада КНР включает следующие главные направления:

во-первых, создание инфраструктуры, а именно усиление строительства транспортной, энергетической, телекоммуникационной и другой инфраструктуры, а также улучшение инвестиционного климата и условий жизни населения Западного макрорегиона;

во-вторых, реализацию экологической политики и организацию защиты окружающей среды. Сюда входят выполнение крупных проектов по экологической защите и восстановлению окружающей среды, усиление охраны окружающей природной среды, предотвращение и контроль загрязнения окружающей среды;

в-третьих, содействие модернизации структуры экономики страны, для чего планируется наращивать мощности по глубокой переработке топливно-энергетических и минерально-сырьевых ресурсов, по производству продукции важнейших отраслей специализации сельского хозяйства, а также развивать современную сферу услуг;

в-четвертых, активное развитие научно-технического образования, повышение качества человеческого капитала, улучшение культурных и санитарных условий, а также повышение уровня государственных услуг;

в-пятых, эффективную работу по сокращению бедности в районах проживания этнических меньшинств, в районах старых промышленных баз, сформированных еще в революционный период, в пригра-

ничных районах и районах с крайне низким уровнем жизни. Необходимо также улучшить условия для развития производства в этих районах;

в-шестых, неуклонное содействие урбанизации, оптимизация топологии размещения городов и деревень, усиление строительства городской муниципальной инфраструктуры и обеспечение для сельского населения занятости на местах;

в-седьмых, поддержание ускоренного развития ключевых экономических зон: городов Чэнду и Чунцин, области Гуаньчжун в провинции Шэньси и городского округа Тяньшуй в провинции Ганьсу, области Северного залива в провинции Гауньси. Предполагается также увеличить поддержку «старых революционных баз», районов проживания этнических меньшинств, приграничных районов и районов, страдающих от нищеты;

в-восьмых, углубление реформ, расширение открытости, повышение уровня открытости внешнему миру, привлечение внутренних и иностранных инвестиций и содействие связям между Западным макрорегионом и внутренними и внешними рынками.

1.3. Внутриполитические меры в рамках Стратегии масштабного развития Западного макрорегиона КНР

К внутриполитическим мерам в рамках данной Стратегии относятся в первую очередь следующие:

1) трансфертные платежи и финансовая поддержка. Предусматриваются реформа инвестиционной системы и управленческие политики в рамках финансовой и налоговой систем: необходимо активно изучать реформу инвестиционной системы, продвигать реформу бюджетной и налоговой систем, укреплять механизм трансфертных платежей;

2) самостоятельность развития. Предполагается активно развивать внешнеэкономическую и торговую деятельность, расширять самостоятельность предприятий Западного макрорегиона в управлении внешней торговлей, поощрять развитие экспорта перспективной продукции, подряды на строительную деятельность за рубежом и трудовую кооперацию;

3) поддержка межрегиональных взаимодействий. Планируется содействовать региональному сотрудничеству и оказывать поддержку предприятиям Восточного и Центрального макрорегионов КНР в осуществлении различных форм сотрудничества с Западным макрорегионом;

4) привлечение перспективных кадров. Планируется привлекать перспективные кадры и развивать научно-техническое образование, в полной мере раскрыть ведущую роль науки и технологий, увеличить инвестиции в образование. Для укрепления уникальных прикладных и фундаментальных исследований предполагается оказывать поддержку научно-исследовательским институтам и университетам Западного макрорегиона;

5) строительство инфраструктуры. Предполагается ускорить строительство объектов инфраструктуры на Западе Китая, в том числе развернуть такие крупные проекты, как Цинхай-Тибетская железная дорога;

6) реализация экологической политики и защита окружающей среды. Предполагается внедрение мер по защите окружающей среды и созданию благоприятной экологической обстановки, в частности осуществление таких проектов, как перевод сельскохозяйственных угодий в леса, возвращение более 320 млн му (21,3 млн га. – *Прим. науч. ред.*) сельскохозяйственных угодий в оборот в качестве лесных зон и пастбищ, что значительно увеличит лесной покров;

7) развитие специализированных отраслей промышленности. Планируется развивать характерные для макрорегиона отрасли промышленности и активно осуществлять политику реиндустриализации с учетом внутренних и внешних промышленных факторов и условий;

8) развитие региональной науки, технологий, культуры и отраслей, специализирующихся на жизнеобеспечении людей; улучшение условий производства и жизни граждан;

9) развитие и обеспечение открытости внутренних и приграничных территорий региона;

10) углубление политики реформ и открытости. Необходимо укреплять собственные силы Западного макрорегиона, которые могли бы обеспечить его развитие, оптимизировать условия ведения произ-

водственного и торгового бизнеса, обеспечить развитие и укрепление рыночных субъектов, содействовать рациональному использованию производственных факторов и стимулировать созидательные силы общества;

11) совершенствование мер государственной политики поддержки, направленных на улучшение возможности гарантированного развития в Западном макрорегионе, на увеличение инвестиций в инфраструктуру, на поддержку развития основных отраслей специализации и перспективных отраслей, на борьбу с бедностью;

12) поддержка социального обеспечения. Главное – это люди, поэтому необходимо содействовать совместному использованию результатов развития, сосредоточившись на решении таких проблем, как региональные различия, различия между городом и деревней, различия в доходах. Следует обеспечить благоприятные условия жизни людей в ходе поступательного развития Запада КНР.

1.4. Этапы реализации Стратегии масштабного развития Западного макрорегиона КНР

Данная Стратегия в процессе формирования прошла четыре этапа: подготовки, реализации, углубления и формирования новой архитектуры. На протяжении предварительного подготовительного этапа, который длился с момента образования КНР до 1999 г., проводились различные исследования в области регионального строительства на Западе КНР. Важное достижение этого этапа – формирование предварительной концепции развития Западного макрорегиона, которая сложилась благодаря усилиям и поискам нескольких поколений лидеров КНР. Кроме того, была проведена определенная теоретическая подготовка, а также выработан предварительный план для формальной реализации Стратегии развития Западного макрорегиона.

Официальный этап воплощения в жизнь данного программного документа начался в 2000 г. В том же году на V Пленуме ЦК КПК 15-го созыва было внесено предложение начать реализацию Стратегии масштабного развития Западного макрорегиона КНР. После десяти лет исследований и оценки этой части внутренней политики страны в 2010 г. Центральный комитет КПК и Государственный совет

КНР опубликовали документ «Некоторые мнения относительно углубления реализации Стратегии освоения Западного макрорегиона», в котором были прояснены приоритеты политики развития Запада КНР. Предлагалось продолжить укреплять строительство инфраструктуры в Западном макрорегионе, а также уделять приоритетное внимание развитию важнейших перспективных отраслей и ключевых районов. С 2011 г. Стратегия развития Запада КНР вступила в стадию интенсивного продвижения, которая продлилась до 2019 г. На этом этапе больше внимания уделялось содействию качественному экономическому развитию в Западном макрорегионе. Были достигнуты серьезные успехи в увеличении общего объема экономики и строительстве инфраструктуры, что имеет большое значение в плане содействия экономическому развитию Западного макрорегиона. В мае 2020 г. Центральный Комитет Коммунистической партии Китая и Государственный совет КНР опубликовали документ «Руководящие положения по содействию новой модели развития Запада КНР в новую эпоху», и развитие Западного макрорегиона вступило в стадию корректирования стратегии и построения ее новой архитектуры. В документе меньше внимания уделяется экономическому и промышленному развитию, а акцент делается на защите окружающей среды и реализации экологической политики, на повышении уровня открытости внешнему миру и на сокращении разрыва между Востоком и Западом КНР в сфере базовых социальных услуг, инфраструктуре и уровне жизни людей.

2. ИЗМЕНЕНИЕ ОСНОВНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ С МОМЕНТА НАЧАЛА РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ МАСШТАБНОГО РАЗВИТИЯ ЗАПАДНОГО МАКРОРЕГИОНА КНР

В процессе реализации данной Стратегии в социально-экономическом развитии Западного макрорегиона был достигнут существенный прогресс, в определенной мере была переломлена тенденция увеличения разрыва в пространственном развитии между Востоком и Западом Китая. Центральное правительство КНР через внедрение различных государственных макроэкономических программ и про-

ектов, через предоставление финансовой поддержки привлекло более развитые регионы к стимулированию развития отстающих территорий. Программы развития отстающих западных регионов получили статус общенациональных стратегических программ. За счет этих мер появился дополнительный стимул для сбалансированного регионального экономического развития, были достигнуты значительные результаты. Эти достижения нашли свое отражение в прогрессе во многих областях, таких как экономический рост, промышленная трансформация, инвестиции в основной капитал, строительство инфраструктуры, внешняя торговля, уровень жизни населения и состояние окружающей среды.

2.1. Значительный рост общего объема экономики Западного макрорегиона и ее доля в экономике страны

Валовой внутренний продукт и темпы его роста являются основными показателями для измерения экономического развития региона. С момента реализации Стратегии масштабного развития Западного макрорегиона КНР размер экономики Западного макрорегиона значительно вырос, и вклад макрорегиона в рост национальной экономики продолжает увеличиваться. В 2000 г. ВВП (в российской статистике – ВРП. – *Прим. науч. ред.*) Западного макрорегиона составил 1 732,64 млрд юаней, что равнялось 17,7% от общенационального показателя; в 2022 г. ВВП макрорегиона достиг уже 25 698,5 млрд юаней, а его доля в ВВП страны увеличилась до 21,1%. Эти факты свидетельствуют о том, что не только общий объем экономики Западного макрорегиона значительно увеличился, но и его доля в национальной экономике также неуклонно растет. С точки зрения фактических темпов роста ВВП с момента начала реализации Стратегии развития Запада КНР темпы роста ВВП этого макрорегиона превышали общенациональные или примерно равнялись им. В 2000 г. фактический темп роста ВВП Западного макрорегиона составил 8,5%, что было немного выше фактического темпа роста ВВП страны (8,4%). При дальнейшей интенсификации выполнения Стратегии развития Запада КНР фактический темп роста ВВП Западного макрорегиона составил в 2007 г. 21,09%, что значительно выше среднего показателя по

стране (14,23%). В последующие пять лет среднегодовой темп прироста ВВП в Западном макрорегионе достиг 5,60%, что было выше среднего темпа прироста по стране (5,25%), и экономика макрорегиона демонстрировала устойчивую тенденцию к росту. Эти факты подтверждают предположение, что экономический рост в Западном макрорегионе является весьма устойчивым и стабильным, а кроме того, макрорегион может поддерживать рост выше среднего по стране в течение относительно длительного периода времени (рис. 1).

После начала реализации Стратегии масштабного развития Западного макрорегиона КНР ВВП на душу населения в Западном макрорегионе неуклонно рос, он увеличился с 4 862 юаней в 2000 г. до 67 087 юаней в 2022 г., при этом среднегодовой темп прироста составил 12,67%, что было на 1,25 п.п. выше общенационального темпа прироста ВВП на душу населения. Изменения величины ВВП на душу населения в провинциях Западного макрорегиона показаны

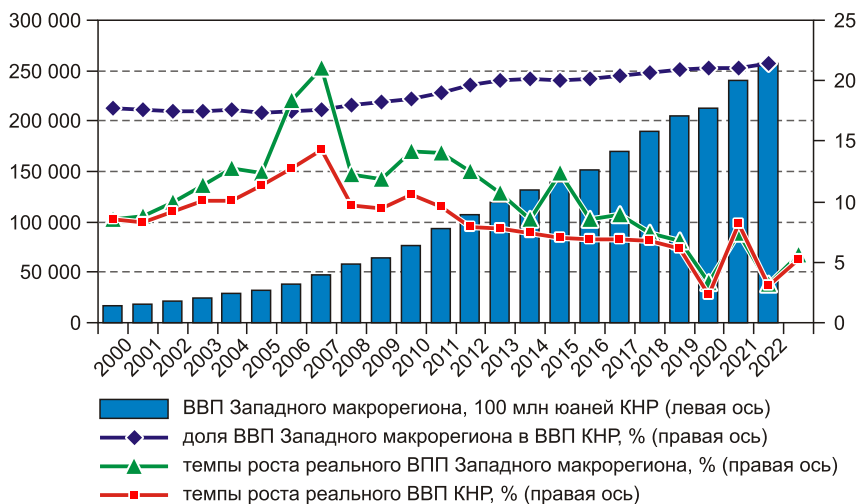

Рис. 1. Экономический рост Западного макрорегиона в сравнении с общенациональными показателями после запуска Стратегии развития Запада КНР

Источник: рассчитано и систематизировано авторами на основе данных Статистического ежегодника Китая (2001–2023 гг.)

Таблица 1

Изменения величины ВВП на душу населения в административных субъектах Западного макрорегиона, юаней КНР

Административный субъект	2000	2005	2010	2015	2020	2022	Среднегодовой прирост в 2000–2022, %
Гуйчжоу	2 662	5 052	13 119	28 324	46 207	52 321	14,50
Шэньси	4 549	9 899	27 133	46 859	66 199	82 864	14,10
Чунцин (город центрального подчинения)	5 157	10 982	27 596	51 196	77 915	90 663	13,92
Автономный район Внутренняя Монголия	5 872	16 331	47 347	73 080	72 242	96 474	13,57
Нинся-Хуэйский автономный район	4 839	10 239	26 860	42 570	54 377	69 781	12,90
Сычуань	4 784	9 060	21 182	36 668	58 056	67 777	12,81
Юньнань	4 637	7 835	15 752	29 207	51 931	61 716	12,49
Тибетский автономный район	4 559	9 114	17 319	31 103	51 987	58 438	12,29
Гуанси-Чжуанский автономный район	4 319	8 788	20 219	34 926	44 146	52 164	11,99
Цинхай	5 087	10 045	24 115	41 890	50 690	60 724	11,93
Гансу	3 838	7 477	16 113	26 914	36 052	44 968	11,84
Синьцзян-Уйгурский автономный район	7 470	13 108	25 034	39 098	53 273	68 552	10,60
Западный макрорегион	4 862	9 152	21 258	37 339	55 602	67 087	12,67
КНР	7 942	14 368	30 808	49 922	71 828	85 698	11,42

Источник: рассчитано и систематизировано авторами на основе данных Статистического ежегодника Китая (2001–2023 гг.).

в табл. 1. Самые высокие среднегодовые темпы прироста с 2000 по 2022 г. имела провинция Гуйчжоу (в среднем 14,5%). Далее следуют провинция Шэньси и город центрального подчинения Чунцин со средними годовыми темпами прироста 14,10 и 13,92% соответственно. Темпы прироста ВВП на душу населения в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) были относительно невысокими по китайским меркам: среднегодовой показатель составил 10,6%, что было немного ниже, чем в среднем по КНР. В целом ВВП на душу населения в Западном макрорегионе значительно вырос, при этом в большинстве провинций темпы роста превышают средние показатели по стране или близки к ним.

Эта тенденция роста не только указывает на потенциал и жизнеспособность Западного макрорегиона в экономическом развитии, но и свидетельствует об эффективности и положительных результатах реализации Стратегии масштабного развития Западного макрорегиона КНР. Ожидается, что благодаря дальнейшему осуществлению Стратегии и непрерывному развитию Западный макрорегион будет сохранять такую положительную динамику роста.

2.2. Структура производства Западного макрорегиона продолжает оптимизироваться

После начала реализации Стратегии развития Запада КНР инвестиционная среда и социальные условия в Западном макрорегионе постоянно улучшались и одновременно с этим процессом оптимизировалась структура экономики. Доля первичного сектора продолжала сокращаться, в то время как доля вторичного и третичного секторов увеличилась (доля третичного выросла особенно значительно)⁴. В 2022 г. доля третичного сектора экономики в Западном макрорегионе составила 48,66%, она превзошла долю вторичного, и третичный сектор стал доминирующей отраслью в этом регионе, что свидетельствует о постепенной трансформации экономики Запад-

⁴ Первичный сектор – сельское хозяйство, добывающие отрасли, лесное хозяйство, рыбное хозяйство; вторичный сектор – промышленность, энергетика, строительство; третичный сектор – сфера услуг, финансовое и страховое обслуживание, государственное управление, наука и образование. – *Прим. науч. ред.*

ного региона в экономику, ориентированную на сферу услуг. Как показано на рис. 2, доля первичного сектора экономики в Западном макрорегионе сократилась с 22,26% в 2000 г. до 11,42% в 2022 г., т.е. почти вдвое, что говорит о постепенном снижении доли добывающей промышленности, сельского хозяйства и других первичных отраслей в валовом выпуске макрорегиона. Доля вторичного сектора, хотя и колебалась с 2000 по 2016 г., демонстрировала общую тенденцию

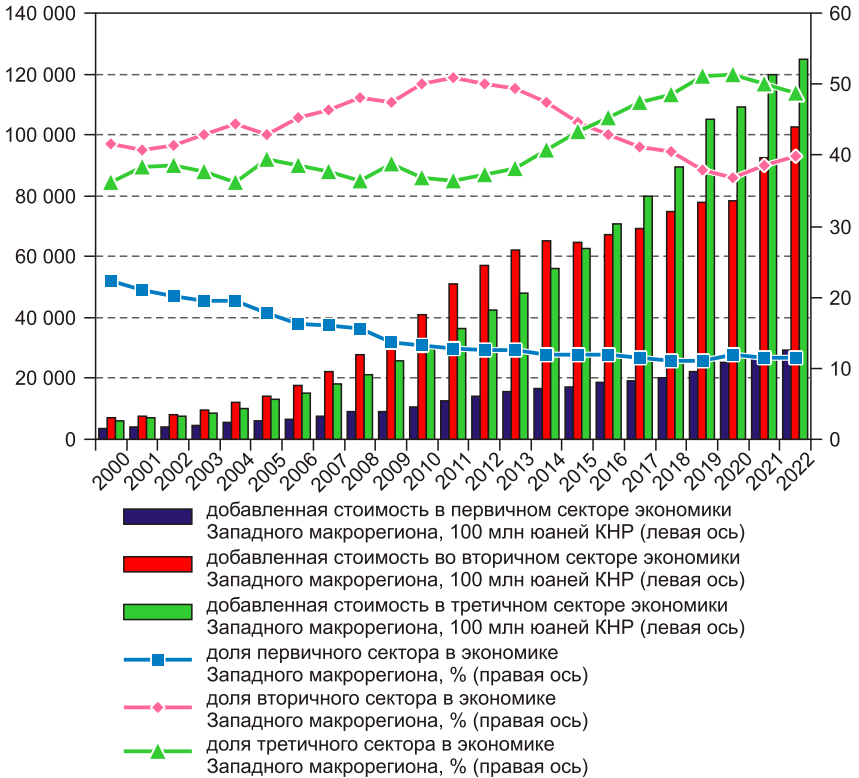

Рис. 2. Изменения в добавленной стоимости и доля трех секторов экономики в структуре производства Западного макрорегиона КНР

Источник: рассчитано и систематизировано авторами на основе данных Статистического ежегодника Китая (2001–2023 гг.)

Таблица 2

**Изменение отраслевой структуры добавленной стоимости промышленности
в Западном макрорегионе и в целом по стране, %**

Сектор экономики	2000		2010		2015		2022	
	Запад КНР	КНР	Запад КНР	КНР	Запад КНР	КНР	Запад КНР	КНР
Первичный	22,3	14,7	13,1	9,3	12,0	8,4	11,4	7,3
Вторичный	41,5	45,5	50,0	46,5	44,6	40,8	39,9	39,9
Третичный	36,2	39,8	36,9	44,2	43,4	50,8	48,7	52,8

Источник: рассчитано и систематизировано авторами на основе данных Статистического ежегодника Китая (2001–2023 гг.).

к росту. С 2017 г. эта доля снизилась, но все еще остается относительно высокой.

Это свидетельствует о том, что Западный макрорегион достиг определенных результатов в процессе индустриализации, однако в последние годы из-за таких факторов, как необходимость крупных затрат на охрану окружающей среды и реструктуризацию производства, темпы роста вторичного сектора экономики замедлились. Увеличение доли третичного сектора в структуре производства Западного макрорегиона на 12,43 п.п. за 22 года говорит о том, что на Западе КНР сфера услуг стала важнейшей движущей силой экономического роста (табл. 2).

2.3. Инвестиции в основной капитал в Западном макрорегионе растут быстрыми темпами

Инвестиции в основной капитал на Западе КНР продолжали расти, при этом большой объем средств вкладывался в строительство инфраструктуры и промышленное развитие. После начала реализации Стратегии масштабного развития Западного макрорегиона КНР общий объем инвестиций в основной капитал в Западном макрорегионе показал быстрый рост: если в 2000 г. их общий объем составлял 611,072 млрд юаней, то к 2022 г. он увеличился до 21 325,981 млрд юаней, т.е. практически в 34,9 раза.

Темпы прироста основных фондов в разные годы колебались, но в целом имели тенденцию к увеличению. Так, с 2000 по 2003 г. они составляли в среднем 21,07% в год, в период до 2008 – около 25%, при этом инвестиции в основные фонды постоянно росли.

В 2009 г. под влиянием мирового экономического кризиса правительство КНР значительно увеличило объем капиталовложений для стимулирования экономики. Инвестиции в основной капитал в Западном макрорегионе существенно выросли – на 38,21% по сравнению с 2008 г. В целом их рост на Западе КНР был традиционно выше, чем в среднем по стране (рис. 3).

С начала реализации Стратегии развития Запада КНР доля инвестиций в основной капитал в Западном макрорегионе в общенациона-

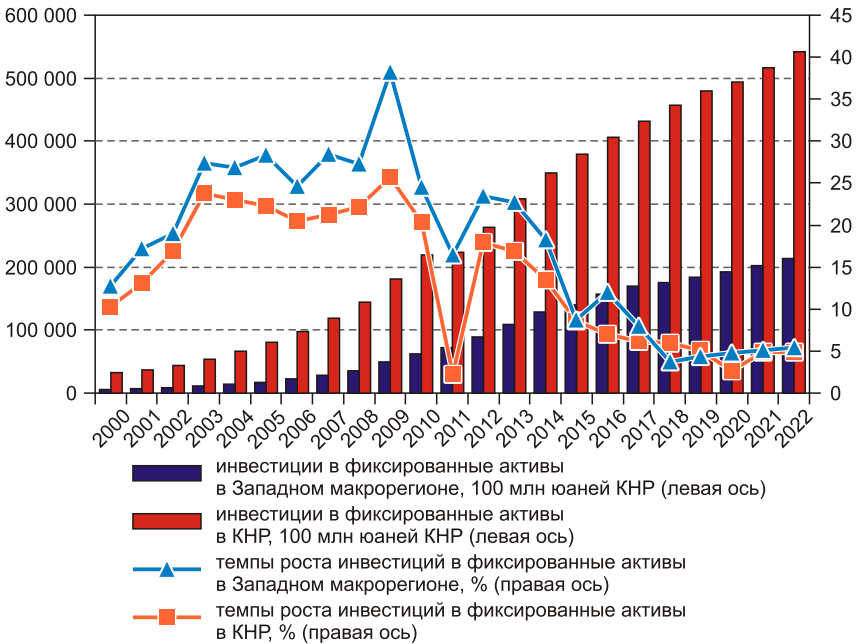

Рис. 3. Инвестиции в основной капитал в Западном макрорегионе и в целом по КНР

Источник: рассчитано и систематизировано авторами на основе данных Статистического ежегодника Китая (2001–2023 гг.)

нальном объеме увеличилась с 18,56% в 2000 г. до 39,32% в 2022 г. Это был колоссальный рост, и постоянное увеличение масштабов инвестиций заложило прочную основу для строительства инфраструктуры и развития промышленности в Западном макрорегионе.

2.4. Быстрые темпы модернизации инфраструктуры в Западном макрорегионе

Стимулирование экономического развития Западного макрорегиона неотделимо от масштабного строительства инфраструктуры. После более 20 лет развития инфраструктурное строительство на Западе КНР постоянно развивается. В плане дорожной инфраструктуры общая протяженность железных дорог и автомагистралей, находящихся здесь в эксплуатации, увеличилась с 22 тыс. и 554 тыс. км соответственно в 2000 г. до 63 тыс. и 2,31 млн км в 2022 г. Общая

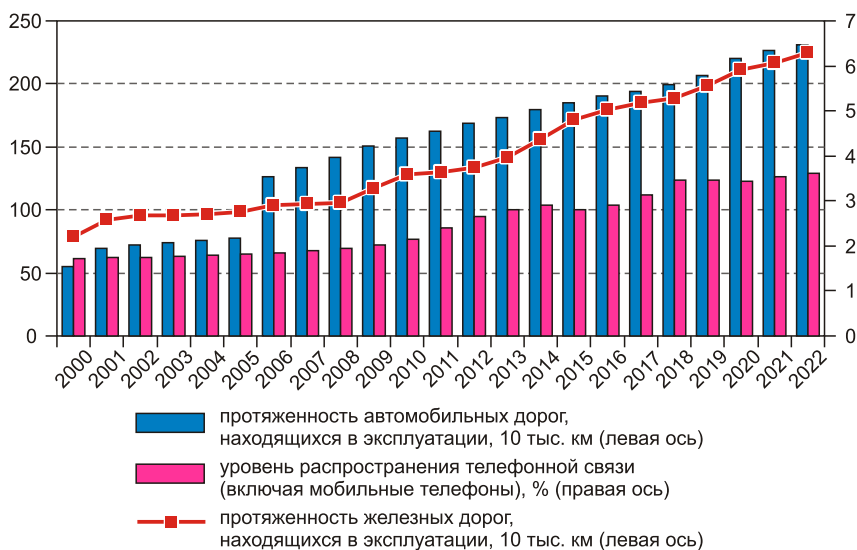

Рис. 4. Инфраструктурное развитие Западного макрорегиона

Источник: рассчитано и систематизировано авторами на основе данных Статистического ежегодника Китая (2001–2023 г.), статсборника «Транспорт Китая» (2001–2022 г.) и статистических ежегодников 31 провинции и города центрального подчинения Китая

протяженность железных дорог составляет 39,6% от общенационального показателя, автомагистралей – 42,4%, что больше примерно в 3 и 4 раза соответственно, чем в 2000 г. (рис. 4).

В плане инфраструктуры связи в 2000 г. уровень покрытия телефонией (включая мобильные телефоны) в Западном макрорегионе составлял 61,3 ед. на 100 чел., а общенациональный уровень – 78,5 ед. на 100 чел. К 2022 г. разрыв между Западным регионом и Китаем в целом еще больше сократился (см. рис. 4).

2.5. Объем внешнеторговых операций Западного макрорегиона непрерывно растет

Внешняя торговля Западного макрорегиона постепенно расширяется, он активно участвует в реализации стратегической инициативы «Один пояс – один путь» на разных уровнях и во многих областях. С начала реализации Стратегии развития Запада КНР общий объем импорта и экспорта товаров демонстрирует устойчивую тенденцию к росту, увеличившись за эти годы почти в 34 раза: с 16,585 млрд долл. США в 2000 г. до 580,134 млрд долл. США в 2022 г. Хотя общий объем экспортно-импортных операций продолжал расти, темпы его роста существенно колебались в разные годы. Так, под влиянием мировой экономической ситуации общий объем импорта и экспорта товаров в Западном макрорегионе в 2009, 2015 и 2016 гг. снизился (на 14,17, 12,94 и 11,59% соответственно). Но в целом доля Западного макрорегиона в общенациональном объеме импорта и экспорта неуклонно растет: с 3,5% в 2000 г. до 9,19% в 2022 г. (рис. 5). Это свидетельствует как о постепенном улучшении позиции Запада КНР в системе внешней торговли страны, так и о постоянном повышении конкурентоспособности продукции Западного макрорегиона КНР на мировых рынках.

В целом с момента запуска Стратегии развития Запада КНР и до настоящего времени доля Западного макрорегиона в национальной торговле продолжает расти, однако по сравнению с Центральным и Восточным макрорегионами масштабы его внешней торговли

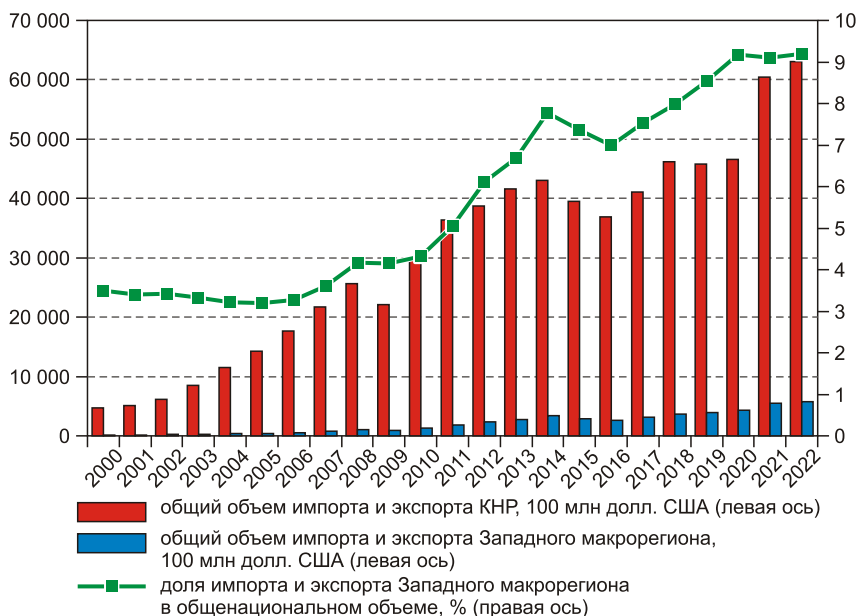

Рис. 5. Импорт и экспорт товаров Западного макрорегиона

Источник: рассчитано и систематизировано авторами на основе данных Статистического ежегодника Китая (2001–2023 гг.) и статистических ежегодников 31 провинции и города центрального подчинения Китая

по-прежнему относительно невелики (около одной десятой от национального показателя) (см. рис. 5), что говорит о том, что есть еще достаточно большое пространство для масштабных преобразований внешнего контура экономики Западного макрорегиона.

2.6. Неуклонное повышение уровня жизни населения Западного макрорегиона

С самого начала реализации Стратегии масштабного развития Западного макрорегиона КНР реальный располагаемый доход на душу населения у жителей Западного макрорегиона постоянно растет, а уровень жизни продолжает повышаться, разрыв в доходах насе-

ления между Западным макрорегионом и другими частями страны постепенно сокращался, покупательная способность существенно увеличилась, а качество жизни заметно улучшилось. Так, реальный располагаемый душевой доход в Западном макрорегионе вырос с 2 807 юаней в 2000 г. до 28 868,17 юаней в 2022 г. (среднегодовой темп прироста составил 14,4%), что в 1,13 раза превышает национальные темпы прироста. В результате уменьшилось отставание показателя реального располагаемого дохода на душу населения Западного макрорегиона от среднего по стране: с 69,93% в 2000 г. до 78,91% в 2022 г. (рис. 6).

С 2000 по 2020 г. коэффициент Энгеля⁵ для Западного макрорегиона уменьшился с 49,78 до 32,12%, что свидетельствует о посте-

Рис. 6. Показатели уровня жизни населения в Западном макрорегионе КНР

Источник: рассчитано и систематизировано авторами на основе данных Статистического ежегодника Китая (2001–2023 гг.)

⁵ Коэффициент Энгеля измеряет удельный вес расходов населения на продукты питания в общих потребительских расходах. – Прим. науч. ред.

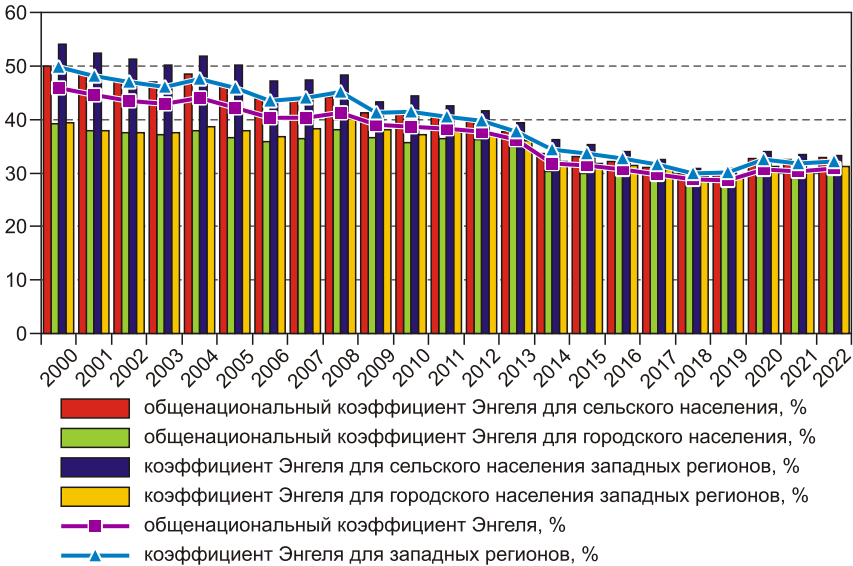

Рис. 7. Коэффициент Энгеля для Западного макрорегиона и страны в целом

Источник: рассчитано и систематизировано авторами на основе данных
Статистического ежегодника Китая (2001–2023 гг.)

пенном снижении у населения макрорегиона расходов на питание в общей структуре расходов и об улучшении качества жизни. Традиционно этот коэффициент в Западном макрорегионе всегда был выше, чем в среднем по стране, однако с начала реализации Стратегии развития Запада КНР этот разрыв стал постепенно сокращаться (рис. 7).

2.7. Экологическая обстановка в Западном макрорегионе продолжает улучшаться

Экологическая обстановка на Западе КНР значительно улучшилась, здесь удалось сформировать «петлю положительной обратной связи» между защитой окружающей среды и экономическим развитием. С самого начала осуществления Стратегии масштабного

развития Западного макрорегиона КНР на этой территории был реализован ряд крупных экологических проектов.

В 2000 г. интенсивность выбросов углекислого газа в Западном макрорегионе составляла 5,34 т на 10 тыс. юаней производства продукции, что значительно превышало общенациональные показатели загрязнения окружающей среды. Это было обусловлено главным образом тем, что в Западном макрорегионе на раннем этапе индустриализации действовало много энергоемких производств. В процессе реализации Стратегии развития Запада КНР интенсивность выбросов углекислого газа в макрорегионе постепенно снижалась – до 1,35 т на 10 тыс. юаней к 2022 г. Этот факт свидетельствует о том, что макрорегион достиг впечатляющих результатов в энергосбережении

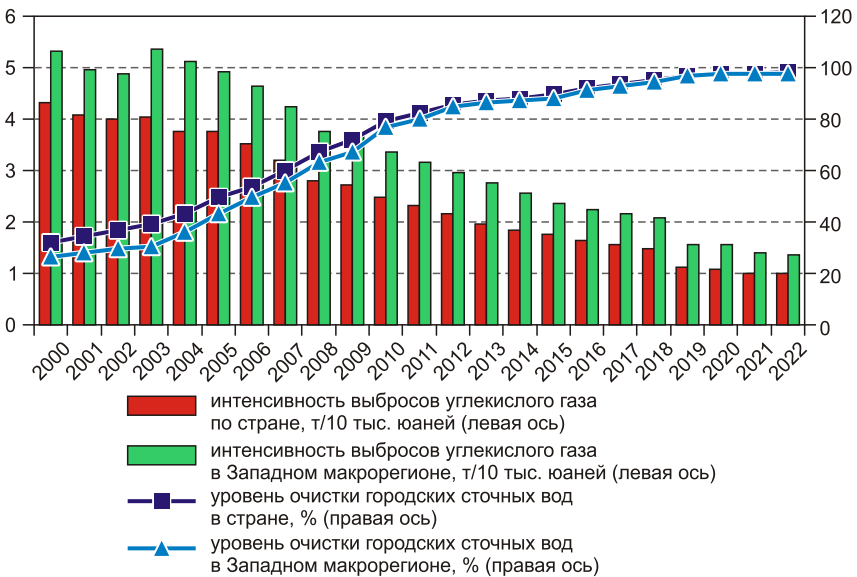

Рис. 8. Интенсивность выбросов углекислого газа и ситуация с очисткой городских сточных вод в Западном макрорегионе и по стране в целом

Источник: рассчитано и систематизировано авторами на основе Базы данных по углеродному учету Китая, данных Статистического ежегодника Китая (2001–2023 гг.) и Статистического ежегодника городов Китая (2001–2023 гг.)

и сокращении выбросов. Еще одним из важных показателей качества окружающей природной среды стал уровень очистки городских сточных вод. Повышение степени очистки городских сточных вод помогает сохранить баланс водной экосистемы, и это способствует равновесию окружающей природной среды. Как видно из рис. 8, степень очистки городских сточных вод в Западном макрорегионе увеличилась с 26,35% в 2000 г. до 97,89% в 2022 г., при этом наблюдается отчетливая тенденция к росту и в дальнейшем.

Таким образом, если ранее в Западном макрорегионе защита окружающей среды находилась на довольно низком уровне, то за два последних десятилетия здесь добились существенных результатов, в первую очередь благодаря реализации крупных экологических программ.

3. КАЧЕСТВЕННОЕ ВЛИЯНИЕ СТРАТЕГИИ МАСШТАБНОГО ОСВОЕНИЯ ЗАПАДНОГО МАКРОРЕГИОНА КНР НА ПРОЦЕССЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

3.1. Система индексов оценки качества экономического развития

Для того чтобы всесторонне охарактеризовать качество пространственного экономического развития в КНР, в данной статье использован подход к построению комплексного индекса качества регионального экономического развития, предложенный Сунь Хао с соавторами (2020 г.)⁶. В нем учитываются пять аспектов: инновационное развитие, экологичное развитие, скоординированное развитие, открытое развитие и совместное развитие. Всего комплексный индекс включает в себя 24 индекса трех уровней (табл. 3).

⁶ См.: Сунь Хао, Гуй Хэцин, Ян Дун. Измерение и оценка качественного развития провинциальной экономики Китая // Социальные науки провинции Чжэцзян. – 2020. – № 08. (На кит. яз.).

Таблица 3

Система индексов оценки качества экономического развития

Индексы первого уровня	Индексы второго уровня	Направление	Способ расчета
Инновационное развитие	Темпы роста ВВП	+	Темпы роста регионального ВВП
	ВВП на душу населения	+	Региональный ВВП / общая численность населения региона
	Число выданных патентных заявок на душу населения	+	Число выданных патентных заявок на душу населения / общая численность населения региона
	Интенсивность инвестиций в НИОКР	+	Расходы промышленных предприятий на НИОКР сверх установленного размера / ВВП
	Эффективность инвестиций	-	Объем инвестиций / темп роста ВВП
	Технологическая транзакционная деятельность	+	Объем технологических транзакций / ВВП
Скоординированное развитие	Структура спроса	+	Общий объем розничных продаж потребительских товаров / ВВП
	Соотношение городских и сельских территорий	+	Уровень урбанизации
	Структура производства	+	Стоимость продукции третичного сектора экономики / ВВП
	Индекс Тейла	-	Индекс Тейла
	Протяженность автомагистралей на душу населения	+	Протяженность региональных автомагистралей / общая численность населения региона
	Размер государственного долга	-	Баланс государственного долга / ВВП

Окончание табл. 3

Индексы первого уровня	Индексы второго уровня	Направление	Способ расчета
Экологичное развитие	Коэффициент эластичности потребления энергии	–	Темпы роста потребления энергии / темпы роста ВВП
	Сточные воды, вырабатываемые предприятиями	–	Объем сточных вод / ВВП
	Выхлопные газы, вырабатываемые предприятиями	–	Выбросы диоксида серы / ВВП
	Искусственное лесонасаждение	+	Площадь искусственного лесонасаждения в регионе
Открытое развитие	Зависимость от внешней торговли	+	Общий объем импортных и экспортных операций / ВВП
	Коэффициент иностранных инвестиций	+	Общий объем иностранных инвестиций / ВВП
	Уровень маркетизации	+	Индекс региональной маркетизации
Совместное развитие	Коэффициент оплаты труда работников	+	Объем зарплатного фонда / ВВП
	Число коек в медицинских учреждениях на душу населения	+	Число коек в лечебно-профилактических учреждениях региона / общая численность населения региона
	Эластичность роста доходов резидентов	+	Темпы роста располагаемого дохода на душу населения / темпы роста ВВП
	Разрыв в потреблении между городом и деревней	–	Душевые потребительские расходы городских жителей / душевые потребительские расходы сельских жителей
	Доля бюджетных расходов на жизнеобеспечение людей	+	Доля местных бюджетных расходов на образование, медицинскую помощь и здравоохранение, жилищное обеспечение, социальное обеспечение и занятость в расходах местного бюджета

Источник: обобщено авторами статьи.

3.2. Результаты оценки качества развития экономики региона

Объектом исследования выступил 31 административный субъект КНР, включая провинции, города центрального подчинения и автономные районы (кроме Гонконга, Макао и Тайваня), и на этой основе нами сформированы панельные данные за период с 2000 по 2022 г. Все данные получены от Национального бюро статистики, взяты из статистических ежегодников и статистических бюллетеней провинций, а также из Китайского статистического ежегодника, Китайского экологического статистического ежегодника и Китайского научно-технического статистического ежегодника. Некоторые недостающие данные взяты с соответствующих официальных сайтов и дополнены путем интерполяции. Для объективного взвешивания используется метод энтропии. Для расчета индекса качества экономического развития каждой провинции и каждого города используется линейно-взвешенный метод, а результаты расчетов визуализируются с помощью ArcGIS10.8.

С макроэкономической точки зрения в период с 2000 по 2022 г. индекс качества развития экономики КНР демонстрировал устойчивую и положительную тенденцию роста. Данный индекс неуклонно рос, увеличившись с 0,125 в начале века до 0,274 в 2022 г., что в полной мере говорит о существенном улучшении качества экономики КНР. С 2000 по 2010 г. экономика КНР пережила «золотой период» быстрого развития. Индекс качества экономического развития у всех административных субъектов в этот период значительно вырос. Особенно после вступления КНР во Всемирную торговую организацию степень открытости страны внешнему миру продолжала повышаться, жизнеспособность рыночной экономики еще больше увеличилась, а экономики различных провинций и городов вышли на восходящий тренд (табл. 4).

В связи с более ранним началом быстрого развития прибрежного Восточного макрорегиона, его более выгодным географическим положением и проводимой им политикой открытости темпы экономического развития здесь были существенно выше, чем в других макрорегионах КНР. Среднее значение индексов качества экономического развития в Восточном макрорегионе уже в начале рассмат-

Таблица 4

**Комплексный индекс качества экономического развития в провинциях
и городах КНР**

Административный субъект КНР	Макро-регион	2000	2010	2016	2022	Сред. значение за период*	Изменение за 2000–2022, %**
Цзянсу	Восток	0,113	0,241	0,278	0,406	0,248	259,13
Чжэцзян	Восток	0,114	0,220	0,279	0,387	0,234	240,27
Аньхой	Центр	0,079	0,118	0,183	0,258	0,146	227,94
Цзянси	Центр	0,078	0,134	0,171	0,232	0,144	198,22
Гуанси	Запад	0,077	0,120	0,151	0,227	0,132	193,38
Хунань	Центр	0,085	0,142	0,193	0,243	0,161	184,69
Чунцин	Запад	0,104	0,156	0,227	0,266	0,176	155,16
Нинся	Запад	0,089	0,124	0,160	0,221	0,141	147,89
Пекин	Восток	0,252	0,364	0,445	0,590	0,389	133,52
Шаньдун	Восток	0,124	0,190	0,224	0,289	0,198	132,35
Тяньцзинь	Восток	0,183	0,253	0,347	0,418	0,290	128,79
Фуцзянь	Восток	0,124	0,169	0,215	0,283	0,189	128,38
Шанхай	Восток	0,224	0,332	0,354	0,508	0,339	126,52
Ганьсу	Запад	0,094	0,130	0,190	0,212	0,151	126,51
Хубэй	Центр	0,130	0,147	0,219	0,293	0,179	124,86
Гуйчжоу	Запад	0,084	0,106	0,167	0,188	0,134	123,80
Сычуань	Запад	0,114	0,148	0,230	0,254	0,169	122,33
Тибет	Запад	0,088	0,136	0,162	0,194	0,143	120,52
Гуандун	Восток	0,188	0,245	0,280	0,401	0,265	114,04
Хэнань	Центр	0,098	0,129	0,164	0,208	0,147	112,41
Цинхай	Запад	0,100	0,136	0,182	0,195	0,148	95,97
Хэбэй	Восток	0,122	0,134	0,199	0,228	0,166	86,69

Окончание табл. 4

Административный субъект КНР	Макрорегион	2000	2010	2016	2022	Сред. значение за период*	Изменение за 2000–2022, %**
Гирин	Центр	0,119	0,131	0,179	0,220	0,153	84,40
Шэньси	Запад	0,146	0,149	0,227	0,270	0,184	84,38
СУАР	Запад	0,097	0,154	0,168	0,179	0,152	83,72
Хэйлунцзян	Центр	0,125	0,158	0,174	0,213	0,157	69,70
Шаньси	Центр	0,137	0,142	0,181	0,227	0,165	65,22
Ляонин	Восток	0,162	0,193	0,214	0,263	0,203	62,72
Юньнань	Запад	0,114	0,192	0,184	0,182	0,163	59,33
АРВМ	Запад	0,158	0,169	0,216	0,221	0,193	39,92
Хайнань	Восток	0,161	0,133	0,163	0,215	0,156	33,73

Примечания: СУАР – Синьцзян-Уйгурский автономный район; АРВМ – Автономный район Внутренняя Монголия; * рассчитывалось как среднее из величины ИКР за все годы периода с 2000 по 2022 г.; ** рассчитывалось по формуле $(ИКР_{2022} - ИКР_{2000}) / ИКР_{2000} \cdot 100$.

риваемого периода были существенно выше, чем в центральных и западных регионах, что свидетельствовало об эффективном использовании восточной прибрежной зоной страны факторов своего развития, уникальных географических преимуществ, условий, обеспечиваемых новаторской и открытой политической средой.

Из рисунка 9 видно, что Восточный прибрежный макрорегион за два последних десятилетия еще более укрепил свои позиции в экономическом пространстве КНР с точки зрения качества экономического роста. Это подчеркивает актуальность и в то же время сложность реализации текущей политики скоординированного пространственного развития Китая.

Благодаря комплексной реализации Стратегии масштабного развития Западного макрорегиона КНР появились возможности не только для ускорения развития макрорегиона, но и для наполнения

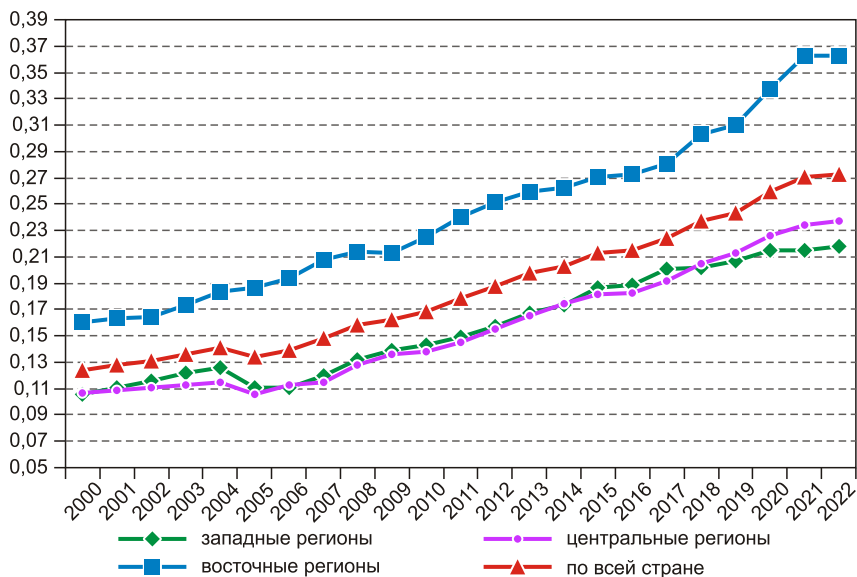

Рис. 9. Комплексный индекс качества экономического развития Восточного, Центрального и Западного макрорегионов КНР

этого роста новым качеством. Запад КНР добился существенного улучшения своего индекса качества экономического развития и в период 2010–2016 гг. стал постепенно сокращать разрыв с Восточным макрорегионом.

С 2016 г. экономика КНР вступила в новый этап качественного развития, что было достигнуто благодаря углублению структурных реформ в сфере предложения и полной реализации стратегии развития, основанной на инновациях. В то же время анализ показал, что хотя за последние два десятилетия общей тенденцией было улучшение качества экономического развития в целом по КНР, в пространственном измерении этот процесс был неравномерным.

Для провинций и автономных районов страны в разные периоды времени отмечались разные тренды изменения индекса качества экономического развития, что наглядно показывают рис. 10–13. Так, если в качестве основы классификации использовать данные 2000 г.,

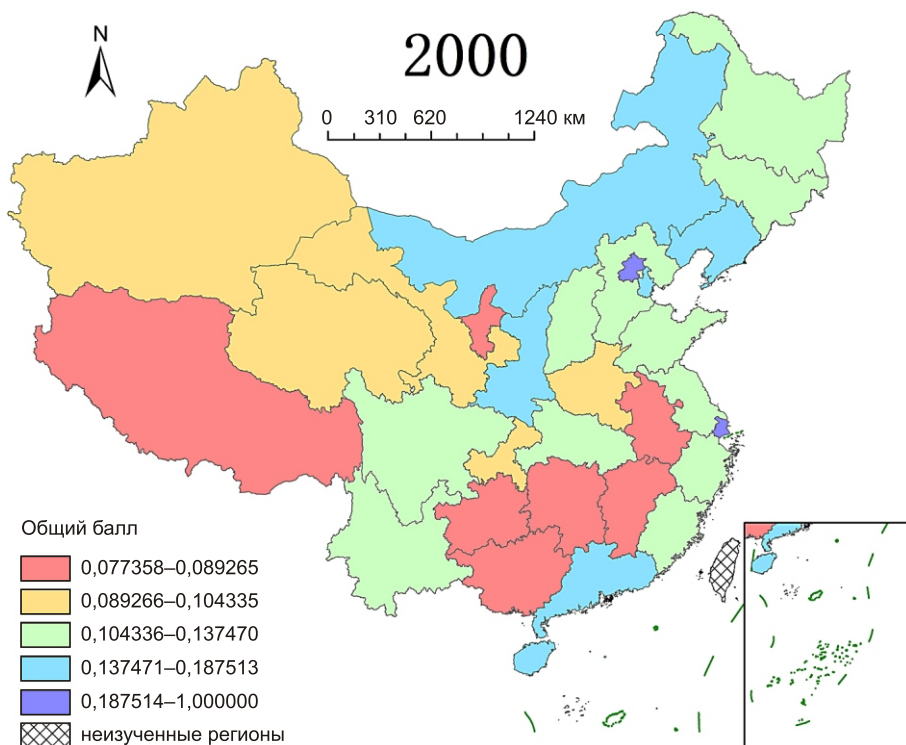

Рис. 10. Распределение значений индекса качества экономического развития по провинциям и городам в 2000 г.

то в 2022 г. только провинция Юньнань и СУАР продолжали находиться на средне-низком уровне качественного развития, а остальные провинции и автономные районы Северо-Запада находились на достаточно высоком уровне.

Стоит отметить, что в течение 18 лет (с 2000 по 2017 г.) средний индекс качества развития экономики Западного макрорегиона был выше, чем у Центрального, практически на протяжении всего периода. Однако с 2018 по 2022 г. Центральный макрорегион превзошел Западный в плане роста индекса качества развития. Это не только свидетельствовало об усилении в последние годы тенденции к дого-

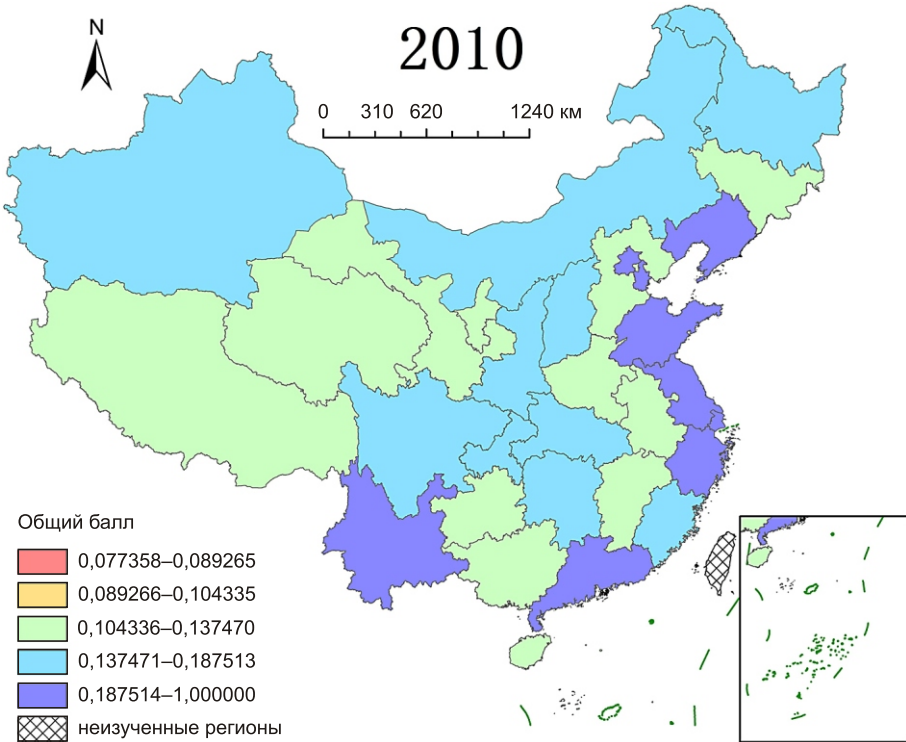

Рис. 11. Распределение значений индекса качества экономического развития по провинциям и городам в 2010 г.

няющему развитию у Центрального макрорегиона, но и выявило динамические изменения в сфере региональной экономической конкуренции. Эти изменения показывают, что в процессе содействия качественному экономическому развитию в КНР необходимо продолжать уделять внимание региональным стратегиям развития и оптимизировать их.

В то же время следует отметить, что хотя общий индекс качества экономического развития Западного макрорегиона имеет тенденцию к росту, существуют различия в темпах роста между отдельными западными административными субъектами. Например, являясь важ-

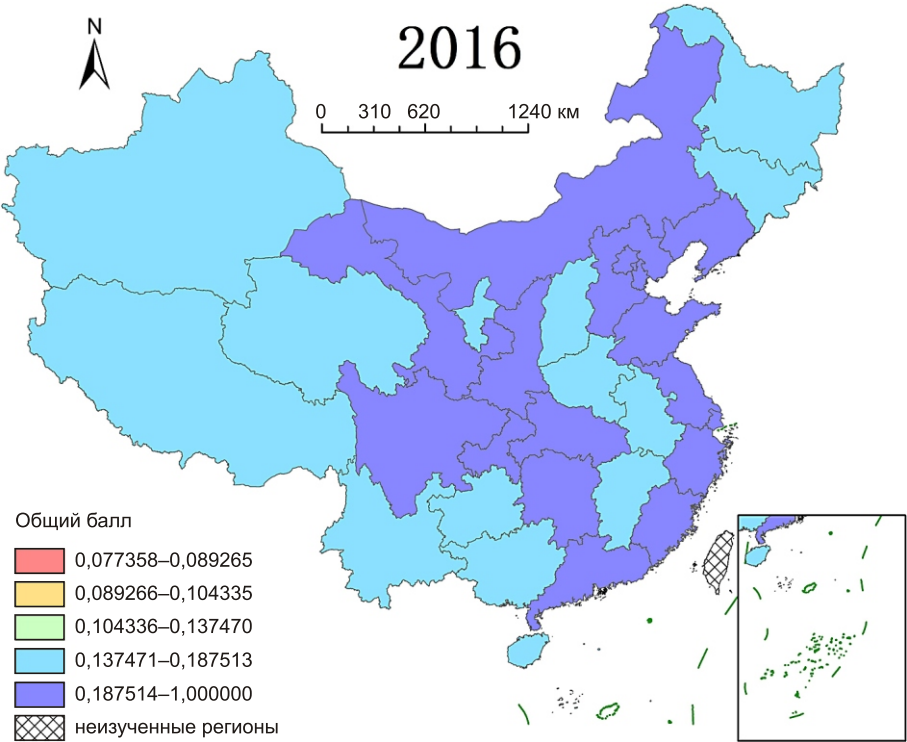

Рис. 12. Распределение значений индекса качества экономического развития по провинциям и городам в 2016 г.

ным полюсом экономического роста на Западе КНР, экономическая зона Чэнду-Чунцин имеет значительно более высокий индекс качества экономического развития, чем прилегающие районы, в то время как экономическое развитие некоторых отдаленных районов проживания этнических меньшинств носит довольно отсталый характер вследствие исторических, культурных, географических и других причин. Поэтому при разработке региональных стратегий развития необходимо в полной мере учитывать региональные различия и разрабатывать целевую политику, ориентированную на местные условия, для содействия сбалансированному развитию регионов.

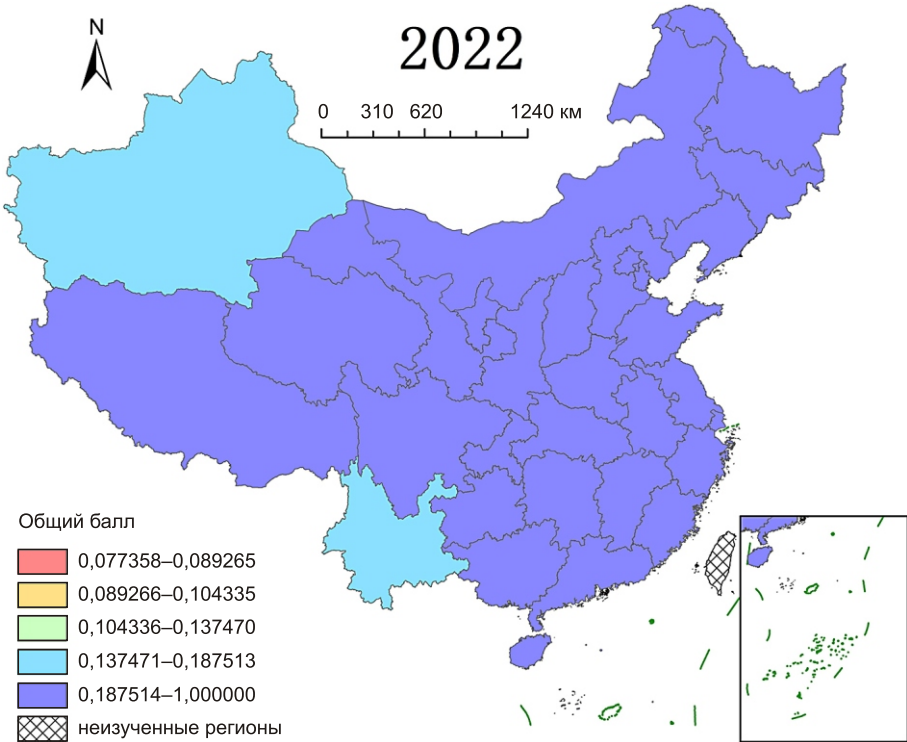

Рис. 13. Распределение значений индекса качества экономического развития по провинциям и городам в 2022 г.

4. ТЕКУЩИЕ ПРОБЛЕМЫ И УРОКИ, ИЗВЛЕЧЕННЫЕ ИЗ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ МАСШТАБНОГО РАЗВИТИЯ ЗАПАДНОГО МАКРОРЕГИОНА КНР

4.1. Проблемы и вызовы, появившиеся в процессе реализации Стратегии развития Запада КНР

С начала претворения в жизнь данной Стратегии экономический потенциал Западного макрорегиона значительно вырос, производственная структура постоянно оптимизировалась, инвестиции в основной капитал существенно увеличились, интенсифицировалось

строительство, повышался уровень жизни населения, продолжало улучшаться состояние окружающей природной среды. Однако на Западе КНР все еще существуют некоторые проблемы и трудности. К основным из них относятся несбалансированное развитие внутри макрорегиона, трудности в трансформации и модернизации промышленности, серьезные препятствия в создании технологических инноваций, недостаточная степень открытости внешнему миру и сильное давление государственного долга.

Во-первых, развитие внутри макрорегиона неравномерно. В процессе реализации Стратегии масштабного развития Западного макрорегиона КНР отчетливо выявилось, что хотя этот макрорегион и добился значительных успехов в экономическом и социальном развитии, внутри него существуют очевидные различия, а развитие административных субъектов (провинций, автономных районов, городов центрального подчинения) идет весьма неравномерно. Внутри макрорегиона начала четко проявляться тенденция «Юго-Запад сильнее Северо-Запада». Западный макрорегион представляет собой обширную территорию, и из-за различий между провинциями, автономными районами и городами центрального подчинения в местоположении, окружающей природной среде, ресурсах и экономической базе после начала реализации Стратегии развития Запада КНР дифференциация экономического развития внутри макрорегиона стала довольно серьезной. Провинции Сычуань, Шэньси, Юньнань и Гуанси, а также город центрального подчинения Чунцин на юго-западе макрорегиона занимают всего 20% его территории. Однако за последние пять лет сумма их ВВП составила более 67% ВВП Западного Китая. В то же время автономные районы Внутренняя Монголия и Тибет, провинции Цинхай и Нинся имеют малочисленное население и обширные территории. Их общий объем производства немного вырос за период с 2000 по 2012 г., но в последующие годы доля этих регионов в объеме ВВП Западного Китая имела тенденцию к снижению, упав до 13,22% в 2022 г.⁷

⁷ Рассчитано на основе данных Национального статистического ежегодника.

Кроме того, внутренний дисбаланс развития в Западном макрорегионе также отражал разрыв в развитии городов и сельских районов. Относительно развитые города, такие как Сиань, Чэнду и Чунцин, имеют больший объем местных экономик, а уровень развития их инфраструктуры, уровень общественных услуг и уровень заработной платы намного превосходят соответствующие показатели других городов и сельских районов. Эти города продолжают привлекать талантливые⁸ людские ресурсы и капитал, а темпы их экономического роста значительно выше, чем у других городов и сельских районов Запада КНР. Однако многие сельские районы Западного макрорегиона (особенно на отдаленных горных территориях) из-за затрудненного транспортного сообщения, относительно низкого объема и качества образовательных и медицинских услуг, медленного развития и низкого уровня жизни населения могут стать проблемными ареалами в реализации Стратегии масштабного развития Западного макрорегиона КНР.

Во-вторых, промышленная трансформация и модернизация сложны в осуществлении. Анализ регионального индекса качества развития, представленный в предыдущей части статьи, показывает, что Западный макрорегион на этапе становления его экономики опирался на крупномасштабные инвестиции в основной капитал и на крупные инфраструктурные проекты, которые придали мощный импульс экономическому развитию. Однако в последние годы недостатки модели роста, базирующейся на инвестициях, постепенно проявились, и экономическим секторам стало сложно перестроиться на более передовую модель. В 2000 г. доля инвестиций в основной капитал составляла 35,27% ВВП Западного макрорегиона, а в 2016 г. увеличилась до 104,09%. Несмотря на снижение за последние пять лет, доля инвестиций в основной капитал в ВВП осталась здесь выше 80%, что указывает на сильную зависимость экономического роста от масштабов и структуры капиталовложений⁹.

⁸ Квалифицированные и креативные. – *Прим. науч. ред.*

⁹ Рассчитано на основе данных Национального статистического ежегодника.

Кроме того, Западный макрорегион играет ключевую роль в КНР в поставках энергоносителей и минеральных ресурсов. Структура его промышленности смещена в сторону энерго- и ресурсоемких отраслей, экономика макрорегиона характеризуется монополизмом, высоким потреблением энергии, большими промышленными выбросами и низкой эффективностью. В связи с произошедшими изменениями в мировой экономической ситуации и внутренними потребностями развития Западному макрорегиону необходимо срочно ускорить переход от трудоемких отраслей с низкой добавленной стоимостью к высокотехнологичным, создающим высокую добавленную стоимость. Однако путь к такой трансформации тернистый. Реальные проблемы, такие как отсутствие технологических инноваций, большой отток людских ресурсов, отсталость инфраструктуры и сферы общественных услуг, сдерживают трансформацию экономики и модернизацию промышленной структуры Западного макрорегиона.

В-третьих, возможности технологических инноваций здесь все еще слабые. Западный макрорегион сталкивается с серьезными проблемами в области технологических инноваций, среди которых особенно заметны нехватка средств на НИОКР и недостаточный инновационный потенциал. С 2000 по 2020 г. финансирование НИОКР в Западном макрорегионе увеличилось с 14,083 до 396 млрд юаней, в то время как общенациональный объем финансирования НИОКР вырос с 89,566 до 3 080 млрд юаней. Хотя финансирование НИОКР в Западном макрорегионе растет, его доля в общенациональном объеме снизилась с 15,72% в 2000 г. до 12,86% в 2022 г.

В то же время доля расходов на НИОКР Восточного макрорегиона в общенациональном объеме продолжает оставаться выше 67%. Это подчеркивает неравенство в финансировании НИОКР между восточными и западными районами КНР. Несмотря на поддержку в рамках национальной политики, Западный макрорегион имеет слабую экономическую базу, что затрудняет выделение достаточных средств на научные исследования из собственных финансовых ресурсов. Технологические инновации на предприятиях затруднены, технических специалистов не хватает, инновационные структуры слабые, а эффективную инновационную систему создать сложно.

В-четвертых, степень открытости внешнему миру ограничивается географическим фактором. Безусловно, с началом реализации Стратегии масштабного развития Западного макрорегиона КНР социальный и экономический прогресс в Западном макрорегионе был значительным. Однако на фоне ускоренного воплощения стратегии открытости в новую эпоху Западный макрорегион имеет ограниченные возможности в плане открытости внешнему миру из-за своего географического положения. Хотя он и является одним из приоритетных в отношении открытости КНР¹⁰ и имеет потенциал стать важным узлом международного обмена, его несовершенная транспортная система и неразвитость социальной инфраструктуры в совокупности препятствуют повышению эффективности миграционных и логистических потоков, что, в свою очередь, мешает бесперебойной внешнеторговой деятельности и ограничивает открытость экономики макрорегиона.

С началом реализации Стратегии развития Запада КНР общий объем импорта и экспорта товаров макрорегиона увеличился, однако темпы роста были относительно медленными. К 2022 г. общий объем импорта и экспорта товаров Западного макрорегиона составил 9,19% от общенационального объема, что указывает на большой разрыв по этому показателю с Центральным и Восточным макрорегионами. Кроме того, по сравнению с Восточным макрорегионом в Западном меньше открытых площадок для трансграничных взаимодействий, таких как пилотные зоны свободной торговли и зоны национального экономического развития, и их функции относительно слабо проработаны, что также ограничивает открытость Западного макрорегиона внешнему миру и лимитирует использование зарубежных ресурсов и рынков для достижения более высокого уровня экономического развития.

В-пятых, правительство испытывает серьезное бремя государственного долга. В 2023 г. восемь административных субъектов Западного макрорегиона были включены в список основных регионов

¹⁰ Особенно в рамках политики «Движение на Север», что, например, является важным направлением трансграничных взаимодействий Автономного района Внутренняя Монголия. – *Прим. науч. ред.*

с высоким долговым риском (это провинции Гуанси, Гуйчжоу, Юньнань, Ганьсу, Цинхай, Нинся и город центрального подчинения Чунцин, т.е. две трети регионов КНР с высоким долговым риском)¹¹. Что касается уровня бюджетного самообеспечения, то в 2023 г. в КНР было в общей сложности девять административных субъектов с уровнем бюджетного самообеспечения ниже 35%, в том числе семь из них расположено в Западном макрорегионе: Гуйчжоу, Юньнань, Гуанси, Нинся, Ганьсу, Цинхай и Тибет.

В частности, уровень бюджетного самообеспечения Тибета составляет всего 8,4%, тогда как соответствующий показатель провинции Цинхай – 17,4%¹². Кроме того, Западный макрорегион сталкивается с большими рисками скрытого долга, который непрозрачен и с трудом поддается регулированию. Долговое бремя ограничивает возможности местных органов власти делать инвестиции в строительство инфраструктуры, общественные услуги и т.д., что не только влияет на реализацию Стратегии развития Запада КНР, но и представляет потенциальную угрозу устойчивому развитию региональной экономики и финансовой стабильности.

4.2. Опыт и уроки, проявившиеся в процессе реализации Стратегии масштабного развития Западного макрорегиона КНР

В стране с огромной территорией неравномерное экономическое развитие является исторической закономерностью. В процессе модернизации экономики увеличивающийся разрыв в пространственном экономическом развитии не только влияет на общерегиональную и социальную стабильность, но и ограничивает экономическое развитие всей страны. Поэтому когда экономика достигает определенной стадии развития, стратегия пространственного развития страны,

¹¹ См.: *Руководящие* мнения Главного управления Государственного совета по финансовой поддержке для разрешения долговых рисков финансовых платформ // Guobanfa. – 2023. – № 35. (На кит. яз.).

¹² См.: *Рейтинг* уровня финансовой самодостаточности провинций и городов по всей стране // Gotohui Data. – URL: <https://www.gotohui.com/finance/topic-4045>. (На кит. яз.).

основанная на внутривнутриполитической поддержке, является для КНР неизбежным выбором. В связи с влиянием географических и природных факторов пространственное развитие может осуществляться только при внутривнутриполитической поддержке и требует четких мер. Центральное правительство КНР реализовало ряд государственных программ поддержки и большое количество крупных проектов в Западном макрорегионе, что эффективно способствовало его экономическому и социальному развитию. Это главная причина, по которой экономика и общество Западного макрорегиона смогли добиться быстрого развития за последние два десятилетия и постепенно сократить разрыв с развитым Восточным макрорегионом.

Пространственное развитие страны – это долгосрочный процесс, требующий постоянного движения вперед и динамичного корректирования. По мере изменения внутренней и международной обстановки Стратегия масштабного развития Западного макрорегиона КНР должна постоянно оптимизироваться и совершенствоваться. В этом процессе пространственное развитие страны должно соответствовать принципу регионального скоординированного развития. Путем реализации государственных программ и распределения ресурсов оно должно обеспечивать сокращение разрыва в развитии между западными и восточными регионами. Рассматриваемая в статье Стратегия развития Запада КНР способствовала межрегиональному сотрудничеству восточных и западных регионов страны. Благодаря совершенствованию механизма сотрудничества и увеличению поддержки удалось содействовать совместному использованию ресурсов и созданию дополнительных преимуществ для развития регионов.

Развитие экономически отсталых территорий сдерживается прежде всего неразвитостью региональной инфраструктуры. Таким образом, региональное развитие требует в первую очередь строительства инфраструктуры, а улучшение инфраструктуры является одним из ключевых факторов успешной реализации Стратегии масштабного развития Западного макрорегиона КНР. Укрепляя строительство объектов транспортной, энергетической инфраструктуры и связи, она в значительной мере способствовала экономическому развитию Западного макрорегиона и повышению уровня жизни его населения.

Программы регионального развития должны содействовать самостоятельному развитию местных экономик и давать регионам возможность независимого роста. Они должны поддерживаться внутренней политикой и не всегда могут опираться только на внешние финансовые и ресурсные вложения. Поэтому корректирование и оптимизация производственной структуры стали залогом повышения качества регионального развития. Западный макрорегион КНР расширил собственные возможности развития за счет реиндустриализации и развития перспективных отраслей специализации, таких как переработка и использование энергоресурсов, производство оборудования и туризм. В частности, институциональная реформа, расширенная открытость и инновационное развитие стимулировали жизнеспособность рынка и социальную креативность, придав экономическому развитию Западного макрорегиона новый импульс. Это важный опыт, который привел к впечатляющим результатам, достигнутым благодаря реализации Стратегии развития Запада КНР.

Последнее, что необходимо отметить: в региональном экономическом развитии должно уделяться равное внимание производству и охране окружающей среды. В Стратегии масштабного развития Западного макрорегиона КНР подчеркивается важность защиты окружающей среды, в ее рамках был реализован ряд проектов по ее защите и восстановлению для улучшения экологической обстановки в Западном макрорегионе. Эти меры обеспечивают важную экологическую гарантию устойчивого развития макрорегиона.

Информация об авторах

Сюй Полин (КНР, Пекин) – доктор экономических наук, профессор Университета Китайской академии общественных наук, заведующий отделом Института исследований России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук (100007, Beijing, Zhangzizhong Road, 3). E-mail: xupoling@163.com.

Сюй Цзяньхуэй (КНР, Иу) – кандидат экономических наук, преподаватель Профессионально-технического колледжа промышленно-сти и коммерции г. Иу. E-mail: xujianhui7@126.com.

DOI: 10.15372/REG20250208

Region: Economics & Sociology, 2025, No. 2 (126), p. 186–230

Xu Poling, Xu Jianhui

**THE IMPACT OF THE LARGE-SCALE DEVELOPMENT
STRATEGY FOR THE WESTERN MACROREGION
ON CHINA'S SPATIAL DEVELOPMENT:
DOMESTIC POLICY EFFICIENCE
AND CHALLENGES**

The Large-Scale Development Strategy for the Western Macroregion of the PRC is an important national regional economic development strategy to deepen the reform and opening-up policy measures during the period of rapid economic development of the People's Republic of China. This Strategy was formally put forward in 2000, after which it has passed through such historic stages as formulating domestic policy measures, accelerating infrastructure construction, prioritising key areas, optimizing environmental protection and improving people's quality of life. In more than 20 years of putting this national strategy into practice, the Western macroregion of China has made significant achievements in increasing the total economy, reorganizing the industrial structure, attracting investment, building infrastructure, improving the degree of opening up to the outside world, and improving people's quality of life and the environment. Applying the regional economic development quality evaluation index system, we can find that the effect of improving the quality of regional economic development in the Western macroregion is very significant. The West is a macroregion of the PRC with vast areas. Due to the geographical factor, the Western macroregion continues to face challenges in development, such as difficulties in industrial transformation and modernization, weak regional capacity for technological innovation and heavy debt burden. It will take a long time for the macroregion to get rid of external financial support as well as to achieve endogenous economic development.

Regional development requires domestic policy support and coordinated development between advanced and lagging regions. At the same time, building the Western macroregion's self-reliant development capability as well as the ability to develop independently is the key to ensuring the ultimate success of the Large-Scale Development Strategy for the Western Macroregion of the PRC.

Keywords: uneven spatial development of China; Large-Scale Development Strategy for the Western Macroregion of the PRC; Strategy of Revival of the Old Industrial Base of the Northeast of the PRC; modernization; policy of reform and openness of the PRC; indices for assessing the quality of economic development

For citation: *Xu Poling & Xu Jianhui. (2025). Vliyanie strategii mashtabnogo osvoeniya Zapadnogo makroregiona na prostranstvennoe razvitie Kitaya: effektivnost vnutrenney politiki i problemy [The impact of the Large-Scale Development Strategy for the Western macroregion on China's spatial development: domestic policy efficiency and challenges]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (126), 186–230. DOI: 10.15372/REG20250208.*

About Authors

Xu Poling (Beijing, China) – Doctor of Economics, Professor at the University of the Chinese Academy of Social Sciences, Head of the Department of the Institute of Russian, Eastern European and Central Asian Studies, Chinese Academy of Social Sciences (3, Zhangzizhong Road, Beijing, 100007). E-mail: xupoling@163.com.

Xu Jianhui (Yiwu, China) – PhD in Economics, Lecturer, Vocational College of Industry and Commerce, Yiwu. E-mail: xujianhui7@126.com.

Поступила в редколлегию 07.03.2025.

После доработки 28.04.2025.

Принята к публикации 30.04.2025.

© Сюй Полин, Сюй Цзяньхуэй, 2025

УДК 338.98

Регион: экономика и социология, 2025, № 2 (126), с. 231–248

А.С. Новоселов

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ СИБИРСКОЙ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ¹

В статье рассмотрены основные направления исследования проблем региональной экономической политики в рамках сибирской научной школы: развитие теории региональной экономической политики, соответствующей трансформационным процессам в экономике регионов в обстановке глобальной турбулентности и геополитических сдвигов; выявление объективных тенденций, противоречий и особенностей региональной политики в контексте новой структуры экономических взаимодействий региональных систем; теоретико-методологическое обоснование институциональных структур, обеспечивающих реализацию региональной политики на фоне внешних вызовов и угроз; совершенствование механизмов адаптации региональной политики с учетом переориентации внешнеэкономических связей регионов в условиях санкционных ограничений.

Ключевые слова: региональная политика; пространственное развитие; региональное и муниципальное управление; эффективность управления

¹ Посвящается 80-летию со дня рождения д.э.н. Н.И. Лариной (1944–2008). Н.И. Ларина – признанный в российском научном сообществе ведущий ученый-регионалист, продолжатель исследований сибирской научной школы регионального и муниципального управления, автор монографии «Региональная экономическая политика властей разного уровня: цели, средства, результат» и других работ в области региональной политики, управления региональной экономикой, регионального стратегического планирования и пространственного развития.

Для цитирования: Новоселов А.С. Теоретические и методологические проблемы региональной экономической политики в исследованиях сибирской научной школы // Регион: экономика и социология. – 2025. – № 2 (126). – С. 231–248. DOI: 10.15372/REG20250209.

ВВЕДЕНИЕ

В новой Стратегии пространственного развития Российской Федерации отражены задачи по формированию сбалансированной системы пространственного развития для достижения национальных целей, поиску оптимальных форм территориальной организации экономики, развитию опорных населенных пунктов, образующих инфраструктурный и экономический каркас страны. В документе определены пространственные приоритеты, позволяющие сконцентрировать ресурсы из бюджетных и внебюджетных источников, в том числе в рамках национальных проектов и государственных программ, на решении ключевых задач развития, а также прописаны механизмы для обеспечения эффективности их использования. Одна из задач стратегии – сокращение межрегиональной дифференциации, в частности за счет наращивания числа регионов с темпами роста валового регионального продукта выше среднероссийского уровня. Реализация стратегии нацелена на преодоление негативных тенденций в экономике регионов, использование новых возможностей и формирование ответов на новые вызовы пространственного развития. Стратегия актуализирована с учетом новых рисков для экономики РФ, среди которых геополитическая напряженность, необходимость переориентации на новые рынки и перестройки логистики внешней торговли².

В условиях трансформационных процессов в экономике регионов в обстановке глобальной турбулентности и геополитических сдвигов возникают новые задачи, формируются новые приоритеты исследования причинно-следственных связей и направлений региональной

² См.: *Стратегия* пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р. – URL: <http://static.government.ru/media/files/ttXJCZ4PNa7bmTrRgcuPwoIQa8SYR91B.pdf>.

политики. Государственная региональная политика нуждается в системных трансформациях, предполагающих повышение ее эффективности в таких аспектах, как соотношения долговременных и текущих целей и программ развития, приоритетов внутреннего и внешнего рынков, сырьевых и обрабатывающих, оборонных и гражданских секторов [1; 18; 20; 21].

Теоретические основы современной региональной политики были заложены в трудах отечественных и зарубежных ученых-регионалистов еще во второй половине XX в. Но в условиях распределительно-отраслевой системы управления, когда социально-экономическое развитие регионов, по существу, было результатом принятия отраслевых решений, востребованность теоретических основ региональной политики была ограниченной. Теоретические и методологические исследования по региональной экономической политике в России в советский период до начала перехода к рыночным отношениям сосредоточивались вокруг трех проблем: закономерности, принципы и факторы размещения производительных сил; экономическое районирование; методы планирования и регулирования территориального и регионального развития. Наиболее крупными авторитетами в среде советских регионалистов (экономистов и географов) являлись И.Г. Александров, М.К. Бандман, Н.Н. Баранский, Н.Н. Колосовский, В.С. Немчинов, Н.Н. Некрасов, Б.П. Орлов, А.Е. Пробст, Ю.Г. Саушкин, Я.Г. Фейгин, Р.И. Шнипер [2; 5; 22; и др.].

В современной России появились фундаментальные работы, предлагающие оригинальные методы обоснования региональной политики, решения текущих и долгосрочных проблем регионального развития страны. Это исследования А.Г. Аганбегяна, А.Г. Гранберга, С.С. Артоболевского, Е.М. Бухвальда, С.Д. Валентея, А.Л. Гапоненко, Ю.Н. Гладкого, О.Г. Дмитриевой, Ю.С. Дульщикова, Н.В. Зубаревич, А.А. Кисельникова, В.В. Кистанова, Г.А. Ковалевой, В.В. Котилко, В.В. Климанова, В.И. Клисторина, Е.А. Коломак, В.А. Крюкова, В.В. Кулешова, О.В. Кузнецовой, Б.Л. Лавровского, Н.И. Лариной, В.Н. Лексина, С.Н. Леонова, О.П. Литовки, В.Я. Любоного, А.С. Маршаловой, Б.В. Мелентьева, П.А. Минакира, Н.Н. Михеевой, О.С. Пчелинцева, В.Е. Селиверстова, Л.В. Смирнягина, В.И. Сулова, С.А. Суспицына, А.И. Татаркина, А.Н. Швецова, Б.М. Штульберга и др. [6; 12; 19–21; и др.].

В экономических исследованиях представлены различные определения региональной политики. Довольно распространенным является определение региональной политики как деятельности органов власти по управлению социально-экономическим развитием регионов страны. Вместе с тем некоторые ученые отмечают целенаправленный и системный характер этой деятельности, определяя региональную политику как «целенаправленную деятельность органов власти, как систему намерений и действий, реализующую интересы государства, как систему мер, осуществляемых региональными властными структурами» [12, с. 252].

Ряд ученых-регионалистов делают акцент на взаимодействии региональной политики с общей системой государственного управления, определяя региональную политику как «особую подсистему государственного регулирования, ориентированную на достижение определенных целей регионального развития», как «особый вид государственной экономической политики, направленной на государственное регулирование территориального развития» [14, с. 307–308].

Представляет интерес генезис подходов к определению региональной политики, который хорошо просматривается при сравнении определений, представленных в официальных правительственных документах. Довольно конкретным с точки зрения учета различных аспектов регионального управления было определение региональной политики как «системы целей и задач органов государственной власти по управлению политическим, экономическим и социальным развитием регионов страны, а также механизма их реализации» (1996 г.)³. Более емкое определение приводится в Основах государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года: «государственная политика регионального развития – сис-

³ Основные положения региональной политики в Российской Федерации (Утв. Указом Президента РФ от 3 июня 1996 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 23. – Ст. 2256. Критический анализ данного документа содержится в работах: *Селиверстов В.Е.* Мифы и рифы территориального развития и региональной политики России // Регион: экономика и социология. – 2008. – № 2. – С. 194–224; *Селиверстов В.Е.* Новая концепция совершенствования региональной политики в Российской Федерации // Регион: экономика и социология. – 2008. – № 4. – С. 3–14.

тема приоритетов, целей, задач, мер и действий федеральных органов государственной власти по политическому и социально-экономическому развитию субъектов Российской Федерации и муниципальных образований»⁴.

Специалисты отмечают, что «региональная политика» – термин, широко используемый в разных сферах, но не имеющий однозначного толкования. Как правило, имеется в виду политика национальных (федеральных) или наднациональных (в ЕС) органов власти, однако под региональной политикой может подразумеваться и политика органов публичной власти самих регионов или одновременно национальных и региональных органов власти. Так, О.В. Кузнецова отмечает, что даже наиболее распространенное толкование региональной политики как региональной социально-экономической политики национальных органов власти допускает два принципиально разных подхода к ее пониманию. В рамках первого «региональная политика рассматривается как одно из направлений национальной социально-экономической политики (наряду с социальной, инновационной, промышленной и многими другими “политиками”), нацеленное на изменение соотношения темпов социально-экономического развития отдельных регионов, как правило, на сокращение различий в их уровне социально-экономического развития (региональная политика в узком понимании)»⁵. В рамках второго подхода «региональной политикой считаются особенности реализации в регионах всех направлений социально-экономической политики национальных органов власти (региональная политика в широком понимании); в этом случае сокращение межрегиональных различий – лишь одна из решаемых национальными органами власти задач»⁶.

Проведенные исследования позволяют сделать вывод, что теория региональной политики развивается на основе осмысления новых

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 16.01.2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41641/page/1> (дата обращения: 22.01.2024).

⁵ Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия». – URL: <https://bigenc.ru/c/regional-naia-politika-ef91d7> (дата обращения: 22.11.2024).

⁶ Там же.

процессов и явлений, происходящих в ходе структурной трансформации экономики, в условиях усиления ориентации на решение комплексных региональных социально-экономических и экологических проблем, требующих междисциплинарного подхода, в контексте совершенствования методологии разработки региональной политики.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОБЛЕМ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РАМКАХ СИБИРСКОЙ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ

К началу рыночных реформ уже существовала довольно сильная сибирская научная школа региональной экономической политики (А.Г. Аганбегян, А.Г. Гранберг, М.К. Бандман, Р.И. Шнипер, В.Е. Селиверстов, В.И. Суслов, С.А. Суспицын, Н.И. Ларина и др.). Она базировалась на применении математических методов в региональной экономике и позволяла дать комплексное многостороннее обоснование прогнозов развития регионов страны [1; 2; 6; 9–11; 20–22].

Экономические реформы сегодняшних дней обострили актуальность исследования проблем региональной политики и сделали востребованными научные результаты сибирской научной школы, опубликованные в многочисленных работах [3; 4; 7; 8; 13; 15–18; 20; 21], в которых излагаются теоретические и методологические подходы к разработке концепции формирования региональной политики⁷. Идеи, содержащиеся в этих научных трудах, послужили основой для построения концепции современной региональной политики в регионах Сибири. В период кардинальных общественно-экономических преобразований были начаты исследования конкурентных позиций регионов и их инвестиционных рейтингов, было предложено исследовать конкурентные позиции и мотивации отдельных регионов в социально-экономическом и инновационном развитии, а также зоны риска в экономической деятельности, присущие рыночной экономике. Таким образом, в центре внимания были

⁷ В исследованиях принимали участие А.Г. Аганбегян, А.Г. Гранберг, М.К. Бандман, В.А. Крюков, Н.И. Ларина, В.Е. Селиверстов, В.И. Суслов, С.А. Суспицын, Р.И. Шнипер и др.

именно те проблемы, решение которых сегодня стало приоритетным в экономической политике государства. В последующих работах многие ранее упомянутые темы были дополнены, объединены и нацелены на разработку принципиально новой методологии региональной политики и стратегического управления социально-экономическим развитием регионов и муниципальных образований⁸.

В исследованиях сибирской научной школы проблемы региональной политики представлены в разных аспектах, таких как соотношение уровней региональной политики (федеральный и субфедеральный), различие объектов и субъектов регулирования, используемые методы и механизмы привлечения инвестиционных ресурсов, роль региональных органов власти в реализации региональной политики и обеспечении устойчивого социально-экономического развития регионов, согласование интересов федерального центра и регионов, решение проблем социально-экономического развития регионов на основе использования их конкурентных преимуществ, учет региональных аспектов различных видов политики, взаимодействие регионов в едином экономическом пространстве, пространственная дифференциация социального и экономического развития регионов.

В ряде научных исследований рассматриваются возможности использования теории региональной политики при построении региональных типологий, региональном ситуационном анализе, разработке прогнозов, оценке последствий осуществления социально-экономических мероприятий на народно-хозяйственном и региональном уровнях, обосновании параметров финансово-экономических механизмов и т.д. [3; 4; 7; 13–15; 20].

Следует отметить особый вклад Н.И. Лариной в развитие теории и методологии региональной экономической политики в рамках исследований сибирской научной школы. В ее монографии [10] предложена концепция регулирования процессов регионального развития

⁸ В исследованиях участвовали О.П. Бурматова, А.Н. Буфетова, Е.Е. Горяченко, А.В. Евсеенко, В.В. Карпов, В.И. Клисторин, А.А. Кисельников, Г.Д. Ковалева, Е.А. Коломак, А.С. Маршалова, Л.В. Мельникова, Б.В. Мелентьев, А.С. Новоселов, Г.И. Поподько, В.В. Пушкарев, Т.Г. Ратьковская, Г.Н. Речко, Т.В. Сумская, А.Я. Троцковский, Г.А. Унтура, Ю.А. Фридман, Н.Г. Шишацкий и др.

страны как система целей и задач, средств и мероприятий, реализуемых через экономическую политику властей разного уровня и региональную экономическую политику федеральной власти (самостоятельную дополнительную функцию с меняющимися целями и приоритетными направлениями). Представленные в этой монографии и других работах результаты исследований Н.И. Лариной актуальны в настоящее время по ряду позиций. В России по-прежнему сохраняются глубокие различия в социально-экономическом положении субъектов Федерации, наблюдается сильная дифференциация экономического потенциала территорий и бюджетных доходов органов местного самоуправления. На развитие регионов все большее влияние оказывают процессы трансформации мировой экономики. В то же время система прогнозирования и стратегического планирования социально-экономического развития страны и регионов несовершенна. В этих условиях востребованность методологических исследований региональной экономической политики как регулирующей функции властей разного уровня значительно возрастает [9–11]⁹.

В ходе исследования проблем региональной экономической политики был сделан анализ исторических тенденций в изменении экономических принципов организации пространственной структуры государственной власти и направлений региональной экономической политики в периоды индустриального развития стран и глобализации мировой экономики; выявлена специфика схем распределения инструментария экономической политики между разными уровнями

⁹ К сожалению, ряд важных изменений условий и процессов экономического развития, произошедших в стране, Н.И. Ларина не успела отразить в рукописи своей монографии и научных статьях. Имеется в виду разработка Стратегии пространственного развития Российской Федерации, стратегий долгосрочного развития субъектов Федерации и др. Однако это не снижает научной и практической значимости ее работ, а наоборот, определяет новые направления дальнейших научных исследований поставленных ею чрезвычайно актуальных проблем. Предложенные Н.И. Лариной подходы к исследованию проблем региональной экономической политики демонстрируют удивительную целостность методологических принципов, используемых в проведении научных исследований, что характеризует ее работы как заслуженно признанные и российскими учеными-регионалистами, и специалистами государственных и муниципальных органов управления.

власти в федеративных и унитарных государствах и изменений в них, привносимых процессом глобализации; проведена структуризация инструментария и форм региональной экономической политики правительств развитых стран рыночной экономики; исследован характер реформирования экономических и финансовых принципов организации пространственной структуры государственной власти в Российской Федерации; разработаны предложения по усилению координирующей и регулирующей роли федеральной власти в региональном развитии страны. При характеристике задач и инструментария обращалось внимание на то, что главный результат региональной экономической политики властей разного уровня можно отследить по тенденциям в изменении характера воспроизводства численности и структуры населения и условий жизни людей. В связи с этим был предложен механизм гармонизации региональной экономической политики властей разного уровня [10].

Проведенный анализ позволил обнаружить существенные проблемы как в системной организации регулирования регионального развития и региональной политики, так и в составе важнейших блоков функционирующей системы (целевого, нормативно-правового, институционального, инструментального и др.). Отсюда логически вытекают предлагаемые направления усиления действенности, эффективности регулирования: укрепление системности (комплексности) и совершенствование важнейших блоков системы. При этом региональная экономическая политика должна более активно играть роль интегрирующего ядра системы государственного регулирования.

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОБЛЕМ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РАМКАХ СИБИРСКОЙ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ

Цель исследования проблем региональной политики в рамках сибирской научной школы в настоящее время состоит в том, чтобы на основе анализа закономерностей, объективных тенденций, противоречий пространственного развития, анализа формирования региональных систем и особенностей преобразования отечественной и ми-

ровой экономики разработать концепцию региональной политики, предполагающую обоснование приоритетов, принципов, форм и методов региональной политики, модернизацию стратегического планирования и институциональной системы государственного управления в контексте глобальных экономических трансформаций.

Для достижения этой цели поставлены следующие задачи:

- развитие теории региональной экономической политики, соответствующей трансформационным процессам в экономике регионов в обстановке глобальной турбулентности и геополитических сдвигов;
- выявление объективных тенденций, противоречий и особенностей региональной политики в контексте предпосылок и ограничений социально-экономического развития регионов, новой структуры экономических взаимодействий региональных систем;
- анализ методологических подходов к обоснованию приоритетных направлений, принципов, форм и методов региональной политики с целью разрешения противоречий, возникающих в связи с возрастанием экономической самостоятельности регионов и муниципальных образований и их низкой финансовой самодостаточностью;
- теоретико-методологическое обоснование институциональных структур, обеспечивающих реализацию стратегических целей и выполнение задач региональной политики на фоне внешних вызовов и угроз;
- разработка эффективного механизма региональной экономической политики, включающего создание новой системы стратегических планово-прогнозных документов, обеспечивающих единство и взаимосвязь между различными уровнями региональной политики (федеральным и региональным);
- обоснование приоритетов региональной политики с учетом новой внешнеполитической ситуации, включая решение проблем импортозамещения, формирования новых логистических цепочек, обеспечение переориентации экспортно-импортных связей регионов;

- совершенствование механизмов адаптации региональной политики с учетом переориентации внешнеэкономических связей регионов в условиях санкционных ограничений, глобальной турбулентности, геополитических и экономических вызовов и угроз;
- разработка методологии региональной научно-технической (инновационной) политики в регионе и методических подходов к ее реализации, оценка опыта и форм взаимодействия органов федеральной и региональной власти при осуществлении региональной научно-технической политики;
- обоснование роли региональной социальной политики в системе управления и в формировании социально-экономической среды региона, разработка методологических основ и методического аппарата, предназначенного для проведения комплексных междисциплинарных исследований оценки человеческого потенциала и качества жизни в регионах, для выбора стратегий развития социальной инфраструктуры в условиях меняющейся внешней и внутренней среды;
- анализ и обобщение опыта разработки и реализации государственной экологической политики, сравнительная характеристика подходов к формированию механизма управления охраной окружающей среды, выработка предложений по совершенствованию экологической политики, включая организационный, административно-правовой и экономический аспекты;
- выработка рекомендаций по повышению эффективности региональной политики, направленной на создание благоприятных институциональных условий для развития экономики регионов с учетом использования специальных механизмов государственного регулирования.

Развитие теории региональной политики осуществляется прежде всего по двум главным направлениям: расширение и углубление предмета исследований (дополнение классических теорий новыми факторами, осмысление новых процессов и явлений, акцентирование комплексных проблем, требующих междисциплинарного подхода);

совершенствование методологии исследований. С учетом данного посыла и общей структуры теории региональной политики рассматриваются четыре современных направления развития теоретических исследований: новые парадигмы и концепции региона; размещение производства; пространственная организация экономики; межрегиональные и трансграничные взаимодействия в условиях геополитических и экономических вызовов и угроз [3; 4; 7; 8; 20; 21].

Дальнейшее развитие теории и практики региональной политики невозможно без разработки научно обоснованных приоритетов и принципов их реализации. Государственная региональная политика представляет собой концентрированное отражение интересов общества, и именно интересы общества являются стимулом и двигателем общественного развития. При этом необходимо учитывать тот факт, что общество неоднородно. Оно представлено различными социальными группами населения, объединенными общими интересами. Цель, лежащая в основе государственной региональной политики, направлена на объединение интересов всего общества и состоит в создании конкурентоспособной экономики, обеспечивающей социально ориентированное развитие страны, ее суверенитет и безопасность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что процесс реформирования региональной экономической политики должен обеспечивать преемственность проводимой политики, адекватное реагирование на геополитические, социальные и экономические изменения, а также последовательное продвижение в осуществлении целей стратегии пространственного развития и региональной политики. В этой связи перспективы регионального развития и возможные направления решения региональных проблем видятся оптимистично. Следует обратить внимание на более благоприятные условия для активизации региональной экономической политики, которые будут создаваться при стабилизации внешнеполитической ситуации, ускорении экономического роста в стране, усилении стратегических приоритетов в деятельности федеральных и региональных органов влас-

ти. По мере развития рыночной среды и соответствующей институциональной структуры будут расширяться возможности использования в России позитивного мирового опыта регионального регулирования и региональной политики. Главные трудности в выполнении этих задач связаны с необходимостью найти приемлемое сочетание отечественных и мировых традиций в исследованиях и практике регионального развития, а также отразить особенности трансформационных процессов в России и обусловленные этими процессами возможности использования зарубежных методологических подходов и мирового опыта.

Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект «Региональное и муниципальное стратегическое планирование и управление в контексте модернизации государственной региональной политики и развития цифровой экономики», № 121040100283-2

Список источников

1. Аганбегян А.Г. О необходимости планирования в новой России // Планирование в рыночной экономике: Воспоминания о будущем. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте; Центркаталог, 2021. – С. 19–39.
2. Бандман М.К. Проблемные регионы как объекты региональной экономической политики // Марк Константинович Бандман: Избранные труды и продолжение начатого. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2014. – С. 124–155.
3. Бурматова О.П., Сумская Т.В. Формирование концепции региональной политики в России // Стратегическое управление региональным и муниципальным развитием. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2018. – Гл. 1. – С. 15–50.
4. Буфетова А.Н., Коломак Е.А., Крюков В.А., Мельникова Л.В., Селиверстов В.Е. Пространственные проблемы Азиатской России в контексте формирования государственной региональной политики // Новый импульс Азиатской России: источники и средства развития / Под ред. В.А. Крюкова и Н.И. Суслова. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2023. – С. 147–204.
5. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: Учебник для вузов. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 495 с.
6. Гранберг А.Г. Экономическое пространство России // Экономика и управление. – 2006. – № 2 (23). – С. 11–15.
7. Клисторин В.И. Федеративные отношения, региональная политика и проблема деформации экономического пространства России // Регион: экономика и социология. – 2013. – № 3 (79). – С. 79–95.

8. Коломак Е.А. Пространственное развитие и приоритеты региональной политики в России // ЭКО. – 2014. – № 1 (475). – С. 41–53.

9. Ларина Н.И. Государственное регулирование регионального развития: Мир, Россия, Сибирь / Под ред. А.С. Новоселова. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2005. – 512 с.

10. Ларина Н.И. Региональная экономическая политика властей разного уровня: цели, средства, результат / Под ред. А.С. Новоселова. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2008. – 352 с.

11. Ларина Н.И., Кисельников А.А. Региональная политика в странах рыночной экономики. – М.: Экономика, 1998. – 172 с.

12. Лексин В.Н. Федеративная Россия и ее региональная политика. – М.: ИНФРА-М, 2008. – 352 с.

13. Мельникова Л.В. Проблемы обоснования и выбора региональной политики // Пространственное развитие современной России: тенденции, факторы, механизмы, институты / Под ред. Е.А. Коломак. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2020. – Гл. 6.1. – С. 336–365.

14. Михеева Н.Н. Региональная экономика и управление. – Хабаровск: РИОТИП, 2000. – 399 с.

15. Региональная политика, направленная на сокращение социально-экономической и правовой асимметрии / Под ред. В.Е. Селиверстова и Д. Юилла. – Москва; Новосибирск: Экор; Сибирское соглашение, 2000. – 546 с.

16. Региональная экономическая политика субъекта Федерации: принципы, формы и методы реализации. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2010. – 519 с.

17. Региональное и муниципальное управление: диагностика, планирование и мониторинг социально-экономического развития регионов Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2016. – 492 с.

18. Региональное и муниципальное управление: проблемы теории и практики. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2022. – 424 с.

19. Региональные аспекты долгосрочной экономической политики: Научный доклад / Михеева Н.Н., Суворов А.В., Широков А.А., Шокин И.Н., Янков К.В., Потапенко В.В., Сапова Н.Н., Кулешов В.В., Крюков В.А., Суслов В.И., Селиверстов В.Е., Богомолова Т.Ю., Ершов Ю.С. – М.: Международные отношения, 2018. – 69 с.

20. Селиверстов В.Е. О контурах и реалистичности новой модели развития Сибири // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 1 (121). – С. 66–114.

21. Селиверстов В.Е. Пятилетка пространственного развития и региональной политики России: бег на месте или готовность к рывку? // Регион: экономика и социология. – 2021. – № 4 (112). – С. 30–81.

22. Шнипер Р.И. Регион: диагностика и прогнозирование / Отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 1996. – 135 с.

Информация об авторе

Новоселов Александр Сергеевич (Россия, Новосибирск) – доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17). E-mail: asnov@ieie.nsc.ru.

DOI: 10.15372/REG20250209

Region: Economics & Sociology, 2025, No. 2 (126), p. 231–248

A.S. Novoselov

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF REGIONAL ECONOMIC POLICY IN STUDIES OF THE SIBERIAN SCIENTIFIC SCHOOL

The article reviews the main directions of research into the problems of regional economic policy within the framework of the Siberian scientific school, including the development of the theory of regional economic policy, consistent with the transformation processes in the economy of regions in the environment of global turbulence and geopolitical shifts; identification of objective trends, contradictions and features of regional policy in the context of a new structure of economic interactions of regional systems; theoretical and methodological justification of institutional structures providing the implementation of regional policy amid external challenges and threats; improvement of regional policy adaptation mechanisms given redirection of regions' foreign economic relations under sanction restrictions.

Keywords: regional policy; spatial development; regional and municipal management; management efficiency

For citation: *Novoselov, A.S. (2025). Teoreticheskie i metodologicheskie problemy regionalnoy ekonomicheskoy politiki v issledovaniyakh sibirskoy*

nauchnoy shkoly [Theoretical and methodological problems of regional economic policy in studies of the Siberian scientific school]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (126), 231–248. DOI: 10.15372/REG20250209.

The research was carried out with the plan of research work of IEIE SB RAS, project “Regional and municipal strategic planning and management regarding public regional policy modernization as well as digital economy development”, No. 121040100283-2

References

1. *Aganbegyan, A.G.* (2021). O neobkhodimosti planirovaniya v novoy Rossii [On the need for a new socio-economic policy]. In: Planirovanie v rynochnoy ekonomike: Vospominaniya o budushchem [Planning in the Market Economy: Memories of the Future]. St. Petersburg, S.Yu. Witte Institute of New Industrial Development Publ. & Tsentrkatalog Publ., 19–39.
2. *Bandman, M.K.* (2014). Problemnnye regiony kak obyekty regionalnoy ekonomicheskoy politiki [Problem regions as objects of regional economic policy]. In: Mark Konstantinovich Bandman: Izbrannye trudy i prodolzhenie nachatogo [Mark Konstantinovich Bandman: Selected Works and Continued Begun]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 124–155.
3. *Burmatova, O.P. & T.V. Sumskaya.* (2018). Formirovanie kontseptsii regionalnoy politiki v Rossii [Formation of the concept of regional policy in Russia] In: Strategicheskoe upravlenie regionalnym i munitsipalnym razvitiem [Strategic Management of Regional and Municipal Development]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., Ch. 1, 15–50.
4. *Bufetova, A.N., E.A. Kolomak, V.A. Kryukov, L.V. Melnikova & V.E. Seliverstov.* (2023). Prostranstvennyye problemy Aziatskoy Rossii v kontekste formirovaniya gosudarstvennoy regionalnoy politiki [Spatial problems of Asian Russia in the context of the formation of state regional policy]. In: V.A. Kryukov & N.I. Suslov (Eds.). Novyy impuls Aziatskoy Rossii: istochniki i sredstva razvitiya [A New Impetus for Asian Russia: Sources and Means of Development]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 147–204.
5. *Granberg, A.G.* (2000). Osnovy regionalnoy ekonomiki: Uchebnik dlya vuzov [Fundamentals of Regional Economy: Textbook for universities]. Moscow, State University Higher School of Economics Publ., 495.

6. *Granberg, A.G.* (2006). Ekonomicheskoe prostranstvo Rossii [Economic space of Russia]. *Ekonomika i upravlenie* [Economics and Management], 2 (23), 11–15.
7. *Klistorin, V.I.* (2013). Federativnyye otnosheniya, regionalnaya politika i problema deformatsii ekonomicheskogo prostranstva Rossii [Federal relations, regional policy and the problem of deformation of Russia's economic space]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 3 (79), 79–95.
8. *Kolomak, E.A.* (2014). Prostranstvennoe razvitiye i priority regionalnoy politiki v Rossii [Spatial development and priorities of regional policy in Russia]. *EKO* [ECO], 1 (475), 41–53.
9. *Larina, N.I.; A.S. Novoselov* (Ed.). (2005). Gosudarstvennoe regulirovaniye regionalnogo razvitiya: Mir, Rossiya, Sibir [State Regulation of Regional Development: World, Russia, Siberia]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 512.
10. *Larina, N.I.; A.S. Novoselov* (Ed.). (2008). Regionalnaya ekonomicheskaya politika vlastey raznogo urovnya: tseli, sredstva, rezultat [Regional Economic Policy of Authorities of Different Levels: Goals, Means, Result]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 352.
11. *Larina, N.I. & A.A. Kiselnikov.* (1998). Regionalnaya politika v stranakh rynochnoy ekonomiki [Regional Policy in the Countries of Market Economy]. Moscow, Ekonomika Publ., 172.
12. *Leksin, V.N.* (2008). Federativnaya Rossiya i ee regionalnaya politika [Federative Russia and Its Regional Policy]. Moscow, INFRA-M Publ., 352.
13. *Melnikova, L.V.* (2020). Problemy obosnovaniya i vybora regionalnoy politiki [Problems of justification and choice of regional policy]. In: E.A. Kolomak (Ed.). *Prostranstvennoe razvitiye sovremennoy Rossii: tendentsii, faktory, mekhanizmy, instituty* [Spatial Development of Modern Russia: Trends, Factors, Mechanisms, Institutions]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., Ch. 6.1, 336–365.
14. *Mikheeva, N.N.* (2000). Regionalnaya ekonomika i upravlenie [Regional Economy and Management]. Khabarovsk, RIOTIP Publ., 399.
15. *Seliverstov, V.E. & D. Yuill* (Eds.). (2000). Regionalnaya politika, napravlenneya na sokrashcheniye sotsialno-ekonomicheskoy i pravovoy asimmetrii [Regional Policy Aimed at Reducing Socio-Economic and Legal Asymmetry]. Novosibirsk, Ekor Publ. & Sibirskoe Soglashenie Publ., 546.
16. *Regionalnaya ekonomicheskaya politika subyekta Federatsii: printsipy, formy i metody realizatsii* [Regional Economic Policy of the Subject of the Federation: Principles, Forms, and Methods of Realization]. (2010). Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 519.

17. *Regionalnoe i munitsipalnoe upravlenie: diagnostika, planirovanie i monitoring sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya regionov Sibiri* [Regional and Municipal Management: Diagnostics, Planning and Monitoring of Socio-Economic Development of Siberian Regions]. (2016). Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 487.

18. *Regionalnoe i munitsipalnoe upravlenie: problemy teorii i praktiki* [Regional and Municipal Management: Problems of Theory and Practice]. (2022). Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 424.

19. *Mikheeva, N.N., A.V. Suvorov, A.A. Shirov, I.N. Shokin, K.V. Yankov, V.V. Potapenko, N.N. Sapova, V.V. Kuleshov, V.A. Kryukov, V.I. Suslov, V.E. Seliverstov, T.Yu. Bogomolova & Yu.S. Ershov.* (2018). *Regionalnye aspekty dolgosrochnoy ekonomicheskoy politiki: Nauchnyy doklad* [Regional Aspects of Long-Term Economic Policy: Scientific report]. Moscow, Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., 69.

20. *Seliverstov, V.E.* (2024). *O konturakh i realisticnosti novoy modeli razvitiya Sibiri* [A new model for Siberia's development: exploring the contours and feasibility]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 1 (121), 66–114.

21. *Seliverstov, V.E.* (2021). *Pyatiletka prostranstvennogo razvitiya i regionalnoy politiki Rossii: beg na meste ili gotovnost k ryvku?* [Five-year spatial development and regional policy of Russia: running in place or getting ready for a breakthrough?]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 4 (112), 30–81.

22. *Shniper, R.I.; V.V. Kuleshov* (Ed.). (1996). *Region: diagnostika i prognozirovanie* [Region: Diagnostics and Forecasting]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 135.

About Author

Novoselov, Alexander Sergeevich (Novosibirsk, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of Department at the Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS (17, Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: asnov@ieie.nsc.ru.

Поступила в редколлегию 09.07.2024.

После доработки 23.01.2025.

Принята к публикации 03.02.2025.

© Новоселов А.С., 2025

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «РЕГИОН: ЭКОНОМИКА И СОЦИОЛОГИЯ»

Представленные в журнал рукописи научных статей должны излагать новые, еще *не опубликованные результаты* исследований по проблемам *региональной экономики и экономической социологии регионов*.

Статья *с обязательным указанием УДК* должна содержать: аннотацию, ключевые слова, указание на цель исследования, научную новизну, материалы и методы исследования, результаты исследования и их обсуждение, выводы или заключение, список литературы (источников), сведения об авторе (авторах). Возможно указание на то, по какому плану, гранту и т.д. выполнено исследование.

Все поступившие в редакцию статьи проходят рецензирование. Одна и та же статья рассматривается не более двух раз. Статьи, не соответствующие профилю журнала, не принимаются к рецензированию. Рецензии направляются авторам по электронной почте. Редакционный вариант статьи, подготовленный к печати, представляется автору на согласование.

Рукопись статьи объемом *35–40 тыс. знаков с пробелами* оформляется в текстовом редакторе Microsoft Word и высылается *на электронный адрес редакции* со следующими параметрами: размер шрифта – 12 кегль, без переносов, межстрочный интервал – 1,5, горизонтальные таблицы размером не более 110 знаков в строке, *рисунки* размером не более 110 × 165 мм. Файл рукописи статьи называется фамилией автора на латинице, например «Ivanov».

Объем аннотации к статье – от 180 до 250 слов. В тексте аннотации следует избегать сложных грамматических конструкций. Аннотация должна отражать:

- предмет, тему, цель, гипотезу исследования;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

Текст аннотации и ключевые слова (8–10 слов) приводятся на русском языке.

Помимо файла с текстом статьи обязательно в *отдельных файлах* должны сохраняться рисунки. Рисунки должны быть сделаны *в формате, позволяющем производить их редактирование и изменение конфигурации*.

Таблицы оформляются в текстовом редакторе Microsoft Word. Номер выравнивается по правому краю (выделяется курсивом), заголовок таблицы – по центру (выделяется жирным шрифтом).

Нумерация формул дается по правому краю. Недопустимо использование в тексте статьи автоматической нумерации формул.

Список литературы приводится в конце статьи. По каждому источнику необходимо указать: для книги – общее количество страниц, для статьи – номера страниц, на которых она расположена. По тексту ссылки на источники делаются в квадратных скобках. При этом в случае прямого цитирования указывается номер страницы источника.

Ссылки на нормативно-правовые акты, статистические сборники, адреса сайтов, статьи на интернет-ресурсах без авторства в список источников не следует включать, а надо приводить по тексту статьи в сносках.

Пристатейный список литературы дается в алфавитном порядке. Сначала приводится список источников на русском языке (сортируются в порядке расположения букв русского алфавита), за ним – список нерусскоязычных источников (в порядке расположения букв латинского алфавита). Нумерация записей источников сплошная.

Перевод аннотации, ключевых слов и списка источников осуществляет редакция научного журнала.

В конце статьи обязательно должны быть приведены сведения обо всех ее авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название организации, являющейся основным местом работы автора, занимаемая должность, адрес электронной почты, почтовый адрес организации, телефон и факс для контактов. Информация представляется ***на русском языке***. Следует также представить транслитерацию имени, отчества и фамилии каждого автора, если они уже публиковались ранее в англоязычных изданиях.

В соответствии с требованиями Гражданского кодекса РФ между авторами и журналом должен быть заключен Лицензионный договор (см. сайт журнала <http://recis.ru>) на право использования научного произведения в журнале.

При несоблюдении требований к оформлению статей и правил для авторов рукопись статьи редакцией не рассматривается.

Плата за рецензирование и публикацию рукописей научных статей с авторов не взимается.

Рукописи направлять по электронной почте:
region@ieie.nsc.ru

Всероссийский научный журнал
«Регион: экономика и социология»

Включен в Перечень ведущих рецензируемых периодических научных изданий, в которых ВАК рекомендует публикацию работ, отражающих основное научное содержание кандидатских и докторских диссертаций.

Включен в Реферативный журнал ВИНИТИ.

Полнотекстовая сетевая версия журнала в Интернете публикуется на сайтах
Научной электронной библиотеки <http://elibrary.ru/issues.asp?id=7623> ,
Издательства Сибирского отделения Российской академии наук
<http://sibran.ru/journals> .

Содержание журнала, аннотации статей, ключевые слова и сведения об авторах на русском и английском языках публикуются в Интернете на сайтах журнала <http://recis.ru/> , Издательства СО РАН <http://sibran.ru/> , Научной электронной библиотеки <http://elibrary.ru/issues.asp?id=7623> и на Федеральном образовательном портале <http://ecsocman.hse.ru/region> .

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям Ulrich's Periodicals Directory.

Адрес редакции и издательства:
630090, г. Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17, ИЭОПП СО РАН
E-mail: region@ieie.nsc.ru

Журнал распространяется только по подписке через агентства «Пресса России», «Урал-Пресс», АО «Международная книга-периодика» и Издательство СО РАН.
В розничную продажу не поступает.

Условия подписки публикуются на сайте <http://sibran.ru/journals> .

Выпускающий редактор *С.Р. Халимова*
Редактор *Е.Б. Артемова*
Компьютерная верстка и техническое редактирование *Т.Г. Чуевой*
Перевод *В.А. Сомова*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати
и информации РФ 17.06.1993 г. № 0110809.
Подписано к печати 09 июня 2025 г. Выход в свет 09 июля 2025 г.
Формат бумаги 60 84 1/16. Цифровая печать.
Гарнитура Times New Roman. Печ. л. 15,75. Уч.-изд. л. 14,5.
Тираж 130 экз. Заказ № 60. Цена свободная.

Отпечатано на участке оперативной печати ИЭОПП СО РАН,
630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17

III Международная конференция «Евразийские трансграничные экономические, научно-технические и экологические взаимодействия»

9–11 сентября 2025 г. Сибирское отделение Российской академии наук, Правительство Иркутской области и Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН проводят в г. Иркутске III Международную конференцию «Евразийские трансграничные экономические, научно-технические и экологические взаимодействия». Сопредседателями конференции являются вице-президент РАН, председатель СО РАН академик В.Н. Пармон, губернатор Иркутской области И.И. Кобзев, Президент Монгольской академии наук академик С. Дэмбэрэл и директор Института экономики и организации промышленного производства СО РАН академик РАН В.А. Крюков.

Конференция проводится при поддержке Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, Международного научного центра СО РАН по проблемам евразийских трансграничных взаимодействий, Федерального исследовательского центра «Иркутский институт химии им. А.Е. Фаворского», Иркутского филиала СО РАН, Института систем энергетики им. Л.А. Мелентьева СО РАН, Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, Байкальского института природопользования СО РАН и Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

На конференции будут обсуждаться проблемы меняющейся конфигурации трансграничных взаимодействий евразийских стран, международное научно-техническое и экологическое сотрудничество с учетом глобальных вызовов и угроз, позиционирование Сибири и ее регионов в новых геополитических и экономических условиях и в системе трансевразийской интеграции. Предполагается высокий уровень участников конференции – руководство Российской академии наук и национальных академий наук евразийских стран, ведущие ученые в области международных экономических и научно-технических взаимодействий, руководители региональных органов власти и крупных компаний.

Помимо пленарных заседаний на конференции будет проведено пять секций:

- Трансграничные взаимодействия России с Китаем и Монголией;
- Евразийский экономический союз и трансграничное сотрудничество постсоветских стран: отвечая на вызовы времени;
- Трансграничные инвестиционные проекты. Евразийские экономические и транспортные коридоры;
- Устойчивое развитие и проблемы особо охраняемых территорий: кейс Байкала. Трансграничное управление водными бассейнами;
- Трансфер технологий – трансграничное сопряжение.

Конференция будет проводиться в парк-отеле «Бурдугуз» на берегу Ангары. Предполагается теплоходная экскурсия на Байкал, во время которой будет проведено заключительное заседание. Будет обеспечен синхронный русско-китайский перевод.

The journal was first issued in 1963. It was published under the title of Bulletin of Siberian Branch of AS USSR: Social Sciences. In 1993, it was registered as an independent scientific publication, Region: Economics and Sociology. The journal is issued on a quarterly basis.

Publisher: Federal State Budgetary Scientific Institution
Institute of Economics and Industrial
Engineering (IEIE), Siberian Branch of the
Russian Academy of Sciences (SB RAS)

Founders: Siberian Branch RAS,
IEIE SB RAS,
Executive Office of the Interregional
Association «Siberian Accord»

Editor-in-Chief

E.A. Kolomak, Doctor of Economics, e-mail: ekolomak@academ.org

Deputy Editors-in-Chief

V.E. Seliverstov, Doctor of Economics, e-mail: sel@ieie.nsc.ru
L.V. Melnikova, Candidate of Economics, e-mail: melnikova@ieie.nsc.ru
S.R. Khalimova, Candidate of Economics, e-mail: region@ieie.nsc.ru

Managing Editor

S.R. Khalimova, Candidate of Economics, e-mail: region@ieie.nsc.ru

Executive Editor

E.S. Kopylova

Members of Editorial Board

T.Yu. Bogomolova, Candidate of Sociology (Russia); *N.D. Vavilina*, Doctor of Sociology (Russia); *T.S. Vertinskaya*, Candidate of Economics (Belarus); *B.S. Zhi-kharevich*, Doctor of Economics (Russia); *A.G. Isaev*, Candidate of Economics (Russia); *N.A. Kravchenko*, Doctor of Economics (Russia); *Yu.G. Lavrikova*, Doctor of Economics (Russia); *V.N. Leksin*, Doctor of Economics (Russia); *L.E. Limonov*, Doctor of Economics (Russia); *N.N. Mikheeva*, Doctor of Economics (Russia); *A.S. Novoselov*, Doctor of Economics (Russia); *A.N. Pelyasov*, Doctor of Geography (Russia); *E.V. Rudoy*, Corresponding Member of the RAS (Russia); *B.G. Saneev*, Doctor of Engineering (Russia); *O.P. Fadeeva*, Candidate of Sociology (Russia); *A.A. Shabunova*, Doctor of Economics (Russia)

Members of Editorial Council

V.A. Kryukov, Member of the RAS (Russia); *Jerzy Bański*, Doctor of Sciences (Poland); *John Bachtler*, Professor (UK); *Davaasuren Avirmed*, Corresponding Member of the Mongolian Academy of Sciences (Mongolia); *Dorz Tuvdiyn*, Member of the Mongolian Academy of Sciences (Mongolia); *Dong Suocheng*, Professor (China); *O.B. Glezer*, Candidate of Geography (Russia); *Zh.A. Kulekeev*, Candidate of Economics (Kazakhstan); *V.V. Kuleshov*, Member of the RAS (Russia); *Li Yong-quan*, Professor (China); *Nazim Muzaffarli Imanov*, Doctor of Economics (Azerbaijan); *Iлона Pálné Kovács*, Corresponding Member of the Hungarian Academy of Sciences (Hungary); *B.N. Porfiriev*, Member of the RAS (Russia); *Sun Zhuangzhi*, Professor (China); *VI. Suslov*, Corresponding Member of the RAS (Russia); *Tabata Shinnichiro*, Professor (Japan); *A.G. Shumilin*, Doctor of Economics (Belarus)

Publisher's address: 17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: region@ieie.nsc.ru, yes@ieie.nsc.ru

Индекс 43708 (каталоги «Пресса России» и «Урал-Пресс»)

В следующем номере журнала будут опубликованы статьи:

- Государственная политика «удержания населения» на особо значимых территориях
- Энергетическая самодостаточность российских регионов и ее влияние на устойчивое развитие
- Межрегиональные связи в экономике Кемеровской области: подход к исследованию и предварительная оценка
- Личный брендинг как фактор обеспечения конкурентоспособности в креативных индустриях региональной экономики: эмпирическое исследование
- Позиционирование российских регионов в контексте сбалансированности научного и технологического развития
- Оценка уровня жизни работающего населения на основе ИЧР-подхода в регионах Приволжского федерального округа
- Оценка влияния факторов на пространственное распределение миграционных потоков в регионе
- Положение коренных малочисленных народов на муниципальном рынке труда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
- Инструменты стимулирования регионального развития в России: оценка государственных служащих
- Пространственное развитие и стратегическое планирование России и Китая: общие проблемы – разные пути решения
- Некоторые общерегиональные экологические вызовы в современных условиях
- Болота отступают. Новые риски, новые возможности

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ!

Каждой статье присваивается **индекс DOI** – идентификатор цифрового объекта.

С правилами для авторов и требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на официальном сайте журнала «Регион: экономика и социология» <http://recis.ru>.

Полнотекстовая версия журнала в Интернете публикуется на сайтах Научной электронной библиотеки <http://elibrary.ru/issues.asp?id=7623> и Издательства СО РАН <http://sibran.ru/journals>.

Условия подписки на бумажную версию журнала или полнотекстовую сетевую версию в Интернете публикуются на сайте <http://sibran.ru/journals>.

Подписку на журнал также можно оформить во всех почтовых отделениях России, стран СНГ и Балтии по Каталогам газет и журналов агентств «Пресса России» и «Урал-Пресс» (индекс 43708).

Журнал издается ежеквартально на английском языке с названием ***Regional Research of Russia*** и включает переводы статей по региональной экономике, региональной социологии и другим направлениям региональных исследований. Журнал RRR включен в Международную базу данных **Scopus**. Для подписки на RRR следует обращаться в издательство Springer (www.springer.com, e-mail: journals-ny@springer.com).

Журнал «Регион: экономика и социология» включен в Перечень ведущих рецензируемых периодических научных изданий, в которых ВАК рекомендует публикацию работ, отражающих основное научное содержание кандидатских и докторских диссертаций.